

Луи Анри Буссенар

Охотники за каучуком

Луи Буссенар

Охотники за каучуком

«Public Domain»

1888

Буссенар Л. А.

Охотники за каучуком / Л. А. Буссенар — «Public Domain», 1888

Читатель пройдет вместе с героями романа через саванны, девственный тропический лес, преодолеет бурные реки, удивительные водопады в Южной Америке. Не раз удивится мужеству героя романа Шарля Робена и его спутников, не теряющих надежды на спасение в самых трудных обстоятельствах.

© Буссенар Л. А., 1888

© Public Domain, 1888

Содержание

Часть 1. Людоеды	6
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	18
Глава IV	26
Глава V	33
Глава VI	40
Глава VII	47
Глава VIII	53
Глава IX	58
Глава X	63
Глава XI	70
Глава XII	75
Глава XIII	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Луи Анри Буссенар

Охотники за каучуком

* * *

Часть 1. Людоеды

Глава I

Ночная ловля рыбы. – На штирборте понтона. – Жилище каторжников. – Драма в батарее «Форели» в ночь на 14-е июля. – Господин Луш. – Убийство. – Бегство. Пирога. – Сообщник. – Насадка чернокожего. – Квартет негодяев. – План господина Луша. – Нечто о спорной территории. – Список. – На заливе. – Тревога!

– Что, клюет?

– Я чувствую, будто что-то дергает!

– Ну, и пора!

– Давай-ка посмотрим, что там такое на удочке!

– Осторожнее, Геркулес, осторожней, дружище!

– Я, видишь ли, становлюсь стар и ощущаю что-то странное... жуткое... когда вижу, что рыба клюнула... что она, наконец, взяла...

– Молчи, болтун! Ты думаешь, что говоришь шепотом, а сам реवेशь, как рыжий реву... Надзиратели могут услышать.

– Сегодня национальный праздник, они весь день пили и теперь, очевидно, храпят, как ленивая скотина!

– Да полно тебе! Будет! Подвяжи свой язык и будь наготове!

– Если бы загасить этот проклятый фонарь!..

– Ну, пожалуйста, без глупостей! Я в былые время заплатился двумя годами кандалов за такую штуку при попытке бежать при таких же обстоятельствах, как сегодня. Я, видишь ли, загасил фонарь... святильня стала чадить; товарищи пробудились из-за запаха и с перепугу, боясь быть наказанными наобум, принялись кричать. Прибежали надзиратели и изловили господина Луша!.. Фитиль меня предал.

Шум леса, выволакиваемой из воды и тянущейся по гладкой поверхности, прервал разговор, шедший подавленным шепотом.

Человек, именуемый Геркулесом, продолжал тянуть лесу и методически наматывать ее по мере того, как она поддавалась его усилию. Трое остальных присутствующих при этой операции смолкли и, несмотря на свое напускное хладнокровие, были преисполнены тревоги, граничащей с ужасом.

Все они были в одинаковых блузах и брюках из грубого сурового холста, босые и в широкополых шляпах из жесткой соломы; на шее у каждого висело по паре солдатских поршней (род кожаных лаптей, употребляемых в некоторых частях европейских войск), связанных веревочкой. Они стояли у крошечного квадратного окошка, прорезанного в темной стене, напоминающей стены карцера или тюремной камеры. Их бритые лица, осунувшиеся и страшно бледные, с недобрый выражением, в котором, несмотря на тревогу и напряжение, все же виднелся неизгладимый след порока и преступления, – эти лица при свете фонаря, подвешенного к потолку их мрачного помещения, казались еще более отвратительными и отталкивающими.

Но вот довольно сильное колебание почувствовалось во всем помещении, и в ночном мраке раздались какие-то потрескивания.

Четверо мужчин пригнулись, и один из них пробормотал:

– Наконец-то! Прилив!

Колебания, поскрипывания и потрескивания продолжались; наконец все тяжеловесное сооружение пришло во вращательное движение, медленно и как будто нехотя.

– Наш понтон уклоняется от волны, – продолжал тот же человек, – нельзя терять ни минуты!

Эта камера или карцер, где находились рыболовы, было не что иное, как батарея старого фрегата, превращенного в морскую плавучую тюрьму; окно, у которого они собрались, было люком, а низкий, давящий потолок деком, палубой старого военного судна.

Вдоль стены, противоположной той, у которой стояли рыболовы, висел бесконечный ряд коек-гамаков, укрепленных на двух длинных параллельных жердях. Начало и конец их тонули во мраке, и только те, что попадали в круг света фонаря, висевшего под потолком, были освещены слабым колеблющимся светом.

Освобожденные на несколько часов от тяжелого, изнуряющего труда, составляющего удел этих несчастных отверженных, они спали теперь, эти проклятые и забытые людьми люди, тяжелым, свинцовым сном, полным мучительных кошмаров, сном, наступающим после непосильной, каторжной работы.

Измученные и обессиленные поденным трудом, ослабевшие вследствие томительного зноя беспощадного экваториального солнца, истощенные малокровием и болотными лихорадками, они отдыхали теперь, как загнанные звери, быть может, переживая во сне разбитую, изуродованную жизнь или дни своего жалкого существования, чередующиеся без разнообразия, словно звенья бесконечной цепи, или же помышляя о бегстве, об избавлении от проклятой, постылой каторги.

Время от времени из груди кого-либо из спящих вырывался тяжелый стон или вздох, похожий на стон, – и он конвульсивно метался на своей койке, но его разбитые усталостью конечности не находили себе желанного покоя, и самый сон для этих несчастных превращался в новую муку.

Проходит минута, – и храпение целого хора голосов, прерванное на мгновение этим безотчетным стоном, снова раздается так же дружно, как раньше, до тех пор, пока другой такой же стон не прервет этот слитный храп снова на короткое мгновение.

Несмотря на то, что люки открыты, пламя в фонаре как будто гаснет, вследствие удушливого воздуха, отравленного дыханием слишком большого количества людей, скученных в этом тесном помещении. Неопишуемый запах логовища хищных животных с примесью мускусного запаха дыхания кайманов и запаха козла наполнял камеру; это было и ужасно, и отвратительно в то же время.

Такова была обстановка внутреннего помещения старого понтона «Форель», стоявшего на якоре на рейде Кайены, в ночь на 14-е июля.

Было одиннадцать часов ночи. Там, в стороне, город шумно ликовал, празднуя свой годичный праздник. Крики и песни доносились по воде даже и на рейд. Высоко взвивались кверху ракеты, прорезывая огненными змеями мрак ночного неба. Раздавались ружейные выстрелы, и слышался монотонный глухой бой туземных барабанов, обязательной принадлежности всякого местного увеселения.

Матросы со стационаров братались с морской пехотой и артиллерией, с экипажами купеческих судов, с рабочими и служащими различных учреждений. Все от мала до велика участвовали в этом празднике и хмелили в этой шумной, гуляющей толпе; только одно жилище отверженных по-прежнему оставалось мрачным и угрюмым и как бы всеми забытым.

Между тем Геркулес, продолжавший было тянуть лесу все с большей осторожностью и осмотрительностью, вдруг почувствовал сопротивление.

– Все благополучно, попала на крючок! – радостно прошептал он товарищам.

В этот момент послышался глухой удар о наружную стенку понтона на уровне ватерлинии.

– Сдай! – приказал человек, называвшийся господином Лушем.

– Однако, – заметил Геркулес, – пора бы объясниться! Ты все дело задумал один, Луш, а мне тоже хочется знать, каким образом мы выберемся из этой проклятой старой скорлупы.

– Шш!

Глухой удар, как ни был он слаб, все же разбудил одного из спящих, проворного и легкого, как кошка, араба.

Он поднялся в своей койке, сразу увидел четырех товарищей у люка, моментально вскочил на палубу и очутился подле них.

– Ты задумал бежать?! – прошептал он Лушу.

– А тебе какое дело? – грубо отрезал тот.

– Я тоже хочу бежать с вами!

– С нами?! Нет места для тебя, сын мой! Я тебе не мешаю, отправляйся с другим транспортом, но у нас нет места!

– Я хочу с вами, не то я закричу, созову надзирателей.

– А-а, каналья! Ты хочешь выдать нас! Подожди же!..

И он приготовился броситься на араба, который уже раскрыл рот, чтобы крикнуть. Геркулес опередил его, захватив свободной рукой араба за горло с такой силой, что у того мгновенно глаза выкатились на лоб, а посинелый язык далеко высунулся вперед. Глухо захрипев, араб, как сноп, повалился на пол.

– Теперь нельзя терять ни минуты! – прошептал Луш.

– На! – проговорил он, передавая Геркулесу проволоочный канат, обмотанный у него вокруг пояса под блузой. – Закрепи мне это хорошенько за люк, по нему мы спустимся. Ну, вот так... спусти канат наружу... вылезай в люк и спустись по канату! Рыба, которую мы с тобой выудили, это пирога со всеми веслами... Ну, вот так! Живо!.. Пусть остальные следуют за тобой... Я спущусь последним!

Не прошло и трех минут, как трое беглецов скрылись через люк, в который едва-едва проходили их головы и плечи.

Между тем араб, который казался мертвым, стал приходить в себя.

– Ишь, скотина! – пробормотал сквозь зубы Луш. – А ведь я считал его выпотрошенным! Он закричит, переполошит всех, и нас изловят. Хоть бы нож был под рукой, чтобы перепилить ему глотку!.. А-а... Я знаю, что делать!..

С этими словами он направился к своей койке и, порывшись в тряпках, составлявших его имущество, достал оттуда длинный медный гвоздь, длиною в фут, вытянутый им когда-то из обшивки понтона, гвоздь, который он с предусмотрительностью дикаря припрятал в своих вещах.

В два прыжка он очутился возле несчастного и, молча приставив гвоздь к его виску, изо всей силы вдавил в голову.

Затем, чтобы убедиться, что на этот раз араб действительно мертв, – а быть может и из зверской жестокости, он схватил обеими руками голову несчастного, точно мяч, и, оперев шляпку гвоздя о пол, надавил на него голову мертвеца с такой силой, что конец гвоздя прошел насквозь. Несчастный не издал ни стога, ни звука.

Проворно подняв блузу убитого, убийца вдруг увидел на нем кожаный пояс, отстегнул его и убедился, что в нем есть деньги.

– Одним ударом двух зайцев убил: и доносчика убрал, и деньги приобрел... А деньги на всем земном шаре находят себе применение! – пробормотал Луш и с невозмутимым хладнокровием вылез в люк, затем, ухватившись за канат, ловко и проворно спустился по нему.

Как убийство араба, так и бегство четверых каторжников совершились с такой быстротой, что никто из спящих в батарее, а тем более из надзирателей, спавших в своих каморках под мостиком, ничего не слышал.

Между тем беглецы, усевшись в небольшой пироге, схватили каждый по веслу и беззвучно поплыли по направлению к югу. Вскоре пирога подошла к берегу, образовавшемуся из мягких илистых наносов, поросших корнепусками. Не разжимая рта, каторжники проплыли вдоль берега около двух километров и очутились близ устья, уходящего на юго-восток широкого канала, обрамленного с обеих сторон рядом густых развесистых деревьев.

– Суши весла! – скомандовал Луш, стоявший на носу пироги. – Мы первые прибыли на условное место и теперь можем поговорить в ожидании тех, других... Дайте только причалить лодку!

– Да, да, поговорим, – сказал один из двоих беглецов, не произнесших до этого момента ни одного слова.

– Настало время поделиться с вами моим планом, чтобы те из нас, у которых размякнет душа, имели возможность вернуться в острог!

– Ни за что! – разом воскликнули все трое беглых.

– Ну и прекрасно, тем более, что первый вернувшийся туда рискует быть не особенно радушно встречен там!

– Без глупостей!.. Или я слишком сильно сдавил тиски на шее араба? – осведомился Геркулес.

– Ну, араб! Тот уж никого не выдаст: он лежит на палубе с тринадцатидюймовым ершом, прогнанным сквозь голову.

– Черт с ним! Ты, видно, хочешь, чтобы нас повесили, в случае, если изловят!

– Полно, я приму вину на себя... за себя я всегда отвечаю сам! Да и не все ли равно, немного больше, немного меньше крови?! Ведь вам известно, что я приговорен к смерти, а затем еще за другое дельце к бессрочной каторге... кажется, лет на сто с лишним. Но все это не мешает мне чувствовать себя как нельзя лучше. Я всегда готов держать ответ за свои поступки и потребовать должного наказания, если нас изловят! Я подставляю голову господину палачу, а вы заработаете всего только два года кандалов. Но до этого еще дело не дошло, а потому поговорим серьезно о более существенном! Вчера, в полдень, вернувшись с работ, я встретил в порту Жан-Жана! Знаешь эту рослую скотину, неумытую рожу с Мартиники, нашего бывшего товарища, помилованного пять лет тому назад? Ты, Нотариус, кажется, не знал его, так как тогда еще не имел чести таскать за собой ядро на утеху правительству...

– Продолжай! – прервал его человек, названный им иронически нотариусом.

– Так вот, при виде его у меня явилась мысль заставить помочь мне в давно задуманном мною плане побега. Из разговора с ним я узнал, что он служит матросом на тапуйе (туземном голете), поддерживающем сообщение между Кайеной и рудниками Марони; что он должен остаться один на своем судне, тогда как его патрон и остальные служащие отправятся в город, на праздник, гулять. Это ему было не совсем по вкусу, как я видел, и он признался мне, что не задумался бы покинуть тапуйю, если бы у него в кармане был хоть один медный грош.

«Жан-Жан, – говорю я ему, – есть у меня одна завалявшаяся двадцатифранковая монета, и я готов отдать ее старому товарищу, но только при одном условии, а именно: ты сегодня вечером ровно в десять часов, ни раньше ни позже, явишься, рискуя получить пулю в лоб, привязать надежную лесу к обрывку веревки, который будет свешиваться из двенадцатого люка на штирборт „Форели“. Леса эта должна быть достаточно длинна, чтобы ее хватило от „Форели“ до твоего тапуйя!

Привязав лесу, ты преспокойно вернешься к себе на судно, положишь в пирогу, на которой ты ездил, четыре весла, четыре фляги, четыре абордажных палаша и мешок маниоковой муки, а затем крепко привяжешь пирогу к лесу, конец которой остался у тебя. Понял?»

– Понял! – проговорил тот, лукаво подмигивая глазом. – Я согласен, но только с условием, что ты прихватишь с собой моего земляка Амелиуса!

– Но ведь он в береговом остроге! – сказал я.

– Мне дела нет! Устрой так, чтобы его предупредили!

– Ну, ладно! Вот тебе червонец! – сказал я. – И вы все знаете, что Жан-Жан сдержал свое обещание, и Геркулес выудил на удочку пирогу, на которой мы находимся теперь.

– Да, но ты не сдержал своего обещания, так как его земляка Амелиуса или, как мы его называем, «Маленького Черныша», с нами нет.

– Потерпи немного, Нотариус, и ты увидишь, что черный каторжник всегда держит свое слово. Я всячески старался уведомить его сегодня в течение всего дня, и вот мне посчастливилось увидеть разгружавших лодку с привозным мясом Кривого, Мабуля, Шоколада и того долгового араба, у которого изображена на виске синяя молния. Я поручил им передать Маленькому Чернышу о побеге, на что они согласились при условии, что и они присоединятся к нам.

– Как хотите! Это уж ваше дело, – отвечал я и назначил местом встречи Северный мыс «Обысканного залива», где с двенадцати ночи те, кто прибудет на место раньше, подождут остальных.

«Прекрасно! – заявил Кривой. – Все остальное я беру на себя. Вместо того, чтобы возвращаться на ночь в каменный мешок, мы удерем прямо на лодку и по каналу Лосса прямо в путь к „Обысканному заливу“!»

– Теперь вы видите, ягнятки, как обстоит дело! Пролог разыгран; мы приступаем к первому акту пьесы! – заключил свою речь Луш.

– Начало прекрасно, – проговорил Нотариус после минутного размышления, – но что же будет дальше? Там скоро узнают о нашем побеге и устроят погоню за нами. Нас станут преследовать как бешеных собак... нам придется бежать без оглядки через леса, кишящие ядовитыми насекомыми, опасными гадами, хищными животными...

Громкий насмешливый взрыв хохота был ответом на этот перечень опасностей, ожидающих беглецов, и саркастический голос Луша возразил:

– И глуп же ты, Нотариус, для человека ученого!.. Правительство мало беспокоится о беглых каторжниках в этих краях: ему слишком хорошо известно, что нас всюду караулят бесчисленные препятствия, непреодолимые для дураков, конечно. Почти все бежавшие с каторги, после целого ряда бед и невзгод, рады-радешеньки вернуться, издыхая от голода, изнуренные лихорадками, измученные и изнемогающие, и подставить свою лапу, чтобы ее заковали в тяжелую цепь с ядром в качестве брелока!

– Так значит, я прав!

– Ну а я тебе повторяю, что ты глуп! Ты забываешь, что эти несчастные не имеют чести состоять под командой господина Луша, красы и венца всех гвианских каторжников, лукавца из лукавцев и хитреца из хитрецов, могу сказать не хвастаясь! Господин Луш все давным-давно обдумал; он ничего не сделал наобум, как бы можно было подумать, судя по неожиданности и поспешности этого бегства. План у меня давно был выработан, но сегодня представился удобный случай, – и я воспользовался им.

Шепот одобрения покрыл его последние слова.

– Вот видите ли, друзья, – продолжал этот хвастун, – побеги редко удаются потому, что они или плохо задуманы, или слишком поспешно осуществлены, без необходимой предусмотрительности и осторожности. Ссылные из Сан-Лорана, отрезанные от колонии Суринам Марони, попадают в руки солдат-голландцев, которые тотчас же водворяют их на старое место: голландцы выдают беглых. Другие, пытающиеся добраться сухим путем до английской Гвианы, которая не выдает беглых каторжников, становятся жертвой тех ужасов, от которых у тебя волосы на голове становятся дыбом, мой бедный Нотариус. Но мы в Кайене, в тридцати лье по прямой линии от страны, которая – рай земной для всех, у кого есть какие-нибудь счета с так называемым человеческим обществом. Страна, где нет ни губернаторов, ни консулов, ни каторги, где человек живет как вольная птица, как дикий зверь, не признавая ни кар, ни закона,

ни короля, ни совести; где он без труда может зарабатывать золото целыми пригоршнями и поступать, как ему вздумается, творя добро и зло, смотря по тому, как ему заблагорассудится!

– И страна эта называется? – осведомился Геркулес, слушавший разинув рот.

– Эта страна – спорная территория Гвианы, которая не принадлежит ни Франции, ни Бразилии... страна не меньше этой проклятой колонии, но несравненно плодороднее и, главное, здоровее ее!

– Но, вероятно, там уже есть поселенцы!

– Да еще какие богатые поселенцы!

– Превосходно! Так мы займем их места и будем иметь удовольствие водвориться в готовых гнездах!

– Ну, а что касается способов добраться туда?

– То это проще простого для таких людей, как мы, закаленных на тяжелой каторжной работе и не считающихся ни с какими предрассудками. Мы теперь всего в тридцати или тридцати пяти лье от этой территории, отделенной от нашей колонии Ойапокком. Ну пусть даже в сорока лье, если хотите; так и то всего каких-нибудь семь или восемь дней пути.

– Так, так... но как мы выберемся отсюда?

– Ну, уж, конечно, не морем! Это было бы безумием, в этой пироге, почти без съестных припасов, без воды и принужденные держаться как можно дальше от берегов, чтобы не завязнуть в иле. Я не трус, но у меня мороз пробегает по коже всякий раз, как я только вспомню об ужасной смерти бедняги Жиро, прозванного «Губителем кошельков», ловкого и смышленного малого, которого живьем съели крабы, гнездящиеся под этими корнепусками! Вот что мы сделаем: как только сюда явятся остальные, мы в лодке проберемся ночью по «Обысканному заливу» до Мажури. Там укроемся в течение дня; а скрыться там легко, как вам известно: в прибрежных зарослях нас нельзя будет найти, как иголку в сене. Когда стемнеет, мы переправимся через Мажури и выйдем на дорогу в Аппруаг, ведущую до местечка Кав. Дорога эта скверная, избитая, каменистая; она идет по гребням гор, и на ней можно сломать шею. Но что поделаешь? Жители этой местности проходят весь наш путь в один день, а мы пройдем его в одну ночь. Дойдя до местечка Кав, мы похитим лодку, спустимся по каналу, переправимся через реку и оставим за собой большую половину пути, без особых затруднений.

Мы очутимся тогда в совершенно дикой стране – нам придется идти по солнцу; здесь все предосторожности будут излишни: никто нас не увидит и не предаст. Переправляться через реки и ручьи, проходить леса и равнины – это же сущие пустяки! От Аппруага до Ойапокка нет и пятнадцати лье! Это всего каких-нибудь два дня пути. Очутившись по ту сторону Ойапокка, мы уже будем дома.

– Замолчишь ли ты наконец! – раздался грубый голос среди мрака. – Только тебя одного здесь и слышно, господин Луш, ты один трещишь, как целая семья попугаев!

– А-а, это ты, Шоколад!.. Ну, слава Богу!

– Да, я, и с товарищами, и с дурными вестями!

– Готовьтесь, товарищи! Тревога!

– За нами гонятся... На рейде – два вооруженных судна. Большая китобойная шлюпка с арабами-гребцами нагоняет нас... Я не знаю, что с ними случилось; только эти проклятые арабы режут как бешеные: «Аруа!.. Аруа!..»

– Тысячи громов! Хороши мы теперь!.. Очень тебе нужно было прободать его!..

– А, пускай себе режут! – все так же невозмутимо отозвался Луш, – мы еще не в их лапах!

Глава II

Погоня. – Вероятные последствия убийства араба. – Под корнепусками. – Шесть часов в иле. – Поиски. – Страх. – Прилив. – Принудительное гостеприимство. – Решительные средства господина Луша. – Спасение сообщника. – На «Обысканном заливе». – Мажури. – От Ремира до Ков. – Пятьдесят километров в горах. – Жандармы «с большими саблями». – Голод. – Устрицы. – В виду Аппруага. – Плот. – На охоте. – Что означают слова: скот на ногах?

Действительно, как заявил беглый, прозванный Шоколадом, два поспешно вооруженных судна вышли в погоню за беглецами.

Арабы, найдя труп убитого товарища, принялись кричать и подняли переполох на понтоне, служившем плавучей тюрьмой.

Обычно надзиратели не очень беспокоились из-за побега, но на этот раз, ввиду важности преступления, тотчас же распорядились вооружить и снарядить два судна, чтобы без промедления предпринять самый деятельный розыск преступников. Гребцы, вовсе не старательные и не ретивые, когда дело идет о преследовании беглых товарищей, зачастую даже являющиеся их пассивными соучастниками, на этот раз, при виде трупа одного из своих, вдруг почувствовали, что кровь сильнее солидарности каторжан, и обратились в дышащих злобой и местью преследователей.

В одно мгновение шлюпки были спущены, и надсмотрщики, вооружившись с головы до ног, с глухими фонарями, снабженными сильными рефлекторами, заняли свои места.

Для всякого, кому знаком Кайенский рейд, было ясно, что беглецы, уносимые приливом, могли только направиться к берегу и следовать вдоль него на протяжении между каналом Лосса и «Обысканным заливом».

В этом направлении обычно и производятся поиски беглецов. Проискав напрасно в продолжение чуть не часа во всех бухточках и заливчиках этой части берега и островков корнепусков, постепенно затопляемых приливом, представители власти и их подчиненные увидели наконец черный силуэт небольшой лодки, убежавшей изо всех сил.

Арабы тотчас же приналегли на весла и со свирепыми криками «Аруа, аруа!» погнались за ней; крики их далеко разносились по воде.

Еще более возбужденные, чем в начале погони, одержимые мыслью задержать убийцу, они работали веслами с удвоенной силой и мало-помалу стали нагонять беглецов.

Всего каких-нибудь двести метров отделяли их от лодки, поравнявшейся теперь с устьем канала, заметного во время разлива только по деревьям, торчащим из воды. Вдруг лодка беглецов повернула и сразу скрылась в непроницаемых зарослях корнепусков и всякой дикой растительности.

Беглые каторжники из берегового острога присоединились к поджидавшим их товарищам, бежавшим с «Форели», и сообщили им известия о погоне, грозившей погубить их смело задуманный план побега. Однако гроза каторги, многоопытный преступник, которого мы знаем под именем Луша, был человек чрезвычайно находчивый. У него сейчас же родился в голове новый план, правда, весьма опасный, но не для людей такого закала, как все эти каторжники.

– Все в воду! – скомандовал он подавленным шепотом. – А ты, Шоколад, пусти плыть по течению лодку, пусть ее несет!..

– Но я не умею плавать, – застонал Нотариус.

– Ну так оставайся в пироге, но, главное, не раскрывай клюва, не то я тебя переверну вместе с пирогой...

– Ну вот так! – продолжал Луш, когда беглецы, за исключением Нотариуса и его самого, очутились в воде. – Уцепившись руками за борта пироги, держитесь крепко и плывите одними ногами, а я буду управлять вами и проведу в такое место, куда эти гады не доберутся.

Легкая пирога, послушно повинаясь рулевому веслу в искусных руках опытного каторжника, точно призрак проскользнула среди перепутавшихся корней и ветвей корнепусков и в несколько минут оказалась как бы поглощенной массой густой зелени.

Теперь, чтобы добраться до этих людей, нужна была особо счастливая случайность. Их спасла собственная смелость.

В это самое время с залива донеслись крики ярости и досады: арабы и надзиратели наткнулись на лодку, уносимую течением, – и каторжники явственно расслышали проклятия и угрозы одного из преследователей.

– А-а... Эти негодяи нырнули в воду, как кайманы; но завтра на рассвете мы оцепим весь берег, и ни один из них не уйдет. Если они не подохнут в этом иле, то, клянусь чертом, мы их сцапаем в тот момент, когда они вздумают выбраться оттуда! Эй вы, поворачивайте назад, на понтон! На сегодня покончим с этой погоней.

– Не шевелись никто! – прошипел чуть слышно, но внятно Луш. – Дудки, знаю я их: они будут сторожить нас здесь до отлива!

Прошел час, другой, но сила воли отверженных людей ни на одну секунду не изменила им: они остались неподвижны, одни вскарабкавшись беззвучно в пирогу, другие, более сильные, уцепившись за корни и повиснув на них.

Прилив давно уже достиг своей полноты, и теперь вода начинала уже спадать. Там, где только что плескались короткие желтые волны, теперь образовалось отвратительное месиво, по которому проворно бегали бесчисленные маленькие крабы с голубоватыми спинками. Корнепуски точно выросли из воды, вздымаясь на своих узорчатых пьедесталах, из корней, все восемь беглецов очутились теперь на иле, возле своей севшей на мель пироги.

Близился рассвет. Цапли и фламинго, почувствовав, быть может, близость человека, зашевелились.

– Ну, друзья, за работу! – прошептал Луш, до этого времени не проронивший ни слова. – Возможно, что они обыщут всю отмель; хотя она и покрыта илом, но почва под ним твердая на глубине метра, и по ней можно свободно дойти до нас!

– Это верно, – подтвердил Шоколад, – по отмели пройти можно. Я это место знаю; я подбирал здесь водяных птиц, убитых охотниками, которые гостилина китобойной шлюпке в заливе!

– А этого необходимо избежать во что бы то ни стало, – продолжал Луш. – Надо скрыть под илом, в этом мягком студне, нашу пирогу. Мы спустим ее на воду, как только стемнеет, а сами залезем по уши в эту вонючую тюрю при малейшем подозрительном шуме, предварительно обмазав илом наши шляпы и лица, так чтобы можно было пройти мимо в двух шагах, не заметив нас. Смотри и ты, Маленький Черныш, измажь хорошенько свою черную рожу, а то она блестит, как полированный сапог! Кроме того, господу с нежной, чувствительной кожей, как у Нотариуса, этим самым предохранят себя от болезненных укулов насекомых и мошкеры.

Тем временем разом рассвело, как это всегда бывает в экваториальных странах.

Из-за ужасного преступления, сопровождавшего побег, администрация острога приняла самые энергичные меры к розыску преступников. Весь многочисленный персонал острога, забрав имевшиеся на судах свободные шлюпки и заручившись содействием муниципальной полиции, принялся за дело.

Одни обыскивали во всех направлениях окрестности рейда, другие, пешие, обшаривали длинными баграми илистые отмели берегов, смело подвигаясь вперед по этой вязкой, размы-

той илистой почве, в которую они местами уходили по пояс. Поиски продолжались все утро, несмотря на то, что были сопряжены с серьезной опасностью и при том страшно утомительны.

Было истинным чудом, что беглецов все еще не разыскали: много раз охотники за людьми проходили так близко, что слышны были их шаги и голоса.

Запратавшись по уши в зловонную тину, дрожа от страха за свою жизнь, мучимые голодом, иззябшие до костей от длительного пребывания в воде, продолжавшегося без малого двенадцать часов, эти несчастные испытывали адские муки. Но вскоре их страхи должны были возрасти еще более: приближалось время прилива. Издали уже начинал доноситься шум прибоя, который должен был изгнать беглецов из их илистого убежища, как внезапный разлив и наводнение выгоняют из берлог и нор диких лесных зверей.

Правда, и охотившиеся за ними люди тоже принуждены были отступить. Они при этом оцепили весь берег как со стороны суши, отрезав всякий доступ с отмели, так и со стороны моря или, вернее, залива. Люди же, находившиеся в лодках, теперь, благодаря приливу, могли подойти гораздо ближе, до самой зеленой чащи камышей, водорослей и корнепусков.

– Мне кажется, нас выкурят! – пробормотал угрюмо Шоколад, с трудом выбираясь из тины. – Придется пуститься вплавь, если не хочешь утонуть, стоя на месте; а как только мы поплывем, нас и сцапают, голубчиков!

– Не сразу! – отозвался Луш. – Пусть каждый из вас ухватится за корни как можно крепче, чтобы повиснуть на них в первую минуту, когда подойдет первый вал, и при том не высываясь слишком заметно из воды. Мы провели уже двенадцать часов в тине, теперь проведем еще столько же в воде... Ну, живо!.. Ведь другого выбора нет!.. Эх! Вот счастье-то привалило! Этого я никак не ожидал.

– Что такое?

– А вот там видишь, на расстоянии не более ста метров впереди, на заливе между камышами и кустами, коричневая кровля... Это, наверное, рыболовная лодка Аннамита!

– Ну, так что же?

– Молчи! Ставь пирогу так, чтобы ее подняло волной, да не забудь про абордажные палаши... Ну, а теперь за мной, ползком к заливу... к рыболовной лодке!..

И все семеро каторжников, безобразно перемазанных илом и тиной, повинувшись команде своего предводителя, стали ползком пробираться в указанном направлении. Но вот набежал первый вал прилива и в один момент покрыл их; они с отчаянием уцепились за корни, перевели дух и снова направились дальше.

– Эй, – заметил один из них, – нас всего семеро вместе с Лушем!

– Это Нотариуса не хватает! – отозвался последний. – Ну, тем хуже для него! Остальные – вперед!

– Ах, вот он... Он ударился головой о корни; его оглушило, но я не хочу оставлять здесь беднягу! – сказал Шоколад, взваливая его себе на плечо.

Но вот набежал второй, затем третий вал; каторжники пустились уже вплавь и достигли края залива.

Луш не ошибся. Это действительно была крытая лодка с темно-коричневой крышей из листьев.

На носу стоял невозмутимо спокойный Аннамит, занятый починкою своих сетей.

Каторжник бесшумно нырнул у самой шампанки и затем, поднявшись на руках, поднес под самый нос азиата острие своего абордажного палаша.

– Ни звука, не то я тебя мигом выпотрошу!

Человек, к которому были обращены эти слова, с недоумением обернулся и залепетал:

– За что ты хочешь убить меня, господин Луш?..

– Заткни свою глотку! Нас здесь восемь человек беглых, спрячь нас в твоей скорлупе. Если надзиратели станут тебя спрашивать, не видал ли ты нас, ты скажешь, что не видал. Если

ты только проронишь одно лишнее слово или подашь какой-нибудь знак, то помни, что прежде, чем нас задержат, я заставлю тебя проглотить мой палаш по самую рукоятку... Понял?

Аннамит утвердительно кивнул головой. Вслед за Лушем и остальные беглецы, мокрые и облепленные тиной и илом, один за другим взобрались на лодку. Шоколад волочил за ворот блузы бесчувственного Нотариуса, которого он не хотел покинуть.

В один момент все они зарылись под сети, циновки и всякое тряпье, валявшееся под навесом плавучего жилища Аннамита, среди груды рыболовных снастей и домашней утвари, – а рыбак как ни в чем не бывало продолжал чинить сети.

Весь этот маневр мог остаться незамеченным благодаря только тому, что лодка буквально врезалась всем своим корпусом в небольшую бухточку залива.

Теперь беглецам нечего было больше опасаться, кроме обыска на судне. Впоследствии же они узнали, что именно с этого и началась охота за ними. Не найдя на лодке ничего подозрительного, власти и их подчиненные не подумали даже, что беглые, умиравшие от голода, утлали его теперь сырою рыбой из запасов Аннамита. Сами преследователи, измученные и усталые, возвращались на понтон с безуспешных поисков, считая, что разыскиваемые ими негодяи утонули.

Аннамит, также бывший ссыльный, переведенный теперь в разряд поселенцев с восприятием покидать пределы колонии, не хотел да и не мог ни в чем отказать своим прежним товарищам по каторге.

Луш приказал ему, с наступлением ночи, отвязать свою лодку и подняться по «Обысканному заливу» вплоть до устья Мажури. Он покорно повиновался, добыл весла, и вскоре грузная и неповоротливая лодка, под усилием нескольких пар дюжих рук, бесшумно заскользила по тихим водам безлюдного канала.

Через два с половиной часа они достигли устья Мажури, которое в сущности представляет собой не что иное, как слияние Комтэ и Ораню.

Воспользовавшись тремя с половиной часами прилива (так как в Гвиане навигация на большей части реки возможна только во время прилива), они поднялись, не останавливаясь, вверх по реке, минуя батарею Трио, едва видную во мраке, и величественные холмы Ремир, где мирно жил в течение двадцати лет ссыльный Бимго-Варенн. Беглецы так усиленно работали веслами, что им удалось достигнуть холмов Рура повыше залива Гавриила, против которого находится пристань Ступана.

Когда наступил отлив, местность стала слишком населенной, они причалили к правому берегу и высадились здесь, получив от Аннамита целый груз свежей рыбы, несколько пригоршней соли, немного муки и огниво.

Снабдив их всем этим, рыбак, весьма довольный, что ему, наконец, удалось избавиться от своих опасных гостей, не медля ни минуты, пустился в обратный путь к «Обысканному заливу», пользуясь отливом.

Несмотря на довольно значительное отдаление от острога, беглецы, далеко не чувствуя себя в безопасности, спешили укрыться в непроницаемой чаще пальм, диких какаовых и других деревьев, росших на берегу.

Скоро предстоял рассвет, и, как говорил Луш, надо было потихоньку убраться подальше от местечка Рура.

– Потому что, видите ли, голубки, здесь имеется не только судья, который тревожит меня не более прошлогодней сливы, но и жандармская бригада, внушающая мне полное уважение... Я, знаете, не особенно впечатлителен, но признаюсь, вид белых шлемов и ботфортов жандармов «с большими саблями»¹ совершенно парализует меня.

---

¹ Жандармами «с большими саблями» туземцы именуют колониальных жандармов, отборных молодцов из числа корпуса жандармов Метрополии, являющихся грозой всех нарушителей порядка, в противоположность «жандармам козлятам», наби-

– Ты прав, – проговорил Красный, – я того мнения, что страх перед жандармами есть начало всякой мудрости!..

– Мудрости невольной, между нами говоря! Но будь спокоен, мы наверстаем впоследствии наше вынужденное уважение к этим хижинам местных негров, которые так приятно было бы ограбить!

Беглецы с удвоенной осторожностью обошли деревню, все время скрываясь в чаще леса, и достигли первой возвышенности, образующей горный хребет, отделяющий селение Рура от Кав.

Этот маневр избавил их от всякой опасности. Они с трудом взобрались на гору по узкой каменистой тропе, круто ведущей вверх между двумя стенами громадных деревьев, образующих над их головами непроницаемый для света зеленый свод. Здесь нет надобности опасаться встреч, так как редко кто из людей отважится проникать в эти глухие места.

Пользуясь этим одиночеством и безлюдьем леса, беглецы, несмотря на страшную усталость, продолжали идти, не останавливаясь. К вечеру чуть не все пятьдесят километров, которые, по их расчету, составляли расстояние между двумя селениями или местечками, остались позади. Усталые, изможденные и голодные, не имея ничего, кроме жалких остатков рыбы, уже испортившейся от жары, и нескольких щепоток крупы, они растянулись, как загнанные дикие звери, на берегу реки Кав и заснули тяжелым, мертвым сном.

Но утром голод взял верх над утомлением и разбудил их еще до рассвета. Они перешли вброд через реку, довольно мелкую в этом месте, обошли селение и продолжали идти вдоль канала, протянувшегося на двадцать километров до того места, где он упирается в Аппруаг. Здесь им предстояло переправиться через эту реку.

Но как ни велика была сила воли и выносливость этих людей, пятеро из них оказались совершенно не в состоянии двигаться дальше.

Кроме того, терзавший их голод привел их в уныние. Они были близки к тому, чтобы начать сожалеть об остроге и страшных, изнурительных работах каторги. Луш, бывший намного старше своих товарищей, сохранял по-прежнему и бодрость духа, и светлый ум, и непреклонную волю, но и его брненное тело было совершенно разбито.

Только Геркулес и Шоколад еще не израсходовали своих сил. Правда, это были настоящие колоссы, сшитые из мускулов, точно слитые из стали, словом, самые выразительные представители человеческого племени во всей его силе и красе. В то время, как Нотариус хныкал, подобно капризному ребенку, и говорил о том, что хочет отдаться в руки властей в Каве, а другие как будто безмолвно одобряли его, Луш снарядил двоих гигантов на поиски гвианских устриц, которые часто встречаются тысячами на корнях корнепусков.

Действительно, немного спустя они возвратились с огромными запасами этих устриц в своих блузах, превращенных в торбы внушительных размеров.

Несчастные набросились на эту снедь с невероятной жадностью. В данном случае количество возмещало качество, и в конце концов, как ни мало питательны эти моллюски, беглецы утолили мучительный голод. К ним возвратились бодрость и надежда, если не силы.

Минуя Кав, не было никакой возможности украсть какую-нибудь лодку или челн, а переправиться через Аппруаг необходимо было как можно скорее. Геркулес и Шоколад, как всегда неутомимые, отправились на поиски подходящих для сооружения плота материалов.

Совершенно случайно они наткнулись на место, где росли в громадном количестве полые деревья с гладкой белой корой, прозванные гвианцами «пушечными деревьями», и тотчас же принялись усердно срезать их своими палашами.

раемым из негров и представляющим собою туземную полицию, не внушающую никому особого страха и уважения к себе и, как выражаются шутники, пригодную лишь для того, чтобы загонять заблудшую скотину, особенно козлят. (Здесь и дальше примечания автора.)

Тут же неподалеку росли густые заросли бамбука, из молодых побегов которого можно сделать связки.

В довершение удачи, «аи», или тихоход, поглощенный своим любимым занятием грызть кору и объедать листья деревьев, упал на землю вместе с деревом, с которым он не захотел расстаться. Одним ударом палаша животное было убито и, к превеликой радости беглецов, тут же разделено между ними по-братски и в несколько минут съедено сырым.

После трехчасового неустанный труда плот, собранный кое-как, был готов. На него поместили слабосильного Нотариуса и Луша с немудрым веслом, остальные, держась за плот, переправились вплавь. Господин Луш направлял плот так, чтобы максимально сократить переправу.

Местность была совершенно безлюдная, и плот, слегка сносимый течением, благополучно пристал к противоположному берегу.

– Ну, а сейчас, детки, весело воскликнул Луш, нам нельзя попусту терять времени. Самое трудное уже сделано, и теперь успех задуманного плана обеспечен... Прежде всего надо немедленно разобрать этот плот, сослуживший нам добрую службу. Он может выдать нас! Разобрав его, пустим стволы вниз по течению, вода их унесет!.. Ну, вот, прекрасно! Теперь ты, Маленький Черныш, разденешься догола, как наш прародитель до грехопадения, но из уважения к твоей стыдливости я, в виде снисхождения, могу разрешить тебе выкроить из твоих холщовых шаровар подобие калимба². В таком наряде если кто и встретит тебя, то примет за одного из местных жителей, но никто в этом маленьком черномазом не узнает беглого каторжника! Без дела не подходи к жилью, а только затем, чтобы стянуть что-нибудь: козленка, поросенка, курицу... или бычка. Только смотри не попадись! Ты, Мабул, отправишься с Шоколадом и постарайся набрать каких-нибудь съедобных плодов или убить какую-нибудь дичь. Кривой и Красный дождутся отлива и затем пойдут собирать устриц, когда спадет вода. Геркулес останется со мной и с Нотариусом, который будет глядеть на нас и жиреть! Ну, а теперь рысью марш, ангелы мои, и смотрите – не возвращайтесь с пустыми руками, а то мы все скоро проголодаемся. Что же касается тебя, Геркулес, толстая рожа, то отойдем немного в сторону; я должен сказать тебе кое-что!

– Ну чего ты от меня хочешь?.. С чего ты вздумал оставить меня здесь сидеть сложа руки, когда все остальные за работой?

– Оттого, что ты лучший из всех; мало того, ты – мой единственный друг, ты один, на которого я могу положиться и которому я доверяю! Мабул скотина, Маленький Черныш – простодушный негр, Кривой и Красный сделают всегда все, что мы захотим... но Шоколаду я не доверяю.

– Он – убийца, но он никогда не подличал!

– Я его недолюбливаю, тем более, что он, убийца, корчит аристократа по отношению к простым мошенникам. Я хотел сказать тебе, чтобы ты мне доверился и во всем слушался меня. Ты увидишь, как славно мы с тобой заживем и будем есть всласть.

– Неужели?

– Вот увидишь. Я уж сумею в нужный момент найти сорок кило мяса, без особых хлопот... так что будем сыты по горло.

– Как так?

– А ты потерпи! – сказал Луш, странно улыбаясь и искоса поглядывая на спящего Нотариуса. – Я веду за собой «скот на ногах», надо его только покормить до поры до времени, пока он не понадобится нам, а в случае нужды он будет у нас всегда под рукой!..

---

² Калимба – повязка на теле у негров Гвианы.

Глава III

Ссылные в Гвиане. – Портрет и биография одного негодяя. – Попытка бегства. – Кандалы. – Преступник, присужденный к бессрочной каторге, затем к смерти и заставивший приговорить себя еще к ста годам каторжных работ. – Геркулес. – Кривой и Красный. – Нотариус. – Араб и уроженец Мартиники. – Проступки, заслуживающие участия. – Гнев. – Ненависть. – Красота и бесплодность экваториальной природы. – Предрассудки. – Капуста и вместе с тем не капуста. – Мазилка. – Потеряны. – Вернулись. – Свежее мясо. – Грубая басня. – Каторжник-людоед.

В этом рассказе каждому беглецу с плавучего острога Кайены отведена своя роль. Поэтому следует хотя бы в общих чертах набросать их портреты и биографии.

Прежде всего нужно сказать, что, вопреки упорно держащемуся до сих пор мнению, ссылные европейцы в Гвиане представляют собой весьма незначительное меньшинство. Их не более двухсот человек во всех острогах этой колонии. Они выполняют работу, связанную со своей профессией. Все же остальные преступники ссылаются из метрополии в остроги и тюрьмы Новой Каледонии.

Гвиана предназначена почти исключительно для ссылки арабов, уолоферов из Сенегала, чернокожих и иных представителей цветных рас с Мартиники, Гваделупы, азиатов-кули из французских владений в Индии и аннамитов из Кохинхины, не высланных на остров Пуло-Кондор. Всего здесь насчитывается около 3600 человек (в 1877 году – 3663 человека).

Таким образом становится понятно, почему из шести белых беглецов пять были ремесленниками, а один – писарь, сосланный на понтон за дурное поведение.

Господин Луш, как товарищи стали его называть с первого дня прибытия на каторгу, был одним из старожилов правительственных тюрем и острогов, одним из могижан каторги. Ему было 52 года, но тяжелые каторжные работы сделали из него не по годам пожилого человека. Это был чрезвычайно живой, суетливый, маленький, худенький старичок, проворный и находчивый, с черными, с густой проседью волосами, узким, заостренным лицом, с хитрым выражением ласковой лисички и парой чрезвычайно светлых, ясных серо-зеленых глаз, зрачки которых были испещрены желтыми пятнами цвета ржавчины. Лицо его отталкивало, а глаза имели странно жестокое выражение.

Будучи первоначально слесарем, он променял свое занятие на роль Петрушки в труппе странствующих фигляров, где и познакомился с Мартэном, по прозвищу Геркулес, бывшим плотником, превратившимся волею судеб в борца, благодаря своей необычайной силе и волевым качествам.

Их новое ремесло, богатое на разные невзгоды, не доставило им тех доходов и той прибыли, каких они ожидали. Тогда они задумали заняться эксплуатацией общественного имущества, раз им не удалось в желанной мере привлечь общественное любопытство. Они превратились в смелых грабителей и принялись действовать сразу на широкую ногу, грабя магазины и богатые квартиры, чему немало способствовали старые познания и лукавый ум Луша. Новая работа в первое время оказалась чрезвычайно удачной и прибыльной, и приятели извели в эти дни много радостей жизни: и денег, и вина у них было вволю. Но ничто в мире не бывает вечно, этот дружественный союз вскоре был расторгнут судом, приговорившим Луша и его alter ego³ Мартэна к двадцати годам каторжных работ за кражу со взломом и покушение на убийство.

Дело в том, что у колосса Мартэна была такая тяжелая рука, что он едва было не задушил одну из своих жертв, осмелившуюся отстаивать свое имущество.

---

³ ... alter ego – второй я (лат.). – Прим. ред.

Сообщников сослали одновременно в Кайену, где они принуждены были вернуться каждый к своему первоначальному ремеслу, слесаря и плотника, на пользу правительства. Но Луш вместо того, чтобы терпеливо нести свое наказание, вздумал упорствовать, вздумал противиться властям, которые, однако, умирляли и не таких, как он.

Прежде всего он пытался организовать бунт среди ссыльных каторжников и за эту попытку был приговорен военным судом еще к двадцати годам каторги. Но он продолжал упорствовать и пытался бежать. Попытка эта потерпела неудачу, и, в виде исключения, его приковали на два года к ядру. Эти два года он прожил довольно спокойно, повсюду волоча за собой чугунную безделушку, которая при малейшем неловком движении билась по ногам. Но год спустя он имел глупость смертельно ранить одного из надзирателей, который поймал его с поличным на воровстве.

Воровство на каторге карается чрезвычайно строго. На этот раз Луш был приговорен к смертной казни и пережил весь ужас положения человека, который, пробуждаясь поутру, каждый раз спрашивает себя. «Не сегодня ли?» Но смертную казнь ему заменили бессрочной каторгой, и после того он довольно долго вел себя смирно. Перспектива повенчаться с «вечной вдовой», как игриво каторжные называют смерть, как будто несколько умиротворила этого неугомонного человека. Однако вскоре он опять принялся за воровство, снова пытался бежать и вновь трижды был судим военным судом, который каждый раз приговаривал его еще к двадцати годам каторги.

Так как никакого иного наказания, со времени уничтожения телесного наказания, для ссыльно-каторжных не существует, то хоть ради формы судьям приходится выносить какой-нибудь приговор.

Таким образом Луш был приговорен к смертной казни, с заменой ее бессрочной каторгой, и затем еще, в общей сложности к ста десяти годам каторжных работ, как это ни смешно на первый взгляд. Нет надобности добавлять, в довершение этого биографического очерка, вполне достоверного и списанного с натуры, что этот преступник обладал всеми свойствами и пороками самых закоренелых преступников. Впрочем, читатель уже имел возможность видеть его в деле.

Мартэн, прозванный Геркулесом, был полной его противоположностью. Это было настоящее животное, с огромными конечностями, чудовищным торсом и крошечной головой с низким, будто придавленным лбом, с неподвижными, точно рыбьими глазами, и непомерно развитыми челюстями. Геркулес бесхитростно сознавался, что рассуждать – не по его части, и скромно довольствовался ролью послушного орудия в руках Луша, который управлял этим громадным механизмом. Каторжные работы не подорвали сил этого колосса, который, подобно гиппопотаму, не чувствовал на себе тяжести своих сорока лет.

Моро, прозванный Красным, благодаря цвету своих волос, молодой горожанин, бывший рабочий механической мастерской, был «явной гадиной», как говорил про него Луш, знаток по этой части. Этот сравнительно еще молодой парень, всего двадцати пяти лет от роду, был приговорен к бессрочной каторге за убийство в одном из парижских предместий.

Худой, тощий, бледный, с темными кругами под глазами, весь покрытый веснушками, маленький, хрупкий, но сильный и проворный, с неблагородным выражением лица, дышавшего низкими пороками, с красными мигающими глазами и воспаленными, припухлыми веками, окруженными почти белыми ресницами, он производил неизгладимое впечатление на каждого, с кем встречался. Это было типичное лицо негодяя и преступника.

Дитя той же улицы, вспоенный из того же ручья, Равено, прозванный Кривым, был тот же Моро, только не рыжий, а брюнет. Ему всего двадцать два года; четыре года тому назад он был осужден на каторгу за убийство виноторговца близ заставы Фонтенебло; а до того он был рабочим в каменоломне.

Человек, прозванный Нотариусом, принадлежал к хорошей, приличной семье в Анжу. Это был рослый, белокурый детина с бесцветной, расплывчатой физиономией. За дурное поведение его прогнали с занимаемой им должности в конторе нотариуса, где он был писарем. Мягкий, слабовольный и разнузданный по природе, без малейшей личной инициативы, он был способен на все, что угодно, особенно на все плохое, поддаваясь каждому дурному влиянию. Сослан он был на десять лет за подлог, и так как ему было всего двадцать четыре года, то было удивительно, почему он рискнул бежать вместо того, чтобы терпеливо и спокойно отбыть свой срок наказания, т. е. остающиеся ему семь лет.

Время идет незаметно даже на каторге, а молодость всегда полна надежд.

Все это так, но статья французского закона гласит, что всякий приговоренный к каторжным работам на срок не менее восьми лет по истечении срока наказания обязан пробывать безвыездно, в качестве поселенца, еще столько же лет в пределах колонии. А если виновный приговорен к восьми годам каторжных работ или свыше того, то обязан пожизненно оставаться поселенцем в этой колонии.

И вот у Нотариуса не хватило мужества на это пожизненное изгнание, которое должно было последовать за наказанием.

Амелиус, или Маленький Черныш, как его называл Луш, в память того как называют в Париже продаваемые по утрам в сливочных чашки черного кофе, в сущности был рослый и красивый метис с Мартиники, так называемый «кабр», помесь мулата и негритянки. Раньше он был рабочим на сахарной плантации, но был осужден на двенадцать лет каторжных работ за поджог, из мести, того рафинадного завода, на котором работал.

Способный на благородные порывы и побуждения, но поддающийся временами бешеной злобе, мстительный и решительный, он представлял собой сочетание контрастов и обладал пороками и достоинствами обеих рас в равной степени.

Абдул-бен-Мурад, прозванный Мабул, был приговорен к двадцати годам каторги во время Алжирского восстания в 1871 году и, конечно, попал бы под амнистию наравне с другими своими соотечественниками, если бы за несколько месяцев до того не убил одного из своих товарищей. Это был человек лет тридцати пяти, высокий, сухой, мускулистый, молчаливый, мрачный и фанатично преданный своей мусульманской религии.

От него тщательно скрыли убийство араба Лушем в первый момент бегства, так как, хотя сам он убил одного из своих братьев мусульман, но, наверное, не задумался бы в свою очередь убить каждого «руми», то есть, «неверного», который осмелился поднять руку на одного из сынов Пророка.

В заключение скажем еще пару слов об Винкельмане, прозванном Шоколадом, плотнике и столяре, приговоренном в 1869 году к двадцати годам каторги за убийство своей жены ударом топора.

Конечно, Винкельман был преступником, но его никак не следует смешивать с остальными негодьями и злодеями, в обществе которых он отбывал свое наказание.

Если посмотреть на этого великана, ростом без малого два метра, с кротким и печальным взглядом больших голубых глаз, с лицом спокойным, почти добродушным, то трудно поверить, что временами им овладевало дикое бешенство, совершенно лишавшее его рассудка и превращавшее в дикого зверя. Во время одного из таких приступов бешенства, с которым он не в силах был совладать, он и совершил упомянутое преступление.

Присяжные признали смягчающие вину обстоятельства, но суд, произнесший над ним приговор, оказался на этот раз непомерно строгим. Несчастный заслуживал снисхождения хотя бы потому, что поведение его всегда было безупречно до этого рокового момента, честность его была всем известна, и трудолюбие беспримерно.

Весьма возможно, что привлеченный к разбору этого дела добросовестный врач-психиатр сумел бы доказать невинность обвиняемого, но, видно, судьбе было угодно, чтобы этого не случилось.

Сосланный в Кайену, Винкельман сносил с покорностью свою участь и все время отличался образцовым поведением, безупречной дисциплиной и трезвостью.

Он, безусловно, был светлым пятном среди всех этих негодяев, с которыми ему приходилось жить, и те вскоре возненавидели его тем сильнее, что его поведение являлось как бы постоянным немым упреком им, их образу жизни, их поведению и их речам. Но это ни мало не смущало его.

Сложенный как древние гладиаторы, смелый, как лев, ловкий, гибкий и проворный, как тигр, он сумел внушить этим отверженным то уважение, какое всегда вызывает большая физическая сила.

Но это не обошлось без борьбы. В Кайене по сей час еще говорят о необычайном подвиге этого силача, которым он спас себе жизнь.

Спустя всего несколько месяцев по прибытии в колонию ссыльных, он вырвал из рук одного добровольного палача каторги несчастного, над которым тот немилосердно издевался, сделав его своим козлом отпущения.

Мучитель этого несчастного, настоящий колосс, видя, что у него отняли жертву, накинулся на того, кто осмелился выступить на защиту обиженного, и полагал, что ему легко будет справиться с ним. Но Винкельман, схватив его поперек туловища, точно сноп, положил на обе лопатки, перевернул и тотчас же, в присутствии всех товарищей, подверг тому унижительному наказанию, которое в просторечии называется поркой. Эта порка вызвала одобрительный смех присутствующих, которые теперь полностью оказались на его стороне.

В заключение Винкельман сказал своим обычным спокойным голосом:

– Помни, что каждый раз, когда ты посмеешь его тронуть, тебе будет от меня такая же порка! Не забудь этого!

Тогда тот решил ему отомстить. В ту пору каторжане разгружали суда со строевым лесом, доставленным из девственных лесов; бревна эти весят не меньше камня и почти не уступают ему в прочности.

Четверо ссыльных несли на своих плечах бревно, весившее около пятисот килограммов. На одном конце бревна находился ссыльный, так жестоко выпоротый Винкельманом, а последний поддерживал середину бревна, тогда как двое других находились один впереди него, другой позади.

Негодяй заранее подучил их в тот момент, когда он кашляет, сделать вид, будто они споткнулись, и пригнуться таким образом, чтобы бревно всею своею тяжестью легло на одного Винкельмана.

Первая часть этого плана была выполнена тремя негодьями в точности по уговору, но, к неописуемому удивлению всех троих предателей, человек, которого они ожидали увидеть раздавленным под тяжестью бревна, только попринадулся, изогнулся половчее и, как стальной подъемный кран, не останавливаясь, донес одну страшную тяжесть все двадцать шагов до места складывания. Когда другие товарищи подоспели к нему, чтобы помочь скатить с себя бревно, он презрительно обернулся к своему недругу и только сказал ему:

– Попробуй-ка ты сделать то же самое!

В этом заключалось все его мщение. С тех пор никто уже не смел затрагивать его или вообще беспокоить чем бы то ни было. Ему предоставили волю жить как угодно и перестали даже находить странным, что он не принимал участия ни в попойках, ни в картежничестве, ни в ругани и в более чем двусмысленных рассказах. Мало того, каторжанки даже как будто стали питать к нему уважение, если только люди этого сорта вообще способны на подобное

чувство. Оно было вызвано в них одним его поступком, который стал известен впоследствии, как вообще узнается все на каторге.

Один из надзирателей, желая знать все, что делается среди ссыльно-каторжных, предложил Винкельману, за известные льготы и поощрения, служить шпионом. Это предложение возмутило его до глубины души. Сначала вся кровь бросилась ему в лицо, затем разом отхлынула к сердцу, и, сжав до боли обеими руками грудь, он простонал глухим, сдавленным голосом:

– Чтобы я... я стал шпионом... сыщиком... нет, нет, уходите скорей, не то я убью вас... Я за себя не ручаюсь!..

Надзиратель оказался человеком хорошим, он понял возмущение Винкельмана и на другой день, призвав его к себе, извинился перед ним за вчерашнее предложение.

Вскоре после того Винкельман был назначен в колонию Сен-Лоран-дю-Марони в качестве искателя ценных деревьев. Эта командировка, очень желанная для всех ссыльных, дает возможность пользоваться относительной свободой, в том смысле, что каторжанину приходится обследовать громадные участки лесов, отыскивая пригодные для рубки деревья.

Винкельман давно уже лелеял в тайне надежду вернуть себе свободу, и на этот раз случай казался ему благоприятным, так как голландская Гвиана была близко. Он переправился через Марони на плоту и достиг ближайшей колонии.

Но здесь его вскоре задержали голландские солдаты с поста Альбина и водворили обратно в его острог, в силу существующего между двумя правительствами соглашения о выдаче беглецов.

– Бедняга! – невольно воскликнул старший смотритель, увидев вновь перед собой Винкельмана. Тебе положительно не везет! И подумать только, что мне придется заковать тебя в цепи на два года!

Но спустя шесть месяцев Винкельман был освобожден от этого наказания губернатором за то, что спас жизнь тонувшему пехотному солдату.

Однако не прошло и года, как он вторично пытался бежать, но был задержан и опять предстал перед военным судом, который приговорил его к тому же наказанию.

Он снова был водворен в Кайену, и губернатор, к которому члены совета обратились с ходатайством о помиловании виновного, приказал привести его к себе.

– Дайте мне слово, что вы не будете пытаться бежать, и я тотчас же прикажу снять с вас цепи!

– Не могу я дать вам этого слова, господин губернатор, слово должно быть свято, а это обещание, быть может, и не под силу мне! – отвечал Винкельман.

Тем не менее главнокомандующий Гвианы помиловал его и освободил от наложенного на него наказания. Из чувства ли признательности за это великодушие властей по отношению к нему, или же за отсутствием благоприятных случаев, неизвестно, но только в продолжение целых восьми лет каторжник не возобновлял своих попыток бежать.

В начале этого рассказа мы видели, при каких условиях в нем вновь пробудилась жажда воли и свободы с еще большей силой, чем прежде.

Винкельман и араб, отправленные Лушем за плодами, долгое время бродили по лесу, не встречая ничего годного в пищу человеку.

Люди вообще охотно воображают, что громадные девственные леса экваториальных стран, где растительность так величественна и так роскошна, изобилуют плодами и ягодами в диком состоянии; что они кишат всякой дичью, что, словом, человек, очутившийся волею судеб в этих лесах, может в продолжение известного времени, если не утопать в излишестве, то во всяком случае не испытывать недостатка в пищевых продуктах. Но это – большая ошибка.

Одиноким человек находится среди девственного леса совершенно в таком же положении, как потерпевший крушение – на плоту среди океана. Плодовые деревья экваториальных стран, о которых так много говорят, в сущности, нисколько и ни в чем не превосходят наши плоды, плоды и фрукты умеренной зоны, и никогда не произрастают так, сами собой, в чащах девственных лесов. За исключением лишь весьма редких случаев, эти великолепные деревья, величественные гиганты и могиканы лесов, дающих превосходнейший строительный и корабельный материал, самые ценные мебельные деревья, – не бесплодны, но плоды их совершенно не пригодны в пищу человеку.

Можно еще считать, пожалуй, съедобными некоторые виды ягод, в большинстве случаев недоступных, так как они растут на недостижимой высоте. Добытые с громадным риском они едва пригодны для утоления самого жестокого голода, но отнюдь не для того, чтобы полакомиться ими.

Таковы плоды мамбина, дикого сапотильника, желуди или орешки балата, плод желтолистника, канарника, катука и душистого кедренника и другие.

Еще плоды ягодного лавра, гуаяника, манго или мягкоплодника, а главным образом хлебного дерева и банана, могут считаться серьезно съедобными плодами, хотя они собственно не южноамериканского происхождения. Они давно были завезены сюда и прижились, но требуют известного ухода и культуры, чтобы давать съедобные плоды.

Они должны быть возделаны рукой человеческой, и, если встречаются иногда в диком состоянии, то только на заглухших вырубленных местах, где вскоре гибнут от громадного количества растений-паразитов.

Таким образом даже кочевой индеец, несмотря на его невероятную лень, все-таки обзаводится небольшим участком выкорчеванной земли, где сеет и снимает игнам, пататы и главным образом маниок, являющийся главной основой его питания и первым оплотом против голода. А если он охотится, чтобы дополнить и разнообразить свою пищу, то не в девственных лесах, а где-нибудь по течению реки и вблизи озер, где в изобилии встречается и рыба, и дичь. Кроме того, там, где индеец, с присущей первобытному человеку изумительной выдержкой и знанием природы, умеет разыскать и выследить зверя, цивилизованный человек никогда не нападет на его следы и всегда вернется с пустыми руками.

Встретить черепаху будет уже великой находкой. Что же касается птиц, хокко, туканов, агами, куропаток и других, то о них и думать нечего, если, кроме превосходного оружия, нет еще и основательного знания всех приемов этих чрезвычайно трудных охот. Точно так же трудно ему найти и оленей, коз, кариаку, пекари, агути или простых тату или армадилов. Эти звери также не находят себе пропитания в девственных лесах, а обыкновенно держатся вблизи больших прогалин, саванн или рек, где растительность видоизменяется от отсутствия гигантских деревьев.

Вот почему наши двое посланных, поисков и насобирав кое-каких жалких, едва съедобных ягод и вдоволь насадив спины в поисках очень неприглядных на вид, но чрезвычайно вкусных гуан (ящериц), невольно вскрикнули от радости при виде пальмы средней величины со стройным стволом.

– А-а, вот патауа! – воскликнул Шоколад, – теперь мы покушаем капустки... Теперь с голоду не умрем! – и, не долго думая, он принялся рубить своим палашом ствол, плотные и крепкие волокна которого не поддавались даже острому клинку.

Между тем как бедняга с нечеловеческим усилием рубил ствол пальмы, скажем несколько слов относительно этой съедобной части ее, называемой почему-то нашими натуралистами «пальмовой капустой» и описанной ими так, что у людей слюнки текут, когда они читают о ней. Но в сущности это вовсе не так. Слово «капуста», которым называют верхние побеги арековой пальмы, марины, или патауа, как нельзя менее соответствует внешнему виду этого побега.

Вообразите желтоватую, цвета слоновой кости, массу, обладающую плотностью свежего миндаля, имеющую цилиндрическую форму, толщиной с предплечье человеческой руки, и достигающую длины одного метра и более. Этот мясистый цилиндр заключен в оболочку из листьев, венчающих вершину пальмы.

Трудно себе представить что-нибудь менее похожее на капусту, чем это странное вещество, состоящее из коротких волокон, хрустящее, почти совершенно безвкусное, которым, конечно, можно наполнить желудок голодающего, но совсем не полакомиться.

Как бы то ни было, не имея ничего другого под рукой, наши искатели плодов отдали должное этому угощению, добыть которое было так невероятно трудно. К довершению беды, когда они вздумали вернуться в лагерь, то оказалось, что сбились с пути. А так как провести ночь одним в лесу не представлялось для них чем-то особенно ужасным, то они легко примирились с этим обстоятельством, и, расположившись на ложе из обрубленных Шоколадом листьев пальмы, заснули крепким сном.

На другое утро, как только рассвело, старый искатель деревьев, которому только наступление ночи помешало разобраться в пути, очень скоро напал на свой след. Немного сконфуженные, Шоколад и араб вернулись в лагерь, как охотники с неудачной охоты, опасаясь, чтобы их неудача не отразилась на общем состоянии припасов маленького отряда.

Но, против своего ожидания, они застали лагерь в самом радостном настроении, и, – неужели это только воображение? – им показалось, что слышен вкусный запах жареного мяса, приятно щекочущий их обоняние!

– Ну же, вы, увальни! – весело приветствовал их Луш. – Присаживайтесь к компании... У нас есть свеженькое мясо да еще вволю! Есть чем набить брюхо!

– Слава Богу, – проговорил Шоколад, подсаживаясь к товарищам, – нам двойная порция не повредит: мы проработали впустую... Со вчерашнего дня мы не нашли ровно ничего, кроме пальмовой капусты... Да, кстати, что это вы едите? Какое мясо?

– Печенка, приятель, печенка! – отозвался Геркулес, поджаривая над красными угольями кусок печенки, насаженный на длинную трость.

– Да еще какая печенка-то! – похвалил Красный. – Вот несчастье-то, что нет у нас здесь луку да кастрюльки, а то бы мы приготовили знатное блюдо!

– Печенка? Чья печенка?

– Да козья, а то чья же?

– Не может быть?!

– Да я же тебе говорю! Ешь, что тут долго рассуждать!.. А я тебе кое-что расскажу, пока ты будешь есть. Представь себе: вчера, в то время, как мы ловили на реке ракушек и крабов, прямо на нас выбегает дикая коза, очевидно, преследуемая кем-то, но кем, я не знаю, да и какое мне дело! Выбегает на нас и кидается в реку. Мы ныряем по самые уши, чтобы схватить ее за ноги, как вдруг бедное животное, истекающее кровью, жалобно вскрикивает два раза и начинает тонуть. Ты понимаешь, что мы не зевали: тотчас же схватили ее, вытащили на берег, прикололи и приволокли сюда, после чего каждый отвоевал себе добрый кусочек!

– Да, дело важное! – сказал Шоколад, переворачивая над огнем свой кусок печенки, чтобы он поджарился и с другого бока. – А где же Нотариус?

– Ах, да ты ведь и не знаешь... бедняга...

– Что?.. Разве с ним что случилось?

– Да, тяжело видеть, как гибнет один из своих, и быть не в состоянии помочь ему!

– Он, правда, был несколько размазня... но я все-таки привязался к нему...

– Нотариус был недурной парень! – заметил Красный с набитым ртом, с наслаждением пожирая свою порцию.

– Да говори же ты, что с ним случилось! – воскликнул Шоколад, у которого в уме вдруг зародилось ужасное подозрение.

– Да вот плескался это он вчера в реке, и вдруг его ударил электрический угорь, да так, что он тут же едва только успел вскрикнуть и ушел в тину!

Но этот рассказ, эта грубая басня не могла провести Шоколада, который порывисто вскочил на ноги, весь побледнев от ужаса. Он видел развешенные на дереве куски кровавого мяса, из которого были удалены кости и содрана кожа; он ни в одном из них не мог признать частей четвероногого животного, хотя все эти куски были бесформенны.

Вдруг все ему стало ясно, и правда встала у него перед глазами во всем ужасе.

– Так то, что вы хотели заставить меня есть... человеческое мясо! – воскликнул он прерывающимся голосом, бросив в огонь кусок, который уже готов был поднести ко рту, – ... человеческое мясо!

Глава IV

Запутавшийся якорь. – Ныряние. – Спасение. – Экипаж вижилинги. – Хозяин. – Плохое оправдание. – Устье Арагуари. – В ожидании пророки. – Река Амазонка. – Необходимые предосторожности. – Что такое пророка. – Ее причина. – Ее длительность. – Ее проявление. – Ее действие. – Три громадных вала. – Маленькое судно. – Вперед! – Видоизменение почвы и растительности. – Флотилия. – Жилище. – Счастливая семья!

– Подымай якорь!.. Да подымай же, говорят тебе!

– Не идет, господин... никак не поддается... видно, запутался.

– Сдай канат!

– Я только что сдал целых три!

– Ну и что?

– Якорь идет вниз, затем снова идет кверху и останавливается, вероятно, он зацепился между ветвями затонувшего дерева.

– Черт побери! Но нам во что бы то ни стало надо сняться и уходить... Надо воспользоваться приливом и укрыть нашу вижилингу в «надежду»⁴ Робинзона; иначе нас неминуемо изломает в щепки пророка!

– Да, но в таком случае, чтобы сойти с места, остается только перерубить канат.

– Но это наш последний якорь! Как же нам быть сегодня вечером, если мы вздумаем пристать где-нибудь, и у нас не будет якоря?.. Нет, пожертвовать якорем никак нельзя... Нырни!

– Господин, разве вы хотите моей смерти? Ведь здесь кишмя кишат гимноты!

– Трусишка!

– Будь это там, в нашем Марони, я бы ничего не сказал. Вот посмотрите, как наш рулевой тапуй⁵ пожимает плечами и с видимым беспокойством и тревогой вдыхает в себя воздух с моря!

– Ну, а ты, Пиражиба, нырнешь наконец хоть для того, чтобы доказать, что ты достоин своего имени? (Пиражиба означает рыбий плавник на языке тупи).

Но молодой индеец остался неподвижен, как статуя из красного порфира, и не ответил ни слова.

Легкая краска залила лицо человека, командующего судном с Амазонки, но он сдержался.

– Я дам тебе горсть табака... связку сушеной рыбы... и дамижан (большую бутыл) тафии!

Слово «тафия» производит на индейца магическое действие, словно какой-то талисман: он мгновенно выходит из своего столбняка.

– Эста бом (это хорошо)! – говорит он по-португальски своим красивым гортанным голосом, не прибавив ни слова, перекидывает ногу через борт, хватается за канат и, кинувшись головой вниз, мгновенно исчезает под водой.

Вскоре он снова появляется на поверхности и на наречии, на котором говорят все индейцы тропической полосы Южной Америки, говорит:

– Негр сказал правду: якорь зацепился между разветвлениями громадного железного дерева!

– Ну, так что же?

– И сам мой сородич Табира (Железная Рука) не мог бы высвободить его!

---

⁴ «Надеждами» называются маленькие бухточки, защищенные от пророки, где судно может укрыться от водоворотов.

⁵ Тапуй – цивилизованный индеец с низовьев Амазонки.

– Ну, я вижу, что на вас нечего рассчитывать. Все вы трусы и лентяи... постараюсь обойтись без вас, раз вы не понимаете, что ваша непреодолимая лень может привести всех нас к гибели. И чем дольше мы будем откладывать, тем труднее будет освободить якорь!

Действительно, прилив быстро надвигался. Со всех сторон, кружась и вертясь, нахлынули обломки деревьев и растительные отбросы, уносимые течением Амазонки на целых сорок километров в море и возвращающиеся обратным течением; громадные, с корнем вырванные деревья, подмытые водой, влачащие за собой свой тяжелый убор цепких лиан, целые мели тростника, огромные корни, похожие на панцирь черепахи или крокодила, колоссальные неподвижные листья, блестящие, как лакированные подносы или металлические щиты, цветы, издающие странный запах, не то аромат, не то яд.

Рассвело разом, внезапно как-то всплыло вдруг солнце, пылающее, как раскаленный шар, как огонь в кузнице, над деревьями, косматые вершины которых образуют вдали сплошную стену зелени. Гуарибы, или ревуны прервали свой отвратительный рев; белые цапли перламутровыми пятнами испещряли бледную зелень корнепусков. Розовые ибисы и фламинго весело купались в солнечных лучах; деканы целыми стаями поднялись в воздух; одинокие желтобрюхие конкромы погружали свои длинные клювы между корнями корнепусков, отыскивая себе утреннюю поживу.

Но молодой человек на судне, вероятно, хорошо знакомый с этой картиной, не устаивал ее внимания: его заботила участь маленького судна.

Этот молодой человек был чистокровный белый, в расцвете сил и лет, то есть тридцати двух или тридцати четырех, брюнет, с черными глазами, смуглым или, вернее, загорелым цветом лица, с красивыми правильными чертами, дышащими энергией и решимостью и выражением недоужинного ума.

Одетый в простую синюю матросскую куртку и широкие белые шаровары, обутый в кожаные сапоги, с широкополой соломенной шляпой на голове, он стоял некоторое время, облокотясь на борт своей вижилинги, пока его люди возились с якорным канатом.

Эта вижилинга – красивая лоцманская лодка, вместимостью в двенадцать тонн, несущая две мачты, с оснасткой голета и парусами, окрашенными в рыжий цвет и в настоящий момент убранными. Построена она была из итаубы, знаменитого «каменного дерева», не гниющего и обладающего прочностью гранита.

Такое судно, несмотря на свое незначительное водоизмещение, хорошо прокопченное, с хорошей оснасткой, плотной палубой, тщательно закрытыми люками, может выйти и в открытое море или же держаться у илистых берегов и, при случае, вынести даже бешеный шквал или проророку.

В данный момент его нос, с которого спускался якорный канат, был обращен к океану, тогда как корма стояла почти в устье широкой реки, впадающей в крайнюю северную часть устья Амазонки.

Приняв быстрое решение, молодой человек проворно скинул с себя куртку, засучил панталоны до колен, привязал вокруг пояса канат, равный, приблизительно, по длине якорному канату, и, вскочив на борт, бросился головой вниз в воду.

Все шесть человек экипажа вижилинги (четверо чернокожих и два индейца) взглянули на желтоватую воду, где там и сям виднелись водовороты, образовавшие глубокие воронки, и ожидали скорее с любопытством, чем с тревогой, появления своего господина на поверхности реки.

Прошло довольно много времени, когда тот вдруг появился над водой и затем с проворством, свидетельствовавшим о необычайной силе, поднявшись на руках, взобрался на палубу с быстротой кошки.

– Ну, господин, если вы не смогли, то и человек, который сильнее майпури (тапира), тоже не смог бы! – осклабясь, произнес один из негров, до сего времени не раскрывавший рта.

– Молчите, бездельники!.. Мне стыдно за ваше малодушие. Я никак не ожидал этого от вас, негров бони, привезенных моими добрыми друзьями Ломи и Башелико!

– О, господин, не брани нас! Мы, бони, смелые парни у себя на Марони, но становимся более вялыми, чем кули, когда переходим на Арагуари.

– Ну, ну... Я знаю, что вы найдете столько же отговорок, сколько угорь норок.

– Убирать нам канат?

– Нет! – коротко ответил молодой человек, укрепляя вокруг ворота, которым поднимают якоря, верхний конец каната, другой конец которого был обвязан у него вокруг пояса, а теперь остался в воде.

Между тем начался прилив. Нос вижилинги, повинувшись якорю, начал погружаться в воду. Но неукротимый молодой капитан не смутился.

– Эй, ребята, – крикнул он, – к вороту, и дружнее!

– Но, господин, мы идем ко дну! – плаксиво проговорил один из негров.

– Молчи, говорят тебе, и приналяг, не жалея сил!

И вот под двойным усилием прилива и ворота вижилинга все больше и больше стала зарываться носом в мутные воды реки; наклон ее становился угрожающим. При малейшем волнении ее бы залило, но водная поверхность была спокойна, как зеркало. Однако, еще немного, – и вода дошла до клюзов.

Несмотря на свое невозмутимое спокойствие и присутствие духа, молодой человек начал испытывать некоторое опасение. Быть может, он все-таки решился бы обрубить оба каната, прикрепленные к якорю. Вдруг по судну пробежала страшная дрожь, от которой мачты затрепщали и содрогнулись от основания до вершины.

– Наконец-то! – воскликнул про себя молодой командир судна. – Если якорный канат и тот, другой, который я прикрепил к якорному кольцу, выдержат и не порвутся, как бечевки, то мы снялись, и якорь спасен!

И действительно, почти в тот же момент вижилинга выпрямилась, и люди у ворота, не чувствуя более сопротивления, бегом стали ворочать его. Вскоре спасенный смелым маневром молодого капитана якорь показался над поверхностью.

– Ну, Пиражиба, друг мой, теперь вернись к своему рулю, – обратился капитан к индейцу, который до сего времени не шелохнулся, тогда как чернокожие, поняв, наконец, что их господин нырял, чтобы укрепить к якорю второй канат, теперь шумно восхищались его подвигом и его блестящим результатом.

– Правь вдоль Пунта-Гросса, обогни Фуру-Грандэ и затем держи на надежду Робинзона! Надо во что бы то ни стало достигнуть ее прежде отлива! Понимаешь?

Маленькое судно, находившееся в этот момент близ 52 градуса 18 минут западной долготы и 1 градус 24 минуты северной широты, устремилось вместе с приливом прямо в устье Арагуари. Ее называют еще и Винсент-Пинсон, именем знаменитого испанского мореплавателя, сотоварища Христофора Колумба.

Арагуари течет с юго-востока на северо-запад через территорию, давно уже оспариваемую и Францией и Бразилией. Навигация по Арагуари сначала кажется затруднительной, вследствие глубоких омутов, перевалов и частых изменений дна, периодически производимых проророкой. Тем не менее хорошо и прочно построенное судно, управляемое искусной и привычной рукой, может беспрепятственно совершать это плавание в пору больших, то есть сильных приливов.

В сущности затруднения вызывает не недостаток воды для глубоко сидящего судна; нет, глубина везде достаточна, особенно, если принять во внимание, что разница уровня во время прилива и отлива может достигать между островом Марака и Гвианским берегом колоссальной цифры – шестнадцати и семнадцати метров в пору сильных приливов.

Эти приливы получили у туземцев название пророка; слово звукоподражательное тому грозному рокоту, с каким океанские волны устремляются в устье и в реку.

Этот своеобразный феномен, аналогичный с подобными же явлениями на Сене и Жиронде, но в несравненно более грандиозных размерах, вследствие громадного количества воды, поступающей из Амазонки, происходит регулярно в течение трех суток, предшествующих полнолунию и новолунию. В эту пору море, прорвавшись через преграду, какую являются впадающие в него воды реки, вдруг, высоко вздымаясь, встает отвесной стеной и, оттесняя воды реки, гонит их против течения, напирает на них с такой силой, что в какие-нибудь пять минут заливают все устье, вместо того чтобы постепенно вливаться в него в течение шести часов.

Несколько точных цифр дадут читателю наглядное представление о мощи этого феномена в тот момент, когда океан с непреодолимой силой устремляется на приступ гигантской реки.

Русло Амазонки, если не считать незначительных извилин в верхней ее части, имеет около 5000 километров протяжения. Ширина этой реки не менее поразительна. У Табатинга, лежащего на расстоянии свыше 3000 километров от Атлантического океана, ширина ее достигает 2500 метров. При впадении в нее Мадейры, в 5 километрах ниже Сантарема и в 500 километрах от моря, она уже достигает 16 километров. Наконец, устье верхнего рукава, между Макана, маленькой бразильской крепостью, и берегом острова Мараджо, лежащего между двумя рукавами русла Амазонки и имеющего 500 километров окружности, равняется уже 80 километрам, тогда как главное устье, между Пунта-Громма и мысом Лагоари имеет свыше 200 километров ширины.

Глубина, часто меняющаяся, тем не менее всегда весьма значительна в устье. Она достигает 185 метров, а в среднем колеблется между 75 и 100 метрами на всем протяжении реки, так что количество воды, приносимое ею в океан, исчисляется 100000 кубических метров в секунду.

Прилив доходит до 1000 километров вверх по течению и вздымает воды всех притоков, находящихся в этой области, так что Токантин, в числе других, вздымается на расстоянии 160 километров от своего слияния с Амазонкой, то есть своего впадения в эту реку.

Теперь возвратимся к вижилинге, о которой шла речь и которой предстояло, по словам ее капитана, в самом непродолжительном времени выдержать этот страшный напор воды. Оба паруса маленького судна были подняты, и теперь оно несло под обоюдным напором ветра и прилива с тем красиво-горделивым видом, который присущ преимущественно гоletteм.

Рулевой, как человек, знающий свое дело, уверенной рукой направлял судно между илистыми мелями, островками и клочьями ила, плавающими по реке. Его господин, растянувшись у мачты, под горизонтально натянутым парусиновым навесом, благодушно курил сигару, а взор его рассеянно блуждал по чудной прибрежной растительности, на извилинах, подступавших совсем близко к корме.

Время от времени, благодаря капризу растительности, сплошная линия корнепусков прерывалась, и на небольших возвышенностях вырастали перед глазами путешественника красавицы-пальмы с великолепными громадными листьями, длиною в пять метров, под грациозной кроной, венчающей стройный ствол. Четыре или пять различных видов лавров, достигающих очень значительной вышины, каштановые деревья и несколько каучуковых деревьев дополняли разнообразие картины.

Местами, когда судно подходило близко к берегам, его стройный корпус почти задевал рошцы муку-муку, изящных растений гигантских размеров, с гибкими стеблями и громадными блестяще-зелеными листьями, похожими на листья камелий. Подле них виднелись геликонии с прелестными пурпурными цветами, маранты, канны и арумы с их мясистым стволом.

Большие купы береговых бамбуков составляли бледно-зеленый фон для этой красивой картины, а за ней снова тянулось до бесконечности непроходимое сплетение корней корнепусков.

Тем временем действие прилива становилось все менее и менее ощутимым. Через минуту прибыв воды должна была совершенно прекратиться, затем вода начнет сбывать, отходить обратно в море. Но молодой капитан не стал дожидаться этого момента, чтобы принять все необходимые меры предосторожности против надвигающейся проророки.

Впрочем, времени было еще достаточно, так как громадный подъем вод Амазонки должен был произойти не ранее, как через шесть часов.

Вдруг негр, сидевший на корточках на носу, радостно вскрикнул:

– Господин, надежда!..

Рулевой налег на руль, – вижилинга послушно свернула к левому берегу и вошла в маленькую, но глубокую бухточку, защищенную выступом врезающегося в реку почти на пятьдесят метров мыса.

– Бросай якорь! – скомандовал капитан.

Якорь, укрепленный на двух канатах, моментально упал на дно и сразу зацепился за него. Затем убрали паруса, осмотрели мачты во всех скрепах и все, что на Палубе могло быть смыто водой, поспешили убрать. Все клюзы и люки тщательно закрывали; даже сами люди, из опасения быть снесенными волной, готовили веревки и канаты, чтобы в момент близкой опасности привязать себя к чему-нибудь. Маленькую бортовую шлюпку подняли на палубу, опрокинула вверх дном и плотно пришвартовали к судну.

Корма судна осталась обращенною в сторону моря, чтобы повернуть ее при убыли воды и таким образом устоять против гигантского вала в тот момент, когда он с быстротой урагана, словно смерч, налетит с моря. Якорные канаты были отпущены на столько, чтобы их могло хватить с избытком на всю высоту вала, принимая в расчет его максимальный подъем. Эта предосторожность совершенно необходима, так как иначе судно могло разом пойти ко дну в случае, если бы якорь зацепился и не мог высвободиться сразу, как это только что случилось в устье реки. На этот раз не хватило бы времени ни предпринять что-либо, ни сдать якорный канат, ни даже перерубить его: с такой неудержимой силой налетает проророка и с такой головокружительной быстротой сокрушает она все на своем пути.

Наконец, все было готово, оставалось только ждать. Роковая минута близилась.

Вскоре со стороны океана, как будто из самых его недр, донесся глухой шум, точно отдавленный гром, смешанный со свистом урагана.

Но вот глухой шум этот растет, становится звучным, грозным, оглушительным. Вдали появляется гряда пенистых гребней волн и все растет и растет от северного мыса до берегов Мараджо. Под этими пенистыми гребнями вдруг встает громадный вал, вышиною в семь метров, встает как-то сразу, совершенно прямой и отвесный, как стена, и устремляется на приступ реки, разбивается о Пунта-Гросса, вырывается на равнину и разлетается в воздухе тысячами водяных снопов из алмазных брызг и пены, с оглушительным шумом страшного водопада.

Все это совершается внезапно, мгновенно, как взрыв. Про-ро-ро-ка! Теперь только можно вполне оценить точность названия, данного этому явлению индейцами. Это слово звукоподражательное, какие иногда, и не редко, встречаются в примитивных наречиях: первые три слога изображают рокот, с каким громадный вал несется вперед, а последний – звук разбивающихся на берегу всесокрушающих вод. Этот бешеный вал несется и между островами. Страшный, сдавленный в проливах, слишком тесных для него, он как будто еще более свирепеет перед преградами, разрывает берега проливов, мчится по отмелям, врывается на сушу и, потрясая своей белой пенистой гривой, развевающейся по ветру, точно снежная метель, с еще большим бешенством обрушивается на скалы, которые как будто обращает в брызги, на острова и островки, совершенно затопляемые им, на кусты, которые он поглощает или вырывает с корнем и крутя уносит за собой, равно как и громадные стволы и пни, вырванные с корнями.

Ничто не в силах остановить этот вал или преградить ему путь. Вековые деревья он увлекает за собой, вращая и швыряя их, как щепки; осколки скал и громадные глыбы земли, оторванные от берегов со всей своей растительностью, вертятся, мчатся и поглощаются валом на его пути.

Но мало-помалу отдаленный шум ослабевает; прибрежные кусты и деревья появляются над водой; вода начинает сбывать, как будто она уходит в землю; течение становится менее стремительным. На поверхности мутно-желтых вод остается только пелена белой пены, смешанной с листьями, цветами, разными обрывками и обломками; река еще не спокойна, она все еще как будто вздрагивает, как вода в котле, только что переставшем кипеть.

Море успокаивается, когда вдруг вдали снова возникает глухой шум второго вала. Он несется так же, как и первый, но не столь уже грозный, не столь высокий, не столь бешеный; но зато несется быстрее первого, стремительнее его и уносит за собой еще больше ветвей, кустов, деревьев и корней, еще больше всяких обломков и пены. Третий вал еще слабее.

Наконец, все кончается. Море, которое с минуту тому назад было грозным, теперь растоптано, как зеркало.

Весь феномен продолжается обыкновенно около пяти минут.

Человек, который с какой-нибудь возвышенной, недоступной для воды точки присутствовал бы при этом чудесном зрелище, мог бы вообразить, что после этого все живое должно погибнуть и исчезнуть с лица земли. Между тем, где силы природы побеждены, там, бесконечно малое, атом, затерянный среди катаклизма, остается невредим и продолжает жить.

То же самое мы видим на маленьком судне, которое мы оставили лицом к валу, вздымающемуся отвесною стеной на высоту семи метров и протяженностью в пятьдесят лье.

Течение Арагуари, почти параллельно течению Амазонки, и устье сливается с устьем последней.

Как мы уже говорили, она также подвержена проророке, и на столько, что на протяжении тридцати лье река прорывает и изменяет свое русло в такой степени, что даже само направление ее меняется.

Но, благодаря принятым предосторожностям, благодаря также занимаемому ею в маленькой бухточке положению, вижилинга не только могла безнаказанно вынести этот страшный прилив, а даже и воспользоваться им для продолжения своего пути.

Напор первого вала, сильно умеренный, если не совершенно задержанный выдающимся в реку мысом, защищающим бухту, все-таки мигом поднял маленькое судно на семь метров высоты, и, конечно, оно было бы разбито в щепки, если бы якорь, спущенный на двойном канате, не удержал его на месте. Внезапно удержанная на месте в тот момент, когда, подхваченная валом, она должна была быть унесена и поглощена им, маленькая вижилинга вздрогнула, затрещала; завертелась, но осталась на месте. Гетоба, каменное дерево с берегов Амазонки, еще раз подтвердило свою заслуженную репутацию. Люди, надежно привязанные к мачтам и бортам, без страха встретили холодный душ, образованный валом, который затем понесся по течению, теряясь вдали. Второй вал унес за собой часть мыса, которая исчезла бесследно в одно мгновение. Третьего вала маленькое судно не только не опасалось, но еще, напротив, рассчитывало воспользоваться им, чтобы ускорить свое плавание.

В мгновение, когда этот третий вал поднял вижилингу, рулевой, получивший заранее распоряжение, сильно поворачивает руль. Судно, не будучи более носом против вала, разом поворачивается. Капитан, стоявший наготове, двумя сильными ударами сабли перерубил оба якорные каната, не заботясь более о ставшем бесполезным якоре.

– У нас нет времени поднять якорь; да и кроме того, мы всегда можем вернуться за ним впоследствии, во время отлива! – пробормотал про себя капитан.

А вижилинга, повернувшись полным оборотом, понеслась вверх по течению вместе с приливом третьего вала с поразительной быстротой.

В несколько минут подняли паруса, – и быстрота хода маленького судна усилилась еще больше, благодаря не перестававшему дуть сильному восточному ветру.

Быстрота хода доходила до 18 километров в час. Наконец, с наступлением ночи, успев оставить за собой более десяти километров, судно остановилось, а на другой день с рассветом снова пустилось в путь.

За это время берега реки уже существенно изменились. Болотистые отмели, поросшие корнепусками, начали исчезать. «Лихорадочные» деревья, которым необходима солоноватая вода, стали попадаться все реже и реже. Сюда прилив с моря уже не доходил.

Арагуари мало-помалу суживалась, но зато становилась глубже, а главное, светлее и прозрачнее. Далее она текла между небольшими холмами – миниатюрными отрогами горной цепи, еще весьма отдаленной.

Воздух здесь более чистый и свежий, но вместе с тем и более резкий, не переполнен целыми тучами невидимых для глаза насекомых, опасных носителей лихорадок. Легкие дышат свободнее, кровь обращается правильнее, и если в течение дня зной еще очень силен, то нельзя же себе представить, чтобы под первым градусом северной параллели, то есть в 111 километрах от экватора, было еще сверх всего и прохладно.

Только те, кто бывал в душливой атмосфере, насыщенной водяными парами, царящей под непроницаемыми сводами девственных лесов или нависшей в виде тяжелого тумана над реками, окаймленными гигантскими деревьями, могут вполне оценить, какое опьяняющее действие испытывает человек, вдыхая в себя этот живительный воздух.

Между тем вижилинга, после нескольких часов плавания, очутилась перед природной маленькой гаванью, преобразованной, однако, руками человека. В ней стояло несколько судов разного типа, самой разнообразной величины и размеров.

Тут были и коберты в 15–20 тонн, короткие, широкие, низкие и массивные, как китайские джонки, род плавучего дома, где целая семья проводит всю свою жизнь; затем три эгарита, или речных судна, крытых соломенными кровлями; четыре или пять уба, длиною в 4, 6 и 10 метров, стройные и тонкие, выдолбленные из одного ствола, и, наконец, превосходный паровой катер, окрашенный в светло-серый цвет, на корме которого золотыми буквами выделялось название «Робинзон». Машина его была защищена тентом из непромокаемой парусины.

Широкая аллея, обсаженная бананами, чередующимися с превосходными манговыми деревьями, вела к этой маленькой гавани, а другим концом упиралась прямо в громадную рощу самых разнообразных деревьев, среди которых скорее угадывалась, чем виднелась обширная усадьба.

Молодой капитан вижилинги, отдав необходимые приказания экипажу и убедившись в надежности причалов, проворно соскочил на берег и крупными шагами зашагал по аллее. Двое или трое негров с корзинами на головах, заметив его, пустились бежать, как зайцы в поле, очевидно, с радостным намерением возвестить в доме о его возвращении.

Действительно, издали уже донеслись радостные возгласы, и четверо детей, двое довольно больших мальчуганов и две прелестных маленьких девочки, с громким криком: «Папа! Это папа!» – кинулись навстречу капитану.

За ними спешила такая же обрадованная и такая же, как они, возбужденная красивая высокая молодая женщина с золотистыми волосами и голубыми глазами, лицо которой дышало счастьем и здоровьем.

– Шарль!

– Мери!

И молодой капитан с лихорадочной, почти конвульсивной нежностью стал обнимать и прижимать к себе взволнованную женщину и детей, всю эту милую группу из белокурых и чернокудрых головок. Счастливая семья медленно направилась к дому, разговаривая, расспрашивая, засыпая друг друга вопросами и возгласами.

Глава V

Изгнанник 1851 года. – «Беглецы в Гвиане». – Новые проекты колонизации. – Голет «Люси-Мари». – В путь к спорной территории. – Экваториальное течение Атлантического океана. – Свойства и образование почвы. – Скотовод и серингуэро. – Колонизаторы Арагуари. – Шесть лет спустя. – Жилище искателя каучука. – Неожданность. – Полезное и приятное. – Полное счастье. – По случаю газет и журналов, прибывших из Европы. – Предчувствия. – Закон о наследовании. – Беспокойства и тревоги. – Удар грома. – Пожар и убийство.

Государственный переворот в декабре 1851 года для Шарля Робена, парижанина, молодого инженера, означал конец карьеры. Усердный работник, умница, честнейший и благороднейший человек, Робен, верный своим убеждениям, боролся против узурпатора до конца.

Тяжело раненный на той самой баррикаде, где Бодэн пал геройской смертью, он каким-то чудом оправился от своих ран, предстал перед смешанной комиссией и был сослан в Кайену после бутафорского суда.

Этот приговор был тем более бессовестен, что у молодого инженера оставалась молодая жена и четверо сыновей, из которых старшему было всего десять лет.

В одном из предыдущих наших романов⁶, мы уже говорили, как после невероятных трудов и усилий в продолжение многих лет эта работающая семья сумела, наконец, окончательно устроиться в Гвианской колонии и приобрести благосостояние, близкое к богатству.

У нас нет здесь ни времени, ни места, чтобы пересказать хотя бы в общих чертах, каким образом изгнанник вернул себе свободу, описать драматический приезд в колонию его жены и детей, их встречу на одном из островков Марони, нужду, лишения и ужасы, пережитые ими в первое время.

Все это любознательный читатель найдет в «Беглецах в Гвиане», причем все описанные там приключения совсем не вымышленные, как бы можно было подумать, а совершенно точный и правдивый рассказ, материалы которого собраны автором на месте, где жили, страдали и трудились эти люди. Там читатель увидит, как эти Робинзоны, поначалу изыскивавшие себе только средства пропитания, затем стали искателями золота, потом скотоводами, а впоследствии, при содействии нескольких чернокожих, в каких-нибудь шестнадцать лет приобрели великолепное поместье. Они блистательно доказали, насколько несправедливы наши европейские предрассудки, не позволяющие видеть в этой прекрасной колонии ничего, кроме ямы для преступников. Читатель узнает, каким образом сыновья ссыльного, став взрослыми мужчинами, под руководством своего наставника и пользуясь всем, что дала современная наука, увеличили свое состояние. Двое из них, старший Генрих и младший Шарль, женились на двух сиротках английского происхождения, потерпевших крушение в этих местах, а двое остальных братьев, Евгений и Эдмонд, отправились в Европу, чтобы усовершенствовать свое образование, первоначально данное им отцом.

Здесь уже начинается рассказ о приключениях «Искателей каучука», который таким образом может считаться продолжением истории «Беглецов в Гвиане».

Как ни был обширен их дом и поместье, вскоре, однако, плантация «Бонн-Мэр» («Добрая Матушка»), основанная на Марони, немного повыше быстрин, известных под именем «Прыжка Петер-Сунгу», стала тесна для трудолюбивых колонизаторов. Не то, чтобы появление новых лиц в семье в чем-либо изменило ее взаимоотношения или вызвало какие-нибудь столкновения или недоразумения. Напротив, обе молоденькие англичаночки, Люси и Мери Броун, простые, милые, любящие и нежные, очутившись в атмосфере тесной дружной семьи, всецело

---

⁶ «Беглецы в Гвиане».

отдали себя своим приемным родителям, привязались к ним всем своим существом, со всею искренностью и пылкостью молодых сердец, уже успевших изведать горе. Смелые и сильные, эти девушки, с детства привыкшие встречать жизнь и опасность лицом к лицу, сумели, сохранив всю очаровательную грацию женщины, стать вместе с тем отважными и мужественными женами молодых колонизаторов.

Но вот стали появляться на свет дети. Ресурсов плантации по-прежнему продолжало хватать на всех. Она доставляла весь комфорт и удобства колониальной широкой жизни, о которых мы, жители цивилизованных стран, втиснутые в тесные рамки европейской жизни, не имеем даже представления. Тем не менее сыновья инженера, став в свою очередь отцами семейств, более не находили достаточно просторного поля для своей деятельности в пределах отцовского поместья, не находили также полного удовлетворения своему личному самолюбию и применению своей личной инициативы.

Их родоначальник, обладавший самыми рациональными взглядами и давно выработанными планами по благоустройству и обновлению колонии, сам был того мнения, что в интересах национальной колонизации следовало попытаться привить культуру где-нибудь еще в другом месте, чтобы убедиться, не удастся ли сделать и там то же самое, что было сделано им в верховьях Марони.

– Почему бы, например, не основать в южной части нашей французской колонии, – говорил он, – столь плодородной и тем не менее столь заброшенной, такую же ферму, как наша, и поручить заведывание ею совершенно самостоятельно одному из наших молодых хозяев?

В этом не было ничего особенно рискованного, принимая во внимание все имеющиеся теперь средства для новой колонизации – людей, скот, запасы, инвентарь и деньги.

Вопрос этот был всесторонне обсужден, план будущей фермы основательно обдуман, и, после долгого взвешивания всех возможных обстоятельств, Шарль, младший из сыновей, заявил, что он готов отправиться на исследование местности для нового поселка.

– Я намерен, если вы ничего против не имеете, говорил он, обращаясь к остальным членам семьи, собравшимся на совет, – исследовать прежде всего местность Ойапокка, хотя и не надеюсь найти вблизи от этой реки место, которое мы пожелаем бы избрать. Но я хочу это сделать скорее ради личного удовлетворения. Я сильно сомневаюсь, что наше колониальное правительство предприняло все необходимое для дальнейшей колонизации, и хочу это проверить. Покончив со своими исследованиями, я рассчитываю спуститься на юг, по одной из больших рек и проникнуть в самую глубь спорной территории!

– Хвалю, сын мой! – воскликнул старый инженер, которого и старость не могла составить. – Твое решение является осуществлением одного из моих заветных желаний, и так как еще не поздно, и годы мои еще не слишком тяготят меня, то я присоединюсь к твоей экспедиции, в качестве добровольца.

– Нет, отец, будь ты предводителем и главой ее, прошу тебя! Могу ли я желать себе лучшего, более надежного и более опытного руководителя, наставника и учителя, чем ты?!

– Нет, нет! Я уже давным-давно предоставил моим сыновьям главную инициативу с тем, чтобы при случае они могли проявить себя и выказать надлежащее знание, ум и энергию. Итак, решено: я – твой пассажир, а Ангоссо будет твоим боцманом. Не правда ли, старый друг? – ласково добавил он, обращаясь к старому негру атлетического сложения, сидевшему тут же в сторонке и занятому плетением гамака для кого-то из детей.

– Я рад ехать куда угодно с маленьким господином Шарлем! – весело отозвался старик.

– Я в этом несколько не сомневаюсь! Мы, недолго думая, начнем собираться в путь и готовить голет «Люси-Мари» в дальнее плавание. Отобрав лучших матросов из числа наших людей, мы снимемся с якоря и двинемся на Арагуари!

– Значит, вы отказались от мысли об Ойапокке?

– Да, покуда; если только ты не настаиваешь на том, чтобы исследовать его немедленно, отец!

– Я, видишь ли, дитя мое, хотел бы исследовать эту страну, о которой некоторые путешественники рассказывали столько чудес, а наши современные исследователи, насколько мне известно, не сочли нужным посетить!

– Я же предлагаю Арагуари, так как это будет французской границей наших будущих владений, как я имею основания предполагать. Невозможно, чтобы две такие разумные нации, сторонницы прогресса, как Франция и Бразилия, умышленно еще долго поддерживали этот географический нонсенс. Кроме того, я основательно изучил спорные пункты, условия и дипломатические ноты, которыми вот уже более полутора столетий обменивались правительства. Это вселяет в меня надежду, что Арагуари, или река Винсен-Пинсон, останется французской...

Спустя неделю инженер, его младший сын Шарль и пять человек экипажа спустились вниз по течению Марони до селения Спархуин, где стоял на якоре голет, вместимостью приблизительно около двадцати тонн, который, благодаря своим размерам, мог подняться выше порогов Хермина.

Береговое плавание в Гвиане от Марони до Амазонки, по-видимому, не представляет никаких опасностей даже и на судах столь малого водоизмещения. Но, к несчастью, оно всегда бывает продолжительно и трудно, вследствие ветров и обратных течений.

Как известно, экваториальное течение Атлантического океана расходится надвое. Одна часть его направляется к северу, параллельно берегу, и носит название Гвианского течения. Принимая в себя воды Амазонки и всех других малых и больших рек, вплоть до Ориноко включительно, проходит в Антильское море между Тринидатом и Мартиникой и вливается в Гольфстрим.

Противодействие, оказываемое этим течением судам, следующим вдоль берега с северо-востока на юг, уже само по себе достаточно велико, но тут к нему еще присоединяются ветры, часто дующие с запада, что вынуждает суда беспрестанно лавировать по крайней мере до Ойа-покка.

Правда, это неудобство с лихвой возмещается на обратном пути. Так, например, парусное судно, шедшее пять – шесть, а нередко и десять – двенадцать суток, от Марони в Кайену, благодаря тому же течению и ветру без хлопот и усилий возвращается обратно в двадцать четыре часа.

Как ни быстроходна была «Люси-Мари», тем не менее ей потребовалось 18 суток, чтобы достичь устья Арагуари. Она поднялась вверх по реке, не испытав проророки, и бросила якорь в том месте, где, как мы видели, недавно остановилась вижилинга.

Путешественники, как люди, умеющие дорожить временем, тотчас же приступили к исследованиям. Поручив троим из своих людей охранять судно, хорошо вооруженные, снаряженные инструментами для исследования почвы и запасами пищи, они отправились пешком.

Сначала им попадались незначительные возвышенности, но вскоре они очутились на обширном плоскогорье. Теперь они могли не только с помощью подзорной трубы, но даже и простым глазом убедиться в справедливости описаний старых исследователей, преимущественно доктора Ле-Блока.

Во всей Гвиане эта местность наиболее покрыта водою.

Во время засух эти земли усеяны многочисленными озерами, светлыми и чистыми, на которых распускаются самые дивные экземпляры водяной флоры. Но в дождливое время года, проток, образуемых водами, становится недостаточным, и, разливаясь, выходя из берегов, они почти сплошь заливают всю местность. Таким образом, говорит Ле-Блок, можно было бы проехать в пироге от Ойапокка до Арагуари, не увидев моря. Позади, то есть немного повыше этих озер, куда не достигают разливы и наводнения, встречается полоса лесов на твердой сухой

почве. Полоса эта в разных местах то шире, то уже. Она идет вдоль извилин реки вплоть до подножия гор, но чаще всего прерывается на открытых равнинах, которые тянутся на некотором расстоянии от моря.

Первым делом старый инженер и его сын исследовали некоторые из этих девственных лесов, оканчивавшихся у плоскогорья, и убедились, что в них встречаются в огромном количестве несколько различных видов каучуковых деревьев.

– Вот это прекрасно! – воскликнул Шарль после нескольких дней неутомимых исследований и блужданий по лесу, – я сделаюсь «серингуеро»⁷

Затем он прибавил:

– Впрочем, этот промысел будет лишь одной из отраслей, быть может важнейшей, моего хозяйства, но не единственной. На этих превосходных саваннах⁸, тянувшихся до края горизонта, несомненно, можно развести скот и в немалом количестве! Итак, решено, не правда ли, отец: я буду одновременно и скотоводом, и искателем каучука.

Исследовав саванну так же внимательно, как и лес, ознакомившись с самой почвой ее, определив главный склон вод и изучив всю эту местность с величайшей тщательностью, наши разведчики возвратились к голету. Осмотр был окончен.

Остановившись на короткое время в Кайене, путешественники возвратились на Марони. Здесь Шарль должен был сесть на пакетбот, чтобы отправиться в Демерару, главный город английской Гвианы, и зафрахтовать там судно, для доставки материала и жителей новой колонии. Ему посчастливилось встретиться с капитаном одного американского парохода, который, почуяв здесь наживу, принял на себя доставку всего необходимого.

Через шесть недель это судно с грузом и пассажирами бросило якорь в устье Арагуари, а приведенный им на буксире голет стал переправлять материал к месту назначения, на что потребовалось несколько рейсов. Первым долгом свезли на берег двадцать молочных коров с телятами, двух быков, несколько десятков овец, четырех свиней, кур, нескольких низкорослых степных лошадок и всякого рода запасы и припасы, для удовлетворения всех нужд новой колонии, вплоть до первого сбора плодов или до новой доставки провианта. Тут были и ящики морских сухарей, и кули риса и маиса, и пакеты кофе, бочки и бочонки с вином и тафией, запасы сахара и всякие пищевые консервы, мясо, зелень, плоды, рыба и тому подобное. Затем шла одежда, белье, гамаки, пологи, оружие, упряжь, сундуки, чемоданы, столовая и кухонная посуда и всякая домашняя утварь, инструменты кузнечные, слесарные, плотничьи, столярные, орудия для промывки золота, громадные запасы проволоки, пироги, доски и бревна, совершенно готовые в дело, наконец, и само население будущей колонии.

Персонал ее состоял из основателя и главы ее, его жены и четверых детей, из двадцати негров бони, двенадцати женщин и нескольких ребят. Всего было тридцать восемь человек и две собаки, Боб и Диана, два громаднейших дога, необычайной силы и ума...

Прошло шесть лет упорного, настойчивого труда, принесшего радость, счастье и благосостояние. Раз в год колонизаторы с Марони приезжали сюда погостить на новую плантацию, названную странным именем «Казимир» в память старика негра, который некогда так любовно ходил за стариком Робеном. Точно также и жители «Казимира» ездили раз в год на Марони, попутно сбывая в Кайене свои продукты или обменивая их на ввозные товары.

Вот, при возвращении с одной из таких годовичных поездок, на этот раз в виде исключения предпринятой Шарлем Робеном одним, без семьи, мы вместе с ним и входим в его дом.

---

⁷ Каучук был назван португальцами *barrocha* или *seringa*; так его назвал монах Мануэль да Эсперанца, открывший его у индейцев камбэба, которые изготовляли из этой густой древесной смолы сосуды и бутылки в виде кувшинов, называемых серингами; отсюда происходит и слово серингуеро.

⁸ Саваннами именуются в Гвиане луговые степи, называемые льяносами в Ориноко, прериями в Северной Америке и пампами в Аргентине.

Но пусть это слово не вызывает у читателя представления о наших европейских жилищах, тяжелых, громоздких ящиках, каменных, с чугунными решетками, с вечно запертыми дверями и окнами.

Ничего подобного! Трудно себе представить что-нибудь более кокетливое, грациозное и воздушное, чем это сооружение, открытое со всех сторон для воздуха и света.

Ни дверей, ни окон, ни стен тут не существует, да и к чему? Это просто огромный навес из пальмовых листьев с кровлей превосходнейшего светло-золотистого цвета, цвета спелой ржи, непроницаемой ни для палящих лучей тропического солнца, ни для проливных дождей экваториальных стран. Навес поддерживают двадцать столбов из чудеснейшего дерева голубого блестящего цвета с красными и желтыми переливающимися полосами, симметрично расположенными. Из-под крыши до самой земли спускаются чудные циновки, развешенные на небольшом расстоянии друг от друга, подобно подвижным шторам или жалюзи, которые можно по желанию поднять или опустить. Между столбами над роскошным полом висят красивые, пестрые гамаки.

Все это строение поднято на высоту более двух метров над сваями из того не гниющего неразрушимого дерева, которым изобилуют эти леса. Из этого жилого помещения к земле ведет очень широкая и массивная лестница, чрезвычайно величественная.

Отсюда да и отовсюду, откуда ни глянь, видны хижины чернокожих, живописно уединенные среди небольших рощиц из деревьев, дающих много плодов, зелени и тени от зноя. В прохладной тени весело возятся целые группы негритят и маленьких краснокожих, а также и взрослых негров, негритянок, индейцев, индианок, дружно живущих между собою под сенью господского замка.

Лимонные и апельсиновые деревья, украшенные золотом плодов, бананы с шелковистым отливом, склоняющиеся под тяжестью своих громадных гроздей, росли по соседству с хлебными деревьями с их массивными плодами и манговыми деревьями, усеянными золотисто-коричневыми плодами. Своеобразный вид этому необычайному фруктовому саду придавали грациозно возвышавшиеся тут и там красивые пальмы, стройные и кокетливые, величественные и ласковые.

В углу, с северной и западной стороны, девственный лес темной полосой перерезает горизонт, а за ним тянется саванна, бесконечная, беспредельная, сменяющая обширную прогалину, обращенную к востоку.

Пока молодой человек предавался радостям возвращения в родную семью, шла разгрузка вижилинги.

Припасы и товары отправили в склады и магазины, затем негры понесли громадные ящики с предметами необходимости и роскоши для семьи господина...

Надо было видеть, с какой шумной радостью встретили маленькие колонисты эти ящики, с каким нетерпением ожидали они, когда их раскроют. Молодой отец, будучи человеком состоятельным, приобрел для своих детей и полезное, и приятное в таком количестве, что даже избалованные детки были бы опьянены такой роскошью, таким изобилием подарков. Уже по одному этому можно судить о радости маленьких белолицых дикарей великой амазонской пустыни.

Стоит ли описывать прекрасные игрушки, настоящие художественные произведения, привезенные прямо из Парижа, одинаково полезные как для умственного развития детей, так и для их развлечения и забавы?

Наши читатели легко могут представить себе превосходные маленькие локомотивы, совсем как настоящие, движущиеся паром, микроскопы, в которых бесконечно малые существа ясно видны во всех подробностях, телеграфы, приводившие в изумление наших отцов, и телефоны, приводившие нас в изумление, затем множество прекрасных книг, с чудными гравюрами, которые сами собою волнуют ум и воображение не только детей, но и взрослых.

Наконец, Генрих, старший из детей, десятилетний мальчик, которому на вид легко можно было дать целых двенадцать лет, настолько он выглядел крупным и сильным, получил полную сбрую для маленькой лошадки, специально для него выезженной, и хорошее ружье центрального боя, настоящее ружье – не игрушка.

Мальчуган, который стрелял из лука как природный индеец, не находил слов, чтобы отблагодарить отца, когда тот вручил ему ружье; так велика была его радость! И если когда-нибудь, на каком-нибудь клочке земли в целом мире царило абсолютное счастье, то это было, наверное, в эти минуты, в этой экваториальной пустыне, где стояло жилище счастливого серингуэро.

Но вот легкая тень набежала на лицо молодого отца в тот момент, когда рука его коснулась объемистого свертка газет и журналов.

Жена тотчас же заметила эту перемену.

– Ну, что ж, – отвечал Шарль тоном человека, который примирился с чем-то неприятным, – лучше уж сказать тебе сразу, тем более, что еще ничего не сделано!

– Это по поводу журналов, не правда ли? Но какое нам дело до того, что там делают или говорят?! Разве мы не счастливы здесь, вдали от всей этой суеты и шумихи цивилизованного мира!

– Да, ты права, друг мой, и наша взаимная любовь и нежность позволяют нам прекрасно мириться с нашим одиночеством, в этом море света, солнца и свободы. Но может случиться, что другие люди вспомнят о нас, заговорят, затронут нас, и вот это-то смутно тревожит меня. На обратном пути с Марони я просмотрел все эти газеты, от нечего делать во время путешествия, и в них, между прочим, увидел, что наши депутаты наметили Гвиану как место ссылки для рецидивистов-преступников.

– Но ведь это не новость, милый! Ведь в Гвиану давно уже ссылаются часть преступников, осужденных французским правосудием на каторжные работы, долгосрочные или бессрочные!

– Да, но это не одно и то же, милая Мери. Если я правильно понял текст нового предложенного на утверждение закона, то речь идет не о заключении их в остроги, где они подлежат известному надзору и наблюдению, а о массовом выселении в Гвиану «рецидивистов». Это вторично попавшиеся в злодейства и преступления люди без чести и совести, вечные и непримиримые враги человеческого общества и его главных устоев – собственности и порядка. Их-то и предполагают вывозить сюда целыми транспортами, высаживать в Гвиане, наделять землями и предоставлять им почти полную свободу. Рассчитывают таким образом заселить Гвиану, дать ей рабочие руки, в которых здесь чувствуется недостаток, возродить испорченные организмы... Станный способ лечить больного, давая ему вредную пищу или, иначе говоря, пополнить полубочку посредственного вина скверным укусом; это едва ли можно считать за удачный рецепт для исправления вина.

– Но этих рецидивистов, как ты их называешь, разве так много?

– Около двадцати тысяч! Двадцать тысяч негодяев, без удержу и надзора, точно эпидемия, ворвутся в круг честных и порядочных людей, в среду тихого работающего населения Гвианы. Это положительно заставляет меня содрогаться!

Подумали ли они, в самом деле, о последствиях того, что они предлагают? Чтобы очистить крупные центры от всяких отбросов, от всякого нежелательного элемента, они не стесняются подвергнуть опасности и жизнь, и имущество честных граждан, таких же искренних, верных и любящих сынов Франции, как они сами, а даже и более их! Ну, будь Гвиана новой страной, колонией, не имеющей жителей, одиноко заброшенной среди океана, то такую меру можно было бы только приветствовать; но ведь дело обстоит совершенно иначе!

– Ты прав, но как это лично задевает нас? Мы находимся так далеко от будущего места ссылки!

– Для нас опасность будет, быть может, еще больше, так как мы находимся на нейтральной полосе, на которую заявляют свои права и Франция и Бразилия, и в которой ни та, ни другая страна не являются хозяевами и не могут проявлять своей власти. Нельзя ожидать от ссыльных, что они добровольно подчинятся судебному приговору. Одна мысль о принудительном пребывании в стране, где царит известный порядок и законы, об обязанности трудиться и подчиняться существующим законам для таких людей будет невыносима. Я уверен, что они сделают все на свете, чтобы избавиться от всего этого. И не будет ли соблазном для них, если бок о бок с их местом заключения находится страна, не имеющая господина, не знающая властей, законов и прав, куда без особого труда могут бежать все, как обыкновенно бегут сюда беглые каторжане из острогов. По их примеру, эти свободные ссыльные, без сомнения, станут покидать свои места ссылки и переселяться сюда. Здесь они могут жить по своему желанию, как и чем угодно, без помех и стеснения, дав полную волю своим низким инстинктам! Как видишь, положение будет весьма незавидное для всех нас; ведь мы, так сказать, являемся гражданами, не имеющими родины!..

В этот момент со стороны хижин негров и индейцев раздались звуки какой-то тревоги.

– Что там такое? – спросил Шарль, быстро встав со стула.

Высокий, рослый негр, бледный, как бывают бледны негры, когда они чем-либо сильно взволнованы или испуганы, то есть пепельно-серый, в несколько прыжков взобрался на лестницу, ведущую в жилище господина, и, задыхаясь, проговорил:

– Господин, там чужие люди... белые... Они сожгли наш маленький карбет у бухты Женипа... увели скот и убили моего брата Квассиба... Я был там и получил рану! – с этими словами негр указал на свое плечо, разрубленное сабельным ударом.

Глава VI

Признание разбойника. – Нотариуса действительно убили. – Бесстыдное нахальство. – Луш дешево отделяется. – Неробей! – От Аппруагадо Ойапокка. – Лихорадка. – Переправа через реку. – Обетованная земля. – Планы на будущее. – За старое ремесло. – Надо работать, чтобы есть! – Первые жилища. – Импровизированный обед. – Избыток. – Грабеж. – Едва став свободными, они помышляют уже о рабах. – По губам текло, а в рот не попало. – Преследование. – Португальцы. – Луш, готовый расплатиться, все-таки не расплачивается. – Новые опасения. – Страшные угрозы.

Вернемся на правый берег Аппруага, поросший вековыми деревьями, в тени которых беглые каторжники предавались отвратительному обжорству на своем людоедском пиру.

– Но, – воскликнул с ужасом и отвращением Шоколад, – то, что вы мне предлагаете, ведь человеческое мясо!

– Ну так что же из того, если бы и так? – возразил Луш. – Нотариус приказал долго жить, а мы здесь подыхали от голода... Пусть же мертвые послужат на пользу живым!

– Луш прав, – поддержали остальные негодяи с набитыми ртами. Но, заметив, что араб и мартиниканец с отвращением и ужасом отбросили от себя куски, которые они ели, Красный цинично добавил:

– Э, да Арби и Немытая рожа что-то жеманятся... Ну, тем лучше: нам больше останется!

– Так скажите мне, – сказал с видимым усилием Шоколад, – скажите мне по крайней мере, что вы его не убили!

– Да говорят же тебе, что его угорь прикончил. Немало было с ним хлопот, чтобы вытащить его из воды... Если бы не голод, так мы и возиться-то с ним не стали бы!

– Глупости! – возразил Луш, сознавая за собой поддержку Геркулеса и испытывая какое-то злобное наслаждение задирать Шоколада. – Ну а что если бы угорь был тут ни при чем? Что бы ты сделал, скажи на милость?

– Я предпочел бы вернуться туда, откуда мы бежали, и снова влачить за собой цепь и ядро и до конца дней моих есть одни квашеные огурцы, чем оставаться еще хоть одну лишнюю минуту с вами! – отвечал с негодованием Шоколад.

Луш засмеялся скрипучим, старческим смехом.

– Э, да ты, брат, проповедуешь не хуже заправского попа! Тебе бы и следовало идти в попы, чем жениться и доводить себя до прихлопывания твоей чертовки!..

При этих словах несчастный резко вскрикнул и, побледнев, как мертвец, одним прыжком, словно тигр, бросился на старого негодяя, согнул его, как тростинку, пригнул к земле и ударом ноги приготовился было раздавить ему череп.

– Помогите! – захрипел старый разбойник. – Помогите! Прирежьте его, как свинью!..

Геркулес кинулся было на защиту своего сообщника, но тут же упал, как подкошенный, сраженный ударом кулака гиганта. При виде этого Красный и Кривой не решались тронуться с места. Судьба Луша, казалось, была уже решена; но вдруг в душе Шоколада произошел какой-то переворот, и он выпустил из рук негодяя и отрывисто проговорил:

– Довольно одного убийства!.. Довольно!

Между тем Луш, не чувствуя более на себе железной руки Шоколада, жадно втягивал в себя воздух. Геркулес, оправившийся лишь наполовину от полученного тумака, с трудом подымался на ноги, ощупывая руки и ноги.

– У тебя, брат, тяжелая рука, с тобой плохие шутки... – обратился Луш к Шоколаду. – Давай помиримся... Не стоит портить себе кровь из-за всяких пустяков... Будем друзьями...

ладно? Нам еще немало остается сделать, чтобы стать свободными людьми, да нас и не так уж много!..

При этом он шепотом добавил, наклонясь к самому уху Геркулеса:

– Вот птица, от которой нам при первой возможности следует избавиться!

Геркулес отвечал на это выразительным и одобрительным подмигиванием в то время, как Шоколад, молча отойдя в сторону, сел на траву и, опустив голову на руки, глубоко задумался.

Спустя полчаса компания беглых каторжников тронулась в путь, завернув в окровавленную одежду несчастного Нотариуса остатки его тела, предназначавшиеся на следующий ужин или обед.

Шоколад с арабом и мартиниканцем замыкали шествие на расстоянии каких-нибудь двадцати метров.

Эти бедняги, искренне возмущенные поступком товарищей, ничего так не желали, как расстаться со своими ужасными спутниками, и вполголоса совещались с Шоколадом, которому они всецело доверяли.

– Нам надо уйти от них, – говорил араб своим красивым гортанным голосом. – Геркулес как-нибудь убьет тебя... Луш ему так сказал... я слышал!

– Ай, ай, ай! – подхватил чернокожий. – Мы уйдем от них на берег Кайены, а то они убьют нас... и съедят, как того несчастного!..

– Полно, ребята, – прервал их Шоколад, – несмотря на мучительный голод, к нему вернулась вся его энергия, – раз вы присоединяетесь ко мне, то обещаю вам, что спасу вас. Последуем за ними до Ойапокка: втроем мы ничего не можем сделать, а там посмотрим, как нам без шума отделаться от них! Ну, а что касается их намерения прирезать меня, как цыпленка, то это еще мы посмотрим. Прежде всего, мы никогда не будем спать все трое одновременно; один из нас все время будет сторожить двух других во время их сна. У нас два палаша точно так же, как и у них... Значит, мы равны им по оружию, кроме того, я запасусь хорошей дубиной, такой, с которой я никого на свете не побоюсь, и с четырьмя справлюсь один. Так, значит, решено?

– Да, да... ты иди, куда хочешь, я всюду пойду за тобой! – решительно сказал араб.

– А я куда пойду? Ты возьмешь меня с собой? Я буду смелее тигра и вернее пса! – проговорил мартиниканец.

– Ну, и прекрасно, друзья, превосходно. Если не падать духом, то мы доберемся до Бразилии и там найдем средства честно зарабатывать себе на хлеб!

От Аппруага до Ойапокка считается по прямой линии около 50 километров. По одной из наших хороших европейских дорог самый обыкновенный пешеход не спеша может пройти это расстояние в одни сутки. Но совершенно другое – переходы при той нестерпимой жаре, какая царит здесь, когда почва загромождена одичавшей растительностью, перерезана во многих местах реками и речками, оврагами и трещинами. И все-таки нечто вроде дороги соединяет общину Аппруага с общиной Ойапокка. На всем громадном пространстве этой общины, составляющем приблизительно около 164 000 гектаров, встречаются лишь одинокие жилища, разбросанные там и сям или образовавшие небольшие группы, главным образом у Серебряной Горы. Здесь один из зажиточных фермеров продолжает производство превосходного кофе, весьма известного среди знатоков этого продукта.

Эта тропа, называемая дорогой, след которой местами едва виден, помогает путникам уже тем, что указывает им нужное направление.

Приходится переправляться в нескольких местах через речки, ручьи и через бухты Ратимана и Арима, достигающие десяти метров ширины и значительной глубины. Далее встречаются тринадцать довольно крутых подъемов. Переправившись через заливчик Угря, вы очутитесь у бухты Тумуши, проследовав столь же долгим и трудным путем, идущим все время то в гору, то под гору. Восемь километров отделяют бухту Тумуши от весьма значительной реки Уанари, впадающей в широкое устье Ойапокка.

Эта последняя часть пути была сопряжена с невероятными трудностями для беглецов; некоторые из них начинали испытывать первые приступы местной лихорадки. Геркулес, Кривой и Красный ощущали сильную дрожь; зубы у них стучали; почти то же испытывал и араб. Только мартиниканец, Луш и Шоколад еще крепились. Между тем, совсем скоро им должны были понадобиться все силы, так как они были уже недалеко от устья реки, в том месте, где ее ширина не менее двенадцати километров. Уже двое суток, как они оставили за собой Аппруаг, и даже людоеды, принужденные бросить начавшие разлагаться от жары остатки трупов их товарища, подошли бы с голода, если бы Маленький Черныш, по счастливой случайности, не разыскал под симарубами множество черепах. Охотникам издавна известно, что черепахи, чрезвычайно лакомые до плодов симарубы, почти не отходят от этих деревьев в ту пору, когда плоды их, созрев, градом сыплются на землю. Черепахи с жадностью уничтожают их тут же.

Несмотря на свою слабость, беглецы утащили множество черепах, чтобы тотчас же испечь их в собственном панцире, на горячих углях, и утолить этим вкусным горячим мясом томящий их голод.

Наконец, с невероятными трудностями, переправившись через Уанари, они увидели гору Лукас, которая как бы всажена между устьями Уанари и Ойапокка, выдвигаясь в самое море, над которым она оканчивается отвесной стеной.

По другую сторону мутных вод реки виднелась темная полоса лесов спорной территории. Это и была «Обетованная земля», один вид которой вызвал дикий крик радости у беглецов. На мгновение они забыли и пережитые муки, и страдания, и голод, и лихорадку, и все страхи и невзгоды, перенесенные со времени их бегства из острога. На радостях, они забыли даже то чувство глухой ненависти, которое питали к трем из своих товарищей.

Одна и та же мысль завладела всеми: надо переправиться во что бы то ни стало и переправиться как можно скорее. Хотя кругом – пустыня, все же они будут чувствовать себя в полной безопасности только тогда, когда оставят за собой эту последнюю и грозную преграду.

Надо соорудить плот! Скорее – новый плот! Подходящего дерева здесь так много, что Серебряная гора, говорят, получила свое название от беловатых стволов деревьев цекропий, которыми поросли все ее скалы, а листья с оборотной стороны имеют серебристо-белый цвет.

Наиболее сильные из беглецов, вооружившись своими абордажными палашами, стали рубить деревья, а остальные переносили их к воде, где связывали лианами. После двенадцатичасового упорного труда плот был готов. Усевшись на него, беглецы поспешили переправиться на другой берег.

Промокшие до костей, с окровавленными ногами, с распухшими и израненными икрами, исцарапанными колючими растениями и острыми камнями, они, как безумные, кидаются вперед на рыхлую почву отмели и вязнут в ней по колена.

Но что из того? Теперь они свободные, вольные люди! Вольные, как дикие звери в лесу, на которых они весьма походят и по своим зверским инстинктам, и по своему чудовищному аппетиту.

Собрав последние силы, каторжники выбирают из ила и тины отмели на твердую землю и останавливаются, совершенно выбившись из сил, едва переводя дух.

Четверо бандитов затягивают глупую, бессмысленную и бесстыдную песню каторжан, а остальные трое молча пожимают друг другу руки.

– Ну, друзья! – восклицает Луш, сделавшийся теперь снова столь же речистым, как в былое время на базарах и ярмарках, когда зазывал в свой балаган зрителей. – Довольно пустословить! Теперь, когда мы, так сказать, дома, нам следует прежде всего выработать план действий!

– О, что касается меня, – заявил Геркулес, – я просто хочу отправиться в Бразилию; там, говорят, есть города, настоящие, хорошие города, и там я, наверное, найду себе занятие по своей специальности!

– Да, парень, я прекрасно соображаю, к чему ты клонишь! Но видишь ли, голубчик, прежде, чем приняться за твое прежнее ремесло – грабителя, в сообщничестве с Лушем, который так ловко и хорошо умеет управляться со всякими замками, надо нам еще заглянуть в ресторан, а потом уже подумать о проездных билетах в те города, о которых ты говоришь!

– О, еда всегда приходит на ум, когда не чувствуешь за собой погони жандармов, – ухмыльнулся Геркулес. – Ну, а скажи на милость, далеко эта Бразилия?

– Да как тебе сказать, сын мой, так напрямик, как птичий полет, лье около ста.

– Сто лье!..

– Э, да неужели-же опять придется так плестись, как мы плелись до сих пор от самой Кайены?!. Ну нет, мое почтение... если так, то это вовсе не весело!

– Да подожди, дай оглядеться! Как-нибудь все устроится! Вместо того, чтобы избегать жилищ и людей, мы, напротив, будем искать их и, когда набредем на жилье, так позаимствуем провиант у тех добрых людей, что проживают там!..

– А если нас накроют?

– Как ты глуп! Ведь я же тебе говорю, что здесь нет ни полиции, ни жандармов, ни судей, ни солдат... Понимаешь?

– Прекрасная страна, нечего сказать!

– А жители здесь такие же добрые люди, как и мы с тобой; они удрали либо из французской Гвианы, либо из Бразилии.

– Так, значит, они теперь работают для того, чтобы прокормиться?!

– Надо так полагать!

– Вот прекрасно-то! Быть на свободе и портить себе кровь, гнуть спину от работы! Чем это лучше, чем в остроге!

Продолжая этот поучительный разговор, беглецы принялись отыскивать речных устриц и креветок. Утолив немного свой голод, двинулись дальше, на этот раз уклоняясь несколько к югу, чтобы избежать громадных болот, тянувшихся вдоль всего берега.

На этот раз счастливый случай, на который они столько раз рассчитывали, действительно подвернулся им. Они вдруг неожиданно вышли на большую прогалину. Вырубленное и расчищенное от леса место расположилось над заливом, вероятно, образуемым Уассой, довольно широкой и быстрой рекой, впадающей в устье Ойапокка, конечно, с правой стороны и несколько выше Уанари.

Их взорам предстали небольшие участки полей с совершенно уже зрелым маниоком, майсом. Группы хижин укрылись в тени бананов, плодовых и хлебных деревьев, защищавших также свою тенью молодые кофейные посадки.

С присущей каторжникам смелостью наши беглецы пошли вперед и, подгоняемые мучительным голодом, смело вошли в одну из хижин. Скромное жилище было пусто, как, впрочем, и все остальные хижины, но по всему было видно, что хозяева где-то недалеко. Кроме того, вот еще подробность, имевшая громадное значение для людей в положении наших беглецов: все эти хижины были битком набиты съестными припасами. Тут были лепешки, корзины, полные грубой маниоковой муки, спинные корзины, нагруженные доверху колосьями маиса, целые горы копченой рыбы, гирлянды вяленого мяса, громадные чашки с кофейными зернами и даже кристаллизованный сок сахарного тростника. Словом, здесь ни в чем не было недостатка, подбор продуктов свидетельствовал об основательном знакомстве с требованиями местной жизни.

Без дальнейших церемоний каторжане расположились здесь, как в своей собственной кладовой, с жадностью набросились на пищу и принялись уничтожать ее с невероятным обжорством. Трудно, да и бесполезно было бы перечислять количество уничтоженных ими продуктов, – да и не все ли равно?!

Наконец, пресытившись, беглецы стали желать уже и излишнего, по крайней мере четверо негодаев, с которыми Шоколад, араб и чернокожий продолжали еще оставаться до первого удобного случая.

– Что касается меня, то я с удовольствием выкурил бы трубочку! – проговорил Красный.

– Ну, а я, – сказал Луш, – охотно и выкурил бы трубочку и выпил бы еще чашечку кофе!

– Да вот! – воскликнул Красный. – Здесь и трубки, и табак!

– Э, да здесь есть все, это – настоящий рай.

– Право, хорошо быть свободными, и есть, сколько душе угодно!

– Да, если бы и дальше так было!

– Хм! У меня явилась мысль! – воскликнул Луш. – Первобытные люди, обитающие в этих прекрасных местах, должно быть, какие-нибудь добродушные негры, с которыми можно будет сговориться!

– Каким образом? – спросил Геркулес, большой охотник до расспросов.

– Да так же просто, как курить этот табак, который не наш! Ведь негры для того и созданы, чтобы работать, не правда ли? И работать на других, на белых, как мы! Ну, так и заставим их работать на нас. Если они будут недовольны, то здесь по соседству растет достаточно дубин, чтобы вразумить их. Тогда они в силу убеждения сделаются нашими рабами, невольниками или, вернее, нашими слугами. Это слово звучит приличнее. Наступят еще хорошие дни и для нас, воров!

– Я, например, охотно стал бы хозяином поместья! – заявил в заключение Луш.

– Прекрасная идея!.. Превосходная! – воскликнули бандиты. – Да здравствует господин Луш, хитрец из хитрецов!

Но Шоколад, не проронивший пока ни единого слова, одним своим возражением разрушил эту заманчивую картину.

– Ну, а если этим неизвестным придет фантазия – обратить вас в рабство? Что, если они более многочисленны, чем мы, и заставят вас работать, как каторжных, как вы и есть, и станут за это расплачиваться с вами батогами? Что вы на это скажете?

– Ты, Шоколад, не часто говоришь, но каждый раз, когда ты раскрываешь рот, мне кажется, что я слышу адвоката, – заметил Луш. – Но ты прав, и я предлагаю убираться отсюда подобра-поздорову... Кстати, я только что заметил там, на отмели, две хорошенькие пироги. Надо, не теряя попусту времени, сейчас же нагрузить одну из них припасами, схватить каждому по нагайке, затем усилить наше вооружение, захватив здесь сабли, которых у нас недостает на всех, и затем гайда!

– Одобряем! – крикнули в один голос Геркулес, Красный и Кривой.

Менее чем за четверть часа, туземная маленькая пирога была нагружена до краев и готова к отплытию.

Шоколад, который поневоле принужден был участвовать в грабеже, также сел в пирогу вместе с арабом и Чернышом.

И вся шайка благополучно удалась после того, как предусмотрительный Луш проткнул дно другой пироги веслом, чтобы помешать погоне.

В продолжение дня они поднялись вверх по заливу и к ночи пристали к лесочку, доходившему до самого берега, чрезвычайно болотистого. Геркулес проклинал себя и других за то, что забыл захватить с собой гамаки. Пришлось возместить эти столь полезные в южных лесах висячие койки толстой подстилкой из листьев кумбу. Каторжники заснули на ней сном праведников.

Неприятный сюрприз ожидал их при пробуждении.

Злобные крики и свирепые возгласы на непонятном наречии огласили воздух, и восемь человек, из которых двое были вооружены ружьями, а остальные – саблями, обрушились на лагерь беглецов.

По блестящим черным глазам под густыми бровями, по матово-желтому цвету лица, по гладким черным волосам в нападающих можно было узнать португальцев, хорошо знакомых бывшим каторжникам, так как их нередко можно встретить во французской Гвиане. Моментально вскочив на ноги, беглецы тотчас же сообразили, что перед ними ограбленные ими люди, и приготовились к защите.

Восемь человек против семерых – шансы равные, но дула двух ружей были угрожающе направлены на каторжников.

– Вот видишь, – говорил Шоколад Лушу. – Разве я не был прав, предполагая, что ваши мнимые рабы могли со своей стороны иметь намерение обратить вас в рабов?!

– Ну, это еще надо посмотреть! – отвечал разбойник.

– О, смотреть тут нечего, а лучше вступить в переговоры!

– Каким образом?

– У тебя есть деньги, уплати ему убыток, – и дело с концом, а не то берегись!

– Хм! А ведь это было бы забавно и совершенно противно моим привычкам! – отозвался

Луш.

Однако страх на этот раз взял верх над жадностью, и он попытался пойти на мировую.

Сделав знак предводителю, он медленно достал из пояса, снятого с убитого им араба, золотую монету, взял ее двумя пальцами, поднес к глазам обворованного человека и, лукаво подмигнув, сказал:

– Не сердитесь, приятель, мы вам заплатим! Светленькой двадцатифранковой монеты с вас, наверное, хватит за продукты и пирогу! Не правда ли?

Но португалец сделал энергичный отрицательный жест и, посоветовавшись со своими товарищами, повелительно потребовал, чтобы ему отдали весь пояс со всем, что в нем было.

Геркулес, услышав это требование, принялся осыпать врагов сочными ругательствами, угрожающе размахивая своим тяжелым веслом.

– Что еще? Церемонии?! Берите червончик, да и с Богом, – вертай назад, а не то я вас угощу по-свойски... вот так! – и с этими словами гигант, размахнувшись веслом, с такой силой ударил им по близстоящему стволу кайенской пальмы, что начисто срезал его, как топором.

Португальцы, ошеломленные этим ударом, в первый момент приняли его за сигнал общего нападения, и их предводитель скомандовал своим стрелкам стрелять.

Курки щелкнули, но, точно сговорившись, дали осечку, что вызвало шумный хохот со стороны каторжников.

Геркулес повторил свой прием. Беглецы, обступив его, подражают с большей или меньшей ловкостью и силой, смотря по способностям. Тогда португальцы, видя себя вооруженными одними саблями, против столь решительных и смелых людей, начинают отступать. Каторжники, со своей стороны, довольные тем, что так легко отделалась, возвращаются к пироге, в одну минуту вскакивают в нее и бегут, преследуемые злобными криками португальцев.

– Ну вот! – как бы в заключение, сказал Луш. – Я так и знал, что это прекрасно уладится! Хитрецы всегда торжествуют, и, право, как-то особенно приятно запастись провиантом, не тратясь для этого из своего кошелька!

– Хвались, хвались! – пробормотал ворчливо Шоколад. – Если бы ты понимал, как я, что они говорили, то не задирали бы прежде времени нос!

– Пфа! Я слышал, что они кричали там какие-то глупости на своем обезьяньем языке... Но мне на них наплевать!

– Говори, говори!

– Да ты понимаешь, что ли, по-португальски?

– Я прожил два года на верфях в Спархуине с португальцами!

– Ну, так что же эти черти португальцы сейчас говорили, давай выкладывай!

- Что они пошли за подкреплением, что они все станут преследовать нас и сумеют раз-
делаться с нами!
- Ну, и что же?
- Что они свяжут нас по рукам и ногам, как телят перед забоем, – и доставят в Кайену,
чтобы получить за нас премию.

Глава VII

Шесть лет тишины и спокойствия. – Начало тяжелых дней. – Раненый. – Приготовления. – Экспедиция. – Индийские сарбаканы и отравленные ядом кураре стрелы. – В походе. – След. – Каким образом индеец по одному запаху узнает огонь, разведенный белыми людьми. – На прогалине. – Оргия. – Проекты разбойников. – Страшная опасность, грозящая колонии. – Пленники. – Каким образом хочет отомстить Луш. – Раскаленная добела сабля. – Недоумение.

Впервые за все шесть лет «искатели каучука» на Арагуари сделались жертвами угрозы их имуществу и даже их жизни.

Бывали, правда изредка, случаи, особенно в первое время основания этой маленькой колонии, что совершались хищения. Вскоре как беглые, живущие в этой стране, так и случайные прохожие поняли, что для них несравненно выгоднее не трогать этого поместья: они во всякое время по своему выбору, в обмен на каучук, могли получить здесь деньги, провиант или другие предметы необходимости.

Все кругом прекрасно знали, что если бы «серингалья дона Карлоса», как они называли владения молодого Шарля Робена, не было здесь, то им пришлось бы очень далеко ходить со своими продуктами, имея дело с людьми, несравненно менее добросовестными, чем французские колонисты.

Итак, во имя ли своих личных выгод, или во имя той симпатии, которую сумели внушить к себе молодой серингуэро и его доброжелательная семья, только все авантюристы этой страны, дезертиры, беглые невольники и иные беглецы, каторжники и поселенцы, люди более или менее подозрительные, бродячие индейцы и мнимо-оседлые жители жили мирно с многочисленным персоналом колонии.

Будучи уверены в том, что они во всякое время найдут радушный прием, что они никогда не встретят отказа даже в небольшом денежном кредите, в качестве ли аванса или просто так, что их всегда снабдят в счет будущих поставок каучука всеми необходимыми для них орудиями, и одеждой, и припасами, эти люди ни разу не пытались нарушить свои нравственные обязательства по отношению к серингуэро, несмотря на то, что в этой стране нет ни властей, ни законов, ни вооруженной силы.

Потому не трудно себе представить то волнение, какое вызвало появление раненого негра, известившего о пожаре и об убийстве одного из работников, совершенном белыми людьми.

У Шарля не было необходимости успокаивать свою жену, смелую и неустрашимую, какую и должна быть жена колониста-пионера.

Он поспешил допросить раненого, но бедняга, ослабев от потери крови и израсходовав весь запас своих сил на быстрый бег, вдруг тяжело рухнул на землю, потеряв сознание.

Как человек, привычный к случайностям, Шарль, не теряя ни минуты, оказал ему первую помощь. С проворством и искусством настоящего хирурга он, осмотрев рану и найдя, что ни один из жизненно важных органов не задет, соединил края ее легким швом, остановил кровь.

У чернокожих атлетов обмороки всегда непродолжительны. Раненый вскоре раскрыл глаза и со свойственной людям его расы подвижностью улыбнулся своему господину, который подносил в этот момент к его губам флягу с тафией, излюбленным напитком чернокожих.

– Ну а теперь расскажи мне, что там случилось, – сказал молодой человек, сменяемый тревогой, но внешне сохраняя совершенно спокойный вид.

К сожалению, все сведения, полученные от негра, были самые поверхностные.

Оказывается, он случайно зашел в свою хижину среди дня – захватить ружье. Добежав до прогалины, где стояли амбары и сараи, вдруг увидел густой дым и услышал треск... Все пылало! Полагая, что это произошло от несчастной случайности, он хотел спасти хоть что-

нибудь, как вдруг наткнулся на чье-то тело, лежавшее поперек тропинки. С ужасом узнал он своего земляка Квассиба, с окровавленным лицом и грудью и без признаков жизни. Он собрался оказать помощь, как вдруг белые люди, одетые в грязные лохмотья, набросились на него с дикими криками.

– Сколько их было? – спросил Шарль.

Пять или шесть, кажется; он хорошенько не помнит. С ними столько же мулатов, вооруженных ружьями. Окруженный со всех сторон, он отчаянно отбивался и получил сабельный удар по плечу, но ему все-таки удалось вырваться от них, и он побежал сюда быстрее лани...

– Хорошо! А теперь посмотрим, что будет дальше! – заметил молодой человек с невозмутимым хладнокровием. – Бог с ним, с серингалем, но я хочу знать, что случилось с бедным Квассибой. Я все-таки надеюсь, что он еще жив!

С этими словами он снял висевший на одном из столбов большой воловий рог и громко и протяжно затрубил в него.

По этому сигналу, возвещающему утром и вечером, при начале работ и по окончании их, раздачу неоценимого нектара, называемого тафией, все негры, мулаты, индейцы, работавшие вокруг жилища, поспешили со всех ног к своему господину.

Шарль, знающий своих служащих всех до одного, наугад вызвал двенадцать человек и приказал встать у лестницы. Мулатов он отправил обратно на работу, а остальным, объяснив в нескольких словах положение дела, приказал:

– Пусть каждый из вас вооружится немедленно, негры – ружьями, индейцы – сарбаканами.

Чтобы не было пререканий, он умышленно избрал шесть негров и шесть краснокожих. Пока те побежали в свои хижины и карбеты⁹ за оружием, Шарль взял короткоствольный карабин, только что привезенный из Кайены, и револьвер нью-кольт, пятизарядный, крупного калибра, тщательно зарядил их, затем захватил кожаный лакированный патронташ, наполненный зарядами, прихватил еще маленький компас и небольшую карманную аптечку.

Жена, столько времени не выдавшая мужа, решительно подавила в себе волнение при виде его нового отъезда и, стараясь скрыть слезы, подступавшие к горлу, спокойная, как древняя римлянка, прощаясь, сказала:

– Будь осторожен!

– Да, да... конечно... Я захватил с собой на четыре дня провианта, но надеюсь вернуться раньше... Я уезжаю спокойно, так как оставляю тебя на Лооми, а те двадцать человек, которые остаются здесь, в случае беды, стоят целой армии!

Затем, не добавив ни слова, он молча поцеловал по очереди своих четверых детей и спустился на эспланаду перед домом.

Участники экспедиции стекались один за другим с удивительной поспешностью и полной готовностью последовать за своим господином хоть на край света. Несмотря на обычную апатию этих людей, всех их воодушевляло желание что-нибудь сделать, чтобы отвратить грозящую колонии беду. Даже индейцы, эти неисправимые лентяи, и те бежали рысцой, угрожающе потрясая своими сарбаканами.

Раз их господин приказал захватить с собой эти смертоносные орудия, значит дело действительно серьезно. Между тем нет ничего более безобидного на вид, чем эти хрупкие полые внутри трубки длиной около трех метров, состоящие из двух лежащих одна на другой трубок и связанные между собой простыми пропитанными смолой волокнами. Что же касается стрел, которые, точно гром, поражают ягуара или тапира, то их можно бы принять за простые

---

⁹ Негры бош и бони с верхнего Марони – это бывшие невольники голландцев, вольные уже больше века; они сохранили для своих жилищ в полной неприкосновенности тип хижин своих африканских предков, со всех сторон закрытых, тогда как карбеты индейцев, напротив, совершенно открыты со всех сторон и представляют собою только одну кровлю на столбах.

деревянные спицы или спички длиною менее двадцати сантиметров. Кажется непонятным, как благодаря маленьким шарикам из шелковистого вещества, окружающим основание и середину ствола, эти стрелы могут попадать в цель так метко и верно. Но коричневый заостренный конец, слегка зарубленный, пропитан кураре, и этим сказано все: малейший укол влечет неминуемую смерть, более верную даже, чем укол гремучей змеи.

Наконец все люди маленького отряда были в сборе и тотчас же выступили в поход, держа путь на юго-восток и почти не уклоняясь от берега Арагуари. Одеты только в одни холщовые штаны, босые, с обнаженными головами, как и подобает настоящим обитателям лесов, черепа которых не боятся солнечного удара и солнечного припека, они быстро продвигались вперед.

Менее чем за два с половиной часа маленький отряд колонистов прошел расстояние, отделяющее жилище синьора Карлоса от подожженного негодяями серингалия.

Оказалось, что раненный вестник ничего не преувеличил: строения представляли собой груды пепла, запасы каучука, съестные припасы, одежда, орудия и оружие, скромная утварь – все было уничтожено огнем или грабителями.

Шарль, с первого же взгляда оценивший убытки, отнесся к ним, по-видимому, совершенно спокойно, но не мог, однако, скрыть своей тревоги, не видя на месте тела несчастной жертвы. Впрочем один из индейцев успокоил его.

– Вот там, господин, – сказал он, указывая на группу из нескольких человек, расположившуюся под громадным хэвеа, деревом, из которого добывают каучук.

Быстрыми шагами молодой человек подошел к группе и с радостью узнал бедного Квассиба, лежащего на подстилке из листьев, а подле него двух других негров, заботливо и толково ухаживающих за ним.

Эти двое людей, также из числа рабочих серингалия, возвращаясь в склад со своим сбором каучука, наткнулись на тело потерявшего сознание товарища, плававшее в крови, в нескольких шагах от дымящихся развалин серингалия. Хотя раны несчастного были довольно серьезные и даже опасны для жизни, тем не менее негр пришел в себя. Он узнал своего господина и со слезами на глазах пожал протянутую ему руку.

– Ах, господин, – прошептал он утасующим голосом, – бедный Квассиба умирает... он не увидит больше своей жены... своих малюток...

– Нет, нет, мой друг, ты не умрешь, ты увидишь твою жену и детей, будь спокоен!

– О... я очень болен, господин... Эти скверные люди хотят идти к вашему дому, сжечь его и убить всех.

– Кто они такие?... Сколько их?... Знаешь ты их?

– Я полагаю, что это мароны, то есть беглые каторжники из Кайены... с португальскими мулатами... всех человек шесть или восемь, не знаю точно... Берегитесь их, господин!

– Можешь ты рассказать, как все это случилось и в каком направлении они бежали отсюда?!

Но раненый, голос которого слабел с каждой минутой, теперь произнес лишь какие-то несвязные слова, прерываемые стонами, а затем начал бредить.

Приказав тотчас же отнести раненого в свою усадьбу, Шарль лично проследил, пока его уложили на носилки, наскоро изготовленные из гамака. Двое его товарищей взялись нести носилки, но молодой человек отрядил еще двоих из сопровождавших его негров охранять раненого и сменять носильщиков во время пути.

Когда те были готовы тронуться в путь, Шарль обратился к ним со следующими словами:

– Вы передадите Лооми, чтобы он не позволял никому удаляться от дома и чтобы он и люди день и ночь сторожили дом до моего возвращения. Что же касается Квассиба, то пусть его поместят в моем доме, и госпожа сама будет ухаживать за ним. Скажите также старой Ажеде от моего имени, чтобы она тотчас же дала больному «исиво», как если бы он был индеец;

таково мое приказание ей. Так и скажите. Ну, а теперь прощайте, дети мои, идите с Богом, а мы двинемся на розыски!

Напасть на след негодяев было нетрудно для жителей лесов, привыкших с самых юных лет бродить во всех направлениях по этим чащам тропических девственных лесов.

Шарль, который в этом отношении не уступал ни одному из индейцев или негров, шел впереди.

След увидели почти сразу же, так как бандиты не старались даже скрыть его. Он вел прямо в глубь леса, избегая тропинок, но так прямо, что можно было безошибочно сказать, что проводником был человек, знакомый с жизнью дикарей.

После двух часов быстрого хода индеец Пиражиба, шедший впереди, остановился и едва слышно сказал Шарлю, идущему следом за ним:

– Господин, они здесь!

– Но ведь ты их не видишь и не слышишь!

– Да, но я чую носом запах костра, разложенного белыми!

Шарль, зная, что Пиражиба столь же опытный следопыт, как и проводник, одобрительно кивнул ему головой, как ни странно могло бы показаться всякому другому подобное уверение.

Маленький отряд осторожно продолжал подвигаться вперед и через каких-нибудь пять-сот метров вышел на большую поляну, на краю которой был виден полуразрушенный карбет, давно заброшенный серингуерами.

Густой дым тяжелым облаком поднимался спиралями кверху над громадным костром, едва достигая половины высоты деревьев: настолько здесь атмосфера пропитана сыростью и влагой. Инстинкт краснокожего не обманул его: действительно, туземцы никогда бы не воспользовались для костра этим деревом, распространяющим столь едкий дым, что пища, приготовленная на нем, приобретала отвратительный привкус. Кроме того, дым мог выдать их присутствие врагу.

Но, с другой стороны, беглецы, быть может, рассчитывали на свою численность или же слишком были уверены в своей безнаказанности, но только издали уже был слышен их громкий говор, шумный смех и даже песни.

– Эти негодяи пьяны, как пираты после попойки, – сказал Шарль, вспомнив, что в подожженном карбете находился полубочонок с двадцатью литрами тафии.

Не теряя ни минуты, молодой человек распорядился окружить с трех сторон ветхое строение. Осаждающие укрылись за толстыми стволами могучих старых деревьев.

Но, не надеясь на волю случая, Шарль отрядил троих индейцев, которым поручил обойти кругом всю поляну и засесть в засаду, чтобы отрезать путь негодяям в случае, если бы они вздумали бежать с той стороны, которая оставалась незащищенной, и приказал им сделать все возможное, чтобы захватить разбойников живыми.

В заключение он велел своим людям оставаться на месте до последней минуты, представив ему одному войти под навес карбета, и только когда он крикнет им: «Сюда, ко мне!», – присоединиться к нему.

Пока трое индейцев пробирались к месту засады, Шарль с остальными осторожно пошел в обход, стараясь не производить ни малейшего шороха и все время скрываясь за деревьями.

Подойдя к карбету, Шарль забрался в густой куст, откуда ему было видно каждое движение и слышно каждое слово негодяев.

Но разбойники, видимо, до того были уверены в своей безнаказанности, что не позаботились даже выставить часового. Одни из них, развалившись в гамаках, курили или дули, как воду, тафию, другие пожирали сушеную рыбу и лепешки, прерывая свое занятие лишь для того, чтобы прополоскать горло огненным напитком.

Вдруг к диким возгласам и ругани пирующих присоединился страшный шум, как бы глухое мычание быков, встревоженных или разгневанных чем-то. Шарль, которому карбет заслонял поляну, в первый момент не мог определить, откуда происходили эти звуки.

Впрочем, разговоры, ясно доносившиеся до его слуха, настолько поглощали внимание, что мешали думать о шуме.

– А знатная рыба у этого торговца каучуком! – сказал тягучий голос пьянчуги.

– Эй, Геркулес!

– Что ты скажешь, господин Луш?

– Ты даже не говоришь, а только рот набиваешь! Ты хоть бы спел что-нибудь, развеселил бы товарищей!

– Я хотел бы, чтобы все были, как я... мне все представляется в розовом свете, я никогда еще не был так счастлив.

– погоди, приятель, когда я хорошенько подкреплю свое нутро, тогда ты увидишь!

– Эй, да что эта скотина ревет так... можно подумать, что она чувствует что-то!

– Ты не вали на нашу кавалерию!

– Бедняги, они, конечно, не стоят коней, но все же, при случае, могут оказать важную услугу... Я люблю их, как родных детей!

– А хмель-то у тебя какой нежный да чувствительный!.. Как подумаешь, такой старый, закоренелый преступник, из-за которого у нашего общего господина и покровителя черта чуть все котлы не лопнули, когда он варил тебя, а туда же – расчувствовался!.. Там, на «Форе́ли», ты гвоздем пробуравил башку этому бедняге арабу... а тут не сумел, как следует, прибрать этого черномазого, который сегодня утром хотел помешать нам грабить!..

– Да, брат... это была «плохая работа»; признаюсь, нечисто сработал... я его только полоснул вместо того, чтобы прирезать. Это, видишь ли, потому, что я навык потерял!

– Ну, об этом не горюй: скоро ты снова набьешь руку; впереди ведь будет случай поработать!

– И то правда!

– Ты думаешь, мы долго здесь будем толкаться по соседству с этим прекрасным жилищем и не постараемся попить в нем?!

– Ты, кажется, слышал, что нам рассказывали наши новые союзники – мулаты.

– Настоящие чудеса!

– Ну вот то-то и оно: просто руки чешутся, и глаза разгораются!

– А там, когда мы все пообчистим, тогда и валяй дальше на всех парусах!

– У них, говорят, настоящие суда есть, которые с полным удобством доставят нас в Бразилию, с припасами и со всеми деньгами колониста!

– Да, это превосходное дело – прибыть туда не с пустыми руками, чтобы и там сперва повеселиться!

– Но послушай, говорят, немало людей в этом дворце-то! Что, как они осмелятся встретить нас ружейными выстрелами?

– Да полно тебе! Хозяин-то отсутствует, он теперь в Кайене, только его баба с ребятенками дома, да еще сколько-то черномазых да краснокожих! А это не стоит и выеденного яйца!

– Ну, так пойдем! И если хочешь меня послушать, учиним погром теперь же!

– Теперь же – это значит завтра, так как сегодня мы предаемся веселью. Кроме того, – добавил негодяй зловещим тоном, – на сегодня у нас есть своя работа.

– Какая же?

– А выпустить кишки тем трем баранам, что лежат там связанные!..

– Так ты непременно хочешь уничтожить их?.. Мне это не совсем по душе, из-за Шоколада... Он, знаешь ли, в сущности, недурной парень, несколько горлодер, но он ни разу не выказал себя дурным товарищем... А что касается Маленького Черныша, то мне наплевать

на него: ведь он не более, как негр... А Мабула не жаль: одним арабом меньше – не большая важность!

– Шоколад должен умереть первый, – прервал старый бандит своего собеседника тоном, не терпящим возражения и полным сдержанной ненависти. – Я еще не забыл, как он меня помял тогда, когда мы прибрали Нотариуса!

– Да разве он мало нас допекал всякий раз, как нам приходилось что-нибудь стибрить?! Из-за каждого пустяка чуть не драться с ним приходилось!

– Я щадил его до сих пор, потому что он говорит по-португальски и был нам нужен. Разве ты забыл, как он со своими двумя ротозеями воспротивился нам, когда ты свалил с ног этого черномазого. Ведь именно по его вине ты не смог разом прикончить одного, а другой успел убежать в направлении главного жилья... Нет, подожди только! Я тебя научу разыгрывать филантропа!

– Хм! Ты на кого хочешь наговоришь с гору!

– Разве не правда? Этот господин Шоколад, видите ли, вздумал разыгрывать честного и порядочного человека... Ну а эти честные люди нам не нужны!

– Это – твое дело! Я умываю руки; во всяком случае я не берусь сводить с ним счеты; на меня в этом деле не рассчитывай!

– Да я всажу свою саблю в живот каждому, кто только вздумает встать на мое место! Я сам хочу с ним разделаться, и ты увидишь, как я его обработаю!

Столько было ненависти и злобы в лице и голосе старого негодяя, что даже Геркулес, этот закоренелый разбойник, и тот невольно содрогнулся при последних словах.

– Помнишь, – продолжал Луш, – ты еще спрашивал меня, когда мы, захватив этих трех молодцов врасплох, повалили и связали, зачем я сунул свою саблю в огонь!

– Я не мог понять, зачем тебе понадобилось превратить блестящий стальной клинок в какую-то железную кочергу!

– Вот увидишь! Смотри, сабля эта раскалилась добела, а теперь я хочу ею перепилить ему шею! Понял теперь? Эй, вы там, тише! – заревел Луш, обращаясь к остальным, и на мгновение грозный окрик его покрыл шум и гам оживленной ругани и шуток каторжников. – Я обещал вам под конец пирушки интересное зрелище, даровое представление!.. Подходи ближе! Плата ни с кого не взимается! Знайте это!

С этими словами старый Луш, выйдя из гамака, неверной поступью пьяного человека приблизился к костру, взял за деревянную рукоятку саблю, весь клинок которой был скрыт под горячими углями костра и теперь горел, как огненный меч архангела.

– Ну, теперь мы с тобой посчитаемся, Шокол...

Но слово замерло у него на устах, и раскаленное оружие выпало из рук. Он попятился назад, как будто наступил на какого-нибудь гада. Луш совершенно ошеломлен при виде человека высокого роста, с ружьем за спиной и скрещенными на груди руками, который, словно грозное привидение, вдруг точно вырос из-под земли.

Крики проклятия замерли на устах остальных разбойников, которыми тоже овладел ужас. На прогалине воцарилась мертвая тишина.

– Я запрещаю вам трогать этого человека, – звучно и властно сказал незнакомец на чистейшем французском языке.

Глава VIII

Сюда! – Геркулес становится стратегом. – Новый Самсон. – Пойманы в западню. – Кавалерия каторжников. – Оседланные быки. – Кураре. – Безмолвная смерть. – Бесплезная борьба. – Пленники. – Ведомые на привязи. – Подлость. – Возвращение. – Последний этап эвакуации. – Предусмотрительность. – Через спорную территорию. – Новые рекруты. – Поимка скота. – Исповедь Шоколада. – «Приставьте меня к делу!» – Условное прощение. – Каждому по делам его. – Принудительные работы.

При последних словах молодого человека, неожиданное появление которого ошеломило негодаев, чары рассеялись, и Геркулес первый овладел собой.

– А-а, да ты один! Так подожди же! Я переломлю тебя, как спичку! – бешено заревел он.

Но Шоколад, видя опасность, грозившую его неожиданному защитнику, закричал:

– Перережь мои путы, и нас будет двое!

– Сюда! – скомандовал в этот момент Шарль.

На этот призыв негры и индейцы, скрывавшиеся за деревьями, кинулись вперед со своими ружьями и сарбаканами.

– Тысяча чертей! – воскликнул Луш. – Мы попались! Спасайся, кто может!

– Стой! – крикнул Шарль своим командирским голосом. – Сдавайся, не то вы все до единого погибнете!

В этот трудный момент Геркулес проявил способности, которых ни сам он, ни кто другой в нем никогда не подозревал. В мгновение ока смелый план созрел в его голове.

– Хорошо, хорошо! – забормотал он сердитым, недовольным голосом. – Покончим дело миром! – затем шепотом добавил, наклоняясь к самому уху Луша: – Ты с товарищами встань за моей спиной и по моему знаку беги к быкам!

Между тем Геркулес оперся об один из столбов старого строения, как бы для того, чтобы обезопасить себя со спины; вдруг он выпрямился, напряг свои сильные мускулы и вскрикнул торжествующим голосом:

– Бегите, друзья! Они попали в западню!

Действительно, в этот момент ветхая хижина рухнула, погребая всех семерых врагов под кучей обломков, щепок, старой листвы, гнили и мусора.

Пока колонисты выбирались из-под этой бесформенной груды, каторжники и мулаты, выбежав на прогалину, в несколько прыжков очутились возле быков, которыми так умилялся еще недавно Луш. То были двенадцать низкорослых волов, привязанных бок о бок к кольям, вбитым в землю, и стоявших неподвижно, как вкопанные. Это было по меньшей мере странно ввиду обычно столь неукротимого нрава этих животных, этих диких детей саванны... Но несчастные животные поневоле забыли свой буйный нрав. У каждого из них было продето сквозь ноздри веревочное кольцо или глухая петля, а оттуда шли еще другие две веревки, так что образовалось подобие веревочных удил, приспособленных не ко рту, а к ноздрям, то есть к самому болезненно чувствительному месту животных.

Нетрудно себе представить, что этот варварский способ быстро умиротворяет их буйную и непокорную натуру.

Мгновенно перерезав ножами привязи, каторжники и мулаты вскочили на спины своих импровизированных коней и, ухватившись за уздечки, погоняя несчастных волов ударами ножей в шею, с дикими криками торжества и вызова помчались, как бешеные, по направлению к лесу.

Однако торжество их продолжалось не долго. Едва они успели выскочить на средину открытой поляны, как их слух уловил какой-то короткий свистящий звук, словно шелест тростника. В тот же момент трое из быков, несшихся во весь опор впереди других, вытянули хвосты

и, низко опустив голову, как-то разом зашатались и кинулись в сторону, как бы охваченные ужасом.

Несколько секунд спустя трое других проявили те же симптомы ужаса, а там еще и еще трое, – и вдруг все перестали повиноваться своим всадникам, несмотря на то, что те безжалостно рвали им ноздри и страшно неистовствовали.

Несчастные животные наконец покорились и продолжали бежать дальше, после упорного сопротивления, но на этот раз в них не было уже прежнего бешеного порыва. Они сделались какими-то вялыми, бежали, точно нехотя, издавая жалобное мычание, спотыкаясь, слабея с каждой минутой.

– Тысяча чертей! – ревел Луш. – Эти проклятые быки оставят нас на мели, и колонисты со своими неграми перестреляют нас, как куропаток!

– Ну-ка, ребята, попытаемся все-таки добраться до леса! – кричали остальные, еще более перепуганные, чем раньше.

– Это бесполезно, – возразил один из португальских моряков, – наши быки ранены стрелами, отравленными ядом кураре, и через несколько секунд они все падут: этот яд никому не дает пощады! Вот, смотрите! – хладнокровно продолжал он. – Видите этот крошечный деревянный колышек, как бы обмотанный белой шелковой паутиной, которая вонзилась в морду моего быка? Не дотрагивайтесь до нее!.. Это стрела индейца, она вернее всякой пули и смертоносней яда гремучей змеи. Все наши быки до последнего ранены, через пять минут ни одного из них не останется.

И действительно, несчастные животные падали один за другим под своими всадниками, мотая отчаянно головой, ворочая уже потухшими зрачками, и, наконец, оставались неподвижны.

Через минуту зеленая поляна стала представлять собою бойню. Вооруженные саблями каторжники, опасаясь кровавого возмездия со стороны поселенца, решили дорого продать свою жизнь и защищаться до последней капли крови.

Но мулат, не разделявший их воинственного настроения, напротив, стоял за сдачу на милость победителя.

– Потому что, если бы этот человек хотел нашей смерти, то мог бы приказать своим индейцам стрелять по нам, а не по своим же быкам! И теперь мы все бы корчились и выворачивали белки, как эта бедная скотина! Значит, он хочет пощадить нас, взять нас живьем! – говорил он.

На это столь логичное рассуждение нечего было возразить. Между тем колонисты успели уже выбраться из-под развалин карбета и, не спеша, с полной уверенностью в себе, приближались к разбойникам. Позади их, на некотором расстоянии, плелись Шоколад, араб и мартиниканец, освобожденные Шарлем и теперь с трудом владевшие своими конечностями, затекшими от пут, которыми они были связаны товарищами. Одновременно из-за деревьев, где они находились в засаде, вышли три индейца, проявившие такую удивительную ловкость в стрельбе отравленными стрелами.

Шарль, остановившись в нескольких шагах от негодаев, взвел курок револьвера и сказал самым спокойным, ровным голосом:

– Бросьте ваше оружие и сдайтесь!

Видя по его тону, что всякое сопротивление бесполезно, каторжники поспешили исполнить его требование.

– Ну, теперь подходите один за другим! Табира, возьми веревки от гамаков и свяжи им хорошенько руки за спиной.

Луш, помня свой сан и звание, подошел первым. Вид у него был жалкий; он низко наклонил голову и покорно протянул руки, как человек, которому не впервые надевают наручники или кандалы.

Однако ему хотелось умиловить Шарля и представить ему якобы смягчающие вину обстоятельства.

– Пожалейте нас, великодушный господин, смилуйтесь над нами! – говорил он. – Мы несчастные люди, скорее заблудшие, чем преступные. Мы готовы вам поручиться, что никогда не отважмся снова на подобные дела! Клянусь вам: мы ничего так не желаем, как честно зарабатывать свой хлеб. Дайте нам возможность работать, и вы увидите!..

– Молчать! – крикнул ему молодой поселенец.

– Молю вас, не убивайте нас!.. Бога ради, не убивайте нас, добрый господин... Мы сделаем все, что вы захотите... Мы готовы даже снова вернуться в Кайену, если вы того потребуете... Пощадите нас!..

– Пиражиба, – сказал Шарль, не удостоивая ответом негодея, – если этот человек осмелится еще раз обратиться ко мне или к кому-нибудь из вас, ты привяжешь его к дереву и угодишь пятьюдесятью ударами палок по спине.

Это радикальное средство, точно магическая сила, разом остановило поток красноречия старого негодея.

Процедура связывания заняла около двадцати минут так как Табира старался исполнить это крайне добросовестно, сознавая всю важность возложенной на него обязанности.

Надежно связанных каторжников и их сообщников, кроме того, связали по четверо вместе прочными веревками, так что образовались четыре шеренги, по четыре человека в каждой, и при каждой в качестве надзирателя и караульного состоял один из негров Шарля.

После этого, как свора собак, порученная верным псарям, они двинулись по направлению к подожженному ими карбету. Что же касается трупов убитых волов, то их предоставили в распоряжение муравьям, которые менее чем в одни сутки обчистят их и препарируют трупы, лучше любого анатома.

Индейцы шли по бокам отряда пленных, не спуская с них глаз, на случай, впрочем, весьма вероятный, если бы те вздумали бежать. Шарль замыкал шествие в сопровождении Шоколада, который подробно изложил ему весь ход событий, со времени их бегства из острога до серингала молодого француза.

Шарль внимательно слушал, не прерывая рассказа, передаваемого глухим, монотонным голосом. Из него поселенец узнал, что негодяи ограбили португальцев в Уасса и чуть не были захвачены ими и препровождены обратно в Кайену. Беглецы с большим трудом ушли от энергичных преследователей, которые гнались за ними долго и неустанно. Избежав, наконец, этой опасности, самой серьезной из всех, каким они подвергались во время этого трудного, опасного и нескончаемого путешествия, каторжники решили добраться кратчайшим путем до берегов Амазонки, где рассчитывали найти возможность перебраться в Бразилию.

Переправившись через несколько рек, обогнув несколько озер, поблуждав в лесах, перейдя ряд саванн и повстречав несколько племен кочевых индейцев, которые, видя их ужасное положение, снабжали их из милости пищей, они, после целого ряда мытарств, пришли наконец в небольшое селение, жители которого были поглощены ожесточенным боем между собой.

Проученные горьким опытом, что жители спорной территории чрезвычайно щепетильно относятся к своим правам на собственность, беглецы, насколько возможно, воздерживались от грабежа, довольствуясь в большинстве случаев тем, что им добровольно давали.

Видя ожесточенный бой поселян, они воздержались от всякого участия в нем и выжидая его окончания, мучимые голодом, спрятались по соседству с селением в маисовом поле.

Некоторые из дерущихся, окончательно оттесненные, обратились в бегство. Тогда каторжники разумно рассудили, что они могут присоединиться к беглецам. Общность положения могла сблизить их, а знание местных условий жизни очень пригодиться.

Нагнав бежавших с поля сражения, каторжники присоединились к ним и были тем охотнее приняты теми, что усиливали маленький отряд.

Так как их новые союзники, бразильские мулаты, довольно хорошо объяснялись на кайенском наречии, то они легко пришли к соглашению и тотчас же сговорились. Это произошло неподалеку от маленькой речки Тартаругал на территории индейцев из племени куссари.

Мулаты, по слухам зная о молодом серингуэро и его крупном хозяйстве, всячески стали расхваливать его зажиточность, богатые склады и запасы всякого добра. Не подлежало никакому сомнению, что там можно было найти какую-нибудь работу и даже весьма приличный заработок и уж во всяком случае радушный временный приют, в котором беглецы так нуждались.

– Работу! Да это пригодно и прилично только для негров! – воскликнул на это Луш с благородным негодованием. – А мы – французы, белые, европейцы, и этот поселенец примет нас, как равных, и будет счастлив общению с такими людьми, как мы. В случае же, если он не окажет нам должного почтения и уважения, то пусть бережется: мы его проучим по-своему!

Вслед за этим он стал соблазнять мулатов перспективой наживы и грабежа. Его речи не преминули оказать желаемое воздействие на умы слушателей. Не прошло и двух дней, как мулаты решили напасть на серингаль, – так искусно сумел старый каторжник подыскать извинительные причины для подобных деяний. Так как все беглецы были окончательно истощены и изнурены, то договорились в течение нескольких дней обсудить основательно план разгрома, а тем временем во что бы то ни стало подкормиться и поднабраться сил.

Они находились в тот момент среди обширной саванны, где мирно паслись громадные стада рогатого молочного скота и диких быков.

Бразильцы, привычные к этому делу, изловили с помощью лассо несколько молодых бычков и таким образом обеспечили себя запасом свежего мяса. Затем, продолжая охотиться тем же способом, они поймали еще двенадцать отборных животных. Создав подобие кавалерийского отряда, направились к жилищу молодого серингуэро.

Благодаря поистине удивительному инстинкту мулатов, они, почти не уклоняясь от прямого пути, очутились близ одиноко стоявшего в стороне серингаля, который и поспешили разгромить.

Тогда-то и произошли те события, которые уже известны нам, а именно: разграбление жилища негра бони Квассиба, попытка убить его, поджог строений, усилия Шоколада с арабом по спасению негра, отступление разбойников и появление Шарля.

Отряд пленников и победителей достиг развалин обгорелого серингаля, когда рассказ Шоколада подошел к концу.

– Сударь, вы знаете всю правду без малейшей утайки! Как видите, я согрешил и был наказан, как того заслуживал. Теперь я бежал, это правда, но не мог более выносить своего положения. Я не теряю, однако, надежды выйти на новую дорогу, и мое единственное желание – честно зарабатывать себе на пропитание. Вы, конечно, ничем мне не обязаны; я – человек, стоящий вне закона, беглый каторжник, которого всякий может безнаказанно убить, как собаку... Но если вы хотите сделать доброе дело и помочь бедняге, который твердо решил жить честно и который не боится никакой работы, дайте мне где-нибудь у себя угол и работу. Дайте взаймы несколько пригоршней муки, одолжите мне на время орудия, нужные для работы, и вы увидите, что вам не придется раскаиваться в оказанной мне поддержке. Да вот еще эти двое моих товарищей; я уверен, что и они так же, как я, хотят стать честными работниками. Не откажите, сударь, сделать и для них то, о чем я просил для себя. Могу вас уверить, это будет доброе дело, и вы спасете трех несчастных, которые во всяком случае заслуживают сожаления, если не снисхождения!

– Вас зовут Винкельман; вы родом эльзасец, если не ошибаюсь, вы так сказали? – спросил Шарль, не давая прямого ответа.

– Да, сударь! Но только мне тяжело слышать свое настоящее имя. Я так давно не слышал его, давно никто не называл меня так! В остроге, для всей администрации я был просто № 7, а мои товарищи по каторге прозвали меня Шоколадом, и если вам все равно, зовите и вы меня так же!

– Хорошо, – согласился молодой человек. – Теперь выслушайте меня: неподалеку отсюда, в десяти километрах не более, есть местность, изобилующая каучуковыми деревьями. Я намеревался заняться в ближайшее время освоением этой местности. Вы и ваши двое товарищей можете работать там. Пищевыми запасами, одеждой и необходимыми орудиями, гамаком и чистым одеялом вас снабдят. Вы постройте себе там карбет, а двое из моих лучших рабочих обучат вас этой работе, так что вы станете равноправными работниками. По истечении трех месяцев вы доставите мне на дом добытое вашим трудом и получите за него установленную плату. Но не раньше, как по истечении трех месяцев. Поняли? Затем еще одно условие: кроме серьезной необходимости, вы не должны ни под каким видом покидать своих сараев, где будет производиться работа, и своего участка! От вас будет зависеть впоследствии возможность улучшить свое положение!

Каторжник, приложив руку к сильно бьющемуся сердцу, сказал:

– Благодарю вас, сударь: вы спасли мне больше чем жизнь!

– А теперь, – обратился Шарль к остальным, – я, конечно, мог бы сейчас же казнить вас, приказав моим индейцам убить вас, как собак, или же по меньшей мере отправить вас одних в Кайену, а других в Бэлем. И это мое неотъемлемое право, быть может, даже мой прямой долг. Вы пытались совершить убийство моих людей, намеревались разграбить мое имущество, и никто не может мне помешать совершить над вами суд и расправу, так как я считаю это справедливым по чести и совести. Но вместе с тем я не могу допустить мысли, что даже такие люди, как вы, как бы глубоко ни погрязли в пороках, всегда и бесповоротно оставались бы негодяями. И вот, только в силу этого убеждения, я готов пощадить вашу жизнь и отсрочить ваше водворение в места заключения, то есть в те остроги, откуда вы бежали.

При этих словах, столь великодушных и столь неожиданных для провинившихся негодяев, последние разразились шумными криками радости и выражениями безграничной благодарности.

– Молчать! – гневно прикрикнул на них молодой человек. – Когда я говорю, никто не смеет открывать рта! Вам предоставляется единственная, скорее всего, возможность искупить свои преступления путем труда и раскаяния, и я предлагаю вам верное средство для этого. Завтра днем за вами приедут лодки и отвезут вас в одно место, где вы будете пользоваться относительной свободой, но откуда вы не сможете уйти, даже если бы вы того хотели. В ваше распоряжение будет выделено достаточное количество земли, на которой могут трудиться 50 человек в течение многих лет. Но я должен предупредить вас, что это – остров, совершенно отрезанный от остального мира, доступный только лодкам в пору дождливого времени года. Добраться туда можно только трудными и опасными проходами и проливами, известными только нам одним. В сухое же время года вода пересыхает, и тогда вокруг острова образуется озеро жидкого ила, на котором не могут удержаться даже птицы. Очутившись на этом острове, вы будете в состоянии уйти с него только по моей воле. Вы получите достаточное количество съестных припасов, которых вам должно хватить на известный, назначенный мною срок. Вам дадут одежду, орудия. Вы будете работать и не получите ни нового провианта, ни каких-либо других припасов или предметов необходимости иначе как только в обмен на соответствующее их стоимости количество каучука. Лентяи могут жить, как знают. А в случае, если бы вы каким-то образом ухитрились покинуть остров, и вас увидели бы на моей земле, то знайте, что я вторично не прощу! Помните, что всякоеслушание будет для вас равносильно смерти!

Глава IX

Возобновление работ. – Жестокий, но полезный урок. – Место ссылки беглецов. – Не побеседовать ли нам о каучуке? – Воспоминания о Ла-Кондамине, введшем его в употребление. – Специальные ботанические сведения. – Старый способ эксплуатации. – Новый способ. – Надрезы на деревьях. – Сбор сока. – Испарение. – Вознаграждение серингуэро. – Шестьдесят франков в день! – Одна Амазонка дает четыре тысячи тонн каучука. – Состав сока хевеи. – Первое употребление. – Вулканизация. – Твердый каучук, или эбонит.

Благодаря быстрому и энергичному вмешательству Шарля Робена, в усадьбе и плантации на Арагуари снова водворились мир и спокойствие. Воспоминание о событиях, так сильно взволновавших все население и чуть было не погубивших не только благосостояние, но и самое существование плантации и ее владельцев, мало-помалу сглаживалось.

Из этого не следует, конечно, что трудолюбивые охотники за каучуком совершенно вычеркнули из своей памяти пережитые ими часы тревоги и опасений; напротив, если урок был жесток, то он вместе с тем был и полезен.

К счастью, следствием печального происшествия были чисто материальные убытки, легко поправимые. Оба раненных негра, из которых один в первое время внушал серьезные опасения, именно Квассиба, теперь уже совершенно оправились. Сгоревший серингаль был заново отстроен, и работы возобновились.

Беглые каторжники и их сообщники мулаты, согласно решению Шарля, были выселены на одинокий остров. Эта импровизированная тюрьма, созданная самой природой, лежит между вязкими болотами, находящимися между извилистым устьем Тартаругалья и илистым озером Лаго-Реаль и соединяющимся с Арагуари через узкий канал, доступный только в пору наибольшего половодья.

Остров, будто специально приспособленный для выселения, густо порос каучуковыми деревьями, растущими целыми семействами. Он вырос, как уже было сказано выше, из моря жидкого ила и тины, представляющего собою совершенно непреодолимую преграду в продолжение большей половины года.

Этот остров имел приблизительно около трех лье в окружности и был несравненно надежнее всех административных тюрем, где содержатся преступники.

Через шесть месяцев бегство могло бы еще стать возможным, с помощью специально построенных пирог. Но как не трудно предвидеть, Шарль позаботился о том, чтобы на острове не было оставлено ни одного судна, которым могли бы воспользоваться его опасные пленники, ни одного орудия, необходимого для сооружения шлюпки. Он не сомневался, что в течение ближайших шести месяцев помилованные им негодяи не потревожат его покой. А в течение этого времени Шарль решил обдумать дальнейшую судьбу своих непрошенных пленников. Впрочем, негодяи как будто примирились со своей участью; хорошо снабженные припасами, одеждой и необходимыми для их нового ремесла орудиями, они обещали усердно заниматься добыванием каучука.

Насколько серьезны были эти обещания и намерения, должно было показать будущее. Шоколад и его двое товарищей поселились на участке, отведенном им Шарлем, и с полным усердием принялись за дело серингуэров. Привычные к тяжелому труду, ловкие и сильные, они в короткое время стали образцовыми рабочими.

Заговорив об использовании этого столь полезного и в настоящее время так широко применяемого в нашей современной промышленности вещества, быть может, будет не лишним кратко осветить интересный и важный вопрос о добыче каучука.

Увлеченные нитью рассказа и непрерывной цепью драматических происшествий и моментов, мы до сих пор не имели возможности остановиться на практической стороне про-

мысла серингуэро, нередко более прибыльного, чем промысел золотоискателей, и при этом менее тяжелого и требующего самых незначительных затрат.

Искатели каучука, как и золотоискатели, нередко испытывают и восторг и головокружение, а также и свои огорчения. Золотоискатели увлекаются, как азартные игроки, обнаружив руду, где сверкают крупницы золота, руки у них дрожат в то время, когда они промывают металл. Серингуэро же не менее взволнован, когда, руководствуясь своим инстинктом, натывается на такое место, где растут в изобилии и во всей своей тропической красе те драгоценные для него деревья, сок которых должен его обогатить точно так же, как золотой песок обогащает золотоискателя.

Заветной мечтой каждого искателя золота является отыскать залежь, то место, где, благодаря известным геологическим условиям, собрался в наибольшем количестве драгоценный металл. Точно так же, если каучуковые деревья различных пород встречаются почти повсеместно в горячем поясе Америки, то каждый серингуэро направит все свои усилия и все свои способности на то, чтобы отыскать место, где эти деревья встречаются не одиночными экземплярами, а целыми семействами. Рощи, состоящие сплошь из одних каучуковых деревьев, являются для серингуэро теми же залежами золота и предметом его страстных надежд.

В известное время в Калифорнии и в Австралии рассказы о баснословных состояниях, нажитых на приисках, о невероятных находках породили всем знакомый психологический феномен, названный образно «золотой лихорадкой». Поиски каучука, его эксплуатация и нередко невероятно громадные барыши, приносимые этой эксплуатацией, породили в свою очередь во многих местах точно такую же «каучуковую лихорадку».

И как знать, может быть, в самом недалеком времени, превосходные места на Амазонке станут таким же местом притока эмигрантов и вообще людей, жаждущих наживы, как золотосные пустыни Калифорнии.

Промысел добывания каучука представляет собою такую великолепную арену для применения энергии и избытка сил человека!

Уже с давних пор индейцы с берегов Амазонки вздумали применять каучук для изготовления различных предметов домашнего обихода. Они весьма умело пользовались этим густым смолистым соком некоторых деревьев, но только путешественники почему-то никогда не упоминали об этом в своих записках и отчетах, вероятно, не обратив на это особого внимания.

В 1736 году Ла Кондамин, посланный в Южную Америку для измерения дуги меридиана, рассказал об этом обычае индейцев в своем докладе Академии Наук, сообщив, что обычай этот – изготавливать различную утварь из густого смолистого сока известных деревьев он наблюдал у индейцев на реке Амазонке на юго-восток от Квито. Это вещество, обладающее любопытным свойством принимать какую угодно форму и твердеть после погружения в кипящую воду, не пропускающее ни воды, ни воздуха, добывается из дерева хэвеа и называется «каучук».

Ла Кондамин является по справедливости крестным отцом этого полезного продукта, и ему принадлежит честь ввоза его во Францию и в Европу. Но этот молочный сок, называемый каучуком, имеется не в одном только дереве хэвеа, и не в одной только Южной Америке произрастают растения, дающие это драгоценное вещество. Ствол хэвеа нередко достигает пяти метров в окружности. В центральной Америке, в Индии, на Яве, на Мадагаскаре, в Ост-Индии встречаем разновидности этого растения.

Способы добывания каучука, имеющие столь важное значение для качества этого вещества, еще весьма не усовершенствованы, хотя за последнее время и замечается стремление к улучшению их, о чем в сущности давно уже следовало подумать.

В былые времена серингуэры обычно обвязывали ствол дерева наискось крепкой лианой на высоте пяти-шести футов от земли. На стволе делали надрезы или, как выражаются рабочие, «пускали кровь», повыше того места, где ствол был перевязан. Сок начинал вытекать очень

обильной струей, наткался на лиану, спускался по ней и стекал в глиняный или деревянный сосуд, поставленный у подножия дерева. При этом способе терялось очень много драгоценного сока.

Предварительно приготавливалось достаточное количество глиняных сосудов в виде бутылок или серинг («seringa» – бутылка). Эти бутылки серингуеро погружал одну за другой в молочный сок дерева, быстро испаряющийся на воздухе, а особенно на солнце или перед огнем. Когда все водянистые части его испарялись, то на сосуде оставался густой слой клейкого каучука, пристававшего к глиняной бутылке. Затем эту бутылку погружали в жидкий сок каучука снова и снова, пока на бутылке не образовывался достаточно толстый слой этой клейкой массы. В дне бутылки пробивали отверстие и погружали ее в воду, чтобы глина размякла и вылилась вон, а каучуковая бутылка отправлялась на продажу. Полученный таким способом каучук содержал в себе много земли, глины и воды и требовал тщательной очистки, при которой отчасти терял свои качества.

Впрочем, такой способ был вскоре заменен другим, с аналогичным принципом, но применение которого значительно экономичнее и дает продукт несравненно более чистый. В Бразилии этот способ называется «тигельхинас», – то есть маленькие чашки.

Вот его описание. Лиана совершенно не применяется. Серингуеро просто делает во всю глубину коры надрезы длиной в 3–4 сантиметра и под каждым из этих надрезов размещает маленький стаканчик из белой жести, используя комок мокрой глины, на котором устанавливается стаканчик.

Это делается чрезвычайно быстро поутру между 8 и 10 часами. В полдень все стаканчики уже наполнены молочно-белой, точно густые сливки, жидкостью. Рабочий время от времени совершает обход деревьев с ведром, куда выливает содержимое стаканчиков, а затем ставит стаканчики на прежнее место.

После этого он возвращается в свой карбет, подле которого, на открытом месте, устроена коптильня, род немудреной печи, снабженной сверху трубой, куда выходит дым. Для этой цели употребляется специальное топливо, – плоды пальмы.

Вместо глиняной бутылки используются деревянные лопатки, напоминающие колотухи деревенских прачек, с той только разницей, что у этих лопаточек острые края. Серингуеро обмакивает свою лопаточку в молочную жидкость и подвергает ее действию горячего дыма. Водянистые части каучука быстро испаряются, и на лопаточке остается тонкий слой клейкого вещества. Тогда повторяется тот же прием, отчего получается ряд новых слоев этого вещества, совершенно ровных, чистых и эластичных. Когда толщина слоя каучука, образовавшегося на лопатке, считается достаточной, то рабочий ударяет ребром лопатки о какое-нибудь твердое тело, преимущественно о камень. Режущий край лопатки разрезает сперва с одной, потом с другой стороны слой каучука, так что получаются два ровных и красивых пласта совершенно чистого каучука. Пласты эти тотчас же подвергаются действию солнца, чтобы водянистые частицы испарились как можно быстрее и основательнее.

Испарение влаги должно быть как можно более полным, так как присутствие воды неминуемо вызывает брожение, а как следствие – негодность всего материала. Прокапчивание каучука в дыму противодействует процессу брожения и разложения, но этого не всегда бывает достаточно. Словом, серингуеро прежде всего не должен забывать, что его главный враг – брожение.

В последнее время этот способ пытались улучшить, но он остается все-таки самым распространенным.

На этом оканчивается задача серингуера. Его каучук отправляется в виде пластинок или прямо в Европу, или в Соединенные Штаты Америки, где поступает во всевозможные мануфактуры, фабрики и мастерские.

Но теперь почти сам собою встает вопрос: сколько же этой драгоценной жидкости может дать одно дерево? Сколько может заработать на этом деле усердный и добросовестный рабочий в день?

Три литра жидкого сока хэвеа дают один килограмм сгущенного каучука, за который рабочий там на месте получает 4 франка.

Дерево, имеющее ствол не более 50 сантиметров в окружности, может дать в среднем 54 литра молочной жидкости, из которой получится 18 килограммов плотного, сгущенного каучука, что приносит денег 72 франка с каждого дерева.

Там, где деревья встречаются целыми семьями, то есть группами, а не поодиночке, как, например, в местности между Арагуари и Яари, а серингуэро человек деятельный и работающий, он без особого труда может добыть 15 и более килограммов каучука в день, что составляет по средней цене 4 франка 60 франков в день.

Свыше десяти тысяч чернокожих ежегодно занимаются этим делом, и один город Пара продает ежегодно на 15 миллионов каучука, то есть в три раза больше, чем французская Гвиана продает золота.

Посредники между производителями и промышленниками наживаются, покупая продукт на месте и затем собирая его перед отправлением, так что на рынке в Гавре цена каучука достигает в среднем от 10 до 12 франков за килограмм, в зависимости от качества.

Добавим ко всему вышесказанному: этот промысел в некоторых частях Бразилии настолько прибылен, что одна провинция Амазонка в настоящее время экспортирует около 4 миллионов килограммов в год на сумму около 40 миллионов франков.

И подумать только, что эти 40 миллионов добываются из маленьких жестяных стаканчиков, установленных под надрезами коры хэвеа!

Теперь закончим несколькими словами отступление от хода рассказа, без чего наш роман «Искатели каучука» совершенно утерял бы свое истинное значение.

Итак, каучук в своем чистом виде бесцветен и прозрачен, но тот, который поступает в продажу, всегда имеет коричневую окраску, более или менее темную, приобретаемую от дыма при окуривании и удалении водянистых частиц, содержащихся в нем.

Это вещество мягкое, гибкое, эластичное при температуре в 10 градусов, почти не изменяющееся от действия воздуха и абсолютно не пропускающее влагу или воду, горячее и дающее при горении яркое пламя с копотью и весьма неприятным смрадным запахом. Оно еще обладает свойством тотчас же плавиться, если соединить вместе две только что разрезанные части.

В кипятке каучук быстро размякает и вздувается, но не растворяется, точно также и в спирте. Растворяющими каучук веществами являются: керосин очищенный, эфир, скипидар, бензин и главным образом сероуглерод.

Что же касается собственно каучука, очищенного от посторонних примесей, то он состоит из углеводов и содержит в себе 87,2 % углерода и 12,8 водорода. Кроме того, известно, что он является плохим проводником тепла и совершенно не проводит электричество.

Первоначально применение каучука было самое скромное, и ничто не позволяло предвидеть в будущем столь широкого его использования. Сначала он служил только для стирания карандаша с бумаги и чистки обоев. В 1785 году физик Шарль одним из первых использовал непроницаемость каучука и его эластичность, растворив его в скипидаре и покрыв этим раствором воздушный шар с водородом. В 1790 году стали пропитывать этим раствором различные ткани и фабриковать рессоры.

В 1820 году Надлер придумал вводить в ткани нити каучука, но действительно непроницаемые одежды и плащи впервые удалось изготовить только Макинтошу, который между двумя полотнищами шерстяной мериносовой ткани проложил тонкий слой каучука.

К 1840 году относится весьма важное событие, сделавшее применение и употребление каучука почти универсальным. Именно до этого времени применение каучука было ограничено: сильный жар делал его слишком мягким, а холод лишал эластичности.

Вулканизация, изобретенная англичанами Ханкок и Бродинг, окончательно уничтожила эти недостатки каучука; этим способом им удалось сделать его недоступным влиянию внешней температуры и вместе с тем сохранить всю его непромокаемость, гибкость и всю присущую ему эластичность.

Соединение с серой в известной пропорции, более или менее значительной, в зависимости от степени твердости, какую желают придать изготавливаемым предметам, – в этом состоит весь секрет вулканизации.

С тех пор появилась возможность вырабатывать различные сорта каучука и применять его для всевозможных целей. Тогда началось производство каучуковых труб, проводов, мячиков для детей, эластичных каучуковых тканей для подвязок, подтяжек, поясов, частей для хирургических инструментов, зубных щеток, спасательных кругов, губок, типографских валиков, пожарных кишок, передаточных ремней, портсигаров, гребенок, половиков, галош, детских игрушек (кукол и животных), тканей для дождевых плащей, всевозможных сосудов, акустических приборов, резиновых подушек и так далее, – всего нельзя даже и перечислить.

Если увеличить примесь серы, то каучук теряет свою эластичность и приобретает твердость, блеск и вид черного дерева или черепахи. Для этого надо только довести каучук до мягкости теста, при температуре в 150 градусов, и прибавить в него серы в количестве равном одной пятой части его веса. Тогда он получает название «твердого каучука», или «эбонита».

Применение его, можно сказать, почти универсально, так как ему можно придать любую форму и сделать его пригодным для любого назначения.

Сульфуризация (прибавка серы) делает каучук в такой высокой степени неизменяющимся ни при каких условиях, что он еще более противится действию всяких растворяющих веществ, чем даже эластический, вулканизированный каучук.

Глава X

Жизнь искателя каучука. – Иные времена – иные нравы. – Прежние колонисты и нынешние. – Время – деньги! – Без передышки. – Каким образом дикари-индейцы обделывают свои дела. – Верность слову. – Цивилизованные индейцы становятся испорченными и развращенными. – Неожиданное появление Шоколада. – Побег ли это? – Бедствие на скотном дворе. – Таинственные воры. – Никаких следов. – Прием индейца Пиражиба. – Ловушка. – Результаты. – Гигантский змей Амазонки.

Глядя на каучуковое дело, можно подумать, что жизнь серингуэро – одно наслаждение, а сам он, с первого взгляда, представляется кем-то вроде сатрапа, утопающего в роскоши, как нельзя лучше приспособленной к условиям жизни под тропиками.

Рассказы о жизни прежних плантаторов, конечно, немало способствовали такому ложному представлению. Но теперь – иные времена, иные нравы!

Плантатор доброго старого времени, раз наладив промышленную и сельскохозяйственную сторону дела, беззаботно предавался своему легендарному тунеядству. Земли его обрабатывались, как попало, согласно традициям предков. Рабы-невольники под кнутом управлятеля и надзирателей сажали сахарный тростник и в надлежащее время срезали его. Самые примитивные мельницы обрабатывали его, сок извлекали по некогда выработанной в старые времена технологии и затем отправляли на рафинадные заводы в Европу.

Плантаторы не заботились даже об уменьшении числа рабочих рук, об усовершенствовании способов обработки, об улучшении продуктов... К чему? Они и без того ели вкусно, пили сладко, спали мягко, в прохладе, тишине и покое, курили чудные сигары и гнали от себя всякую заботу, а в качестве развлечений то катались на лодках, то верхом.

Словом, они не видели даже своей курицы, несущей золотые яйца, а только яйца, и даже не интересовались источником всех этих благ. Поэтому всегда оставались неспособными помочь себе в момент какого-нибудь кризиса или обеспечить себе безбедное существование в будущем.

Быть может, этот удивительный застой всяких физических и умственных способностей следует приписать отвратительному обычаю рабовладения, при котором истязание одной половины рода человеческого развращало и способствовало вырождению другой.

Как бы то ни было, но настал момент, когда лихорадочный порыв сдул знойным дыханием эту отвратительную спячку, повсюду, от высших и до низших ступеней общества. Во всех отраслях промышленности и торговли, во всех странах и под всеми ветрами, люди приняли за девиз американскую поговорку: «Время – деньги!»

И никто не избежал этой перемены: рудокопы и инженеры, скотоводы и плантаторы, заводчики и фабриканты, производители кофе и сахарного тростника, искатели золота. Все стали соперничать друг с другом и между собой: кто проявит больше энергии, кто двинет вперед свое дело. Все стали работать, не покладая рук, памятуя, что пропущенное время не вернуть, что потраченный даром час унес с собой ту прибыль, которую он мог бы принести. Все старались сделать как можно лучше и как можно больше.

Искатели каучука, какими мы их видим теперь, мало походили на прежних плантаторов. Шарль не ограничивался тем, что посылал своих людей расставлять стаканчики под надрезами в коре каучуковых деревьев и затем терпеливо ожидать их возвращения с пластами каучука, полученными после испарения молочного сока и обработки его, как это было описано выше. Нет, его задача была не столь легкая.

Прежде всего, он считал своим долгом позаботиться о потребностях своих полуторасти или двухсот рабочих, и не только позаботиться об их нуждах, но и запастись в складах все необходимое для них – по меньшей мере на год вперед.

Над добыванием каучука работали у него всего две трети наличных рабочих; остальные же расчищали и корчевали леса под посевы, возделывали землю, сажали маниок, маис, иньям, пататы и тому подобное, удобряли пастбища, разводили скот, возводили постройки. Кроме того, сажали сахарный тростник, табак, ухаживали за кофейными плантациями, собирали бананы, хлопок и многое другое. Местные серингуэро вынуждены были заниматься земледелием, наравне с главным промыслом.

Но и это еще не все. Остается еще сбор лесных плодов, дающих масло и волокна, ловля черепах и пираруку, местных рыб, являющихся одним из важных питательных продуктов в этой местности. Все это, кроме сбора, требовало еще уборки, вяленья и сохранения впрок, в складах, приспособленных для этих продуктов. Наконец, на хозяине лежала забота о содержании и изготовлении рыболовных снастей, судов и так далее.

Вы скажете, что все это лежит на рабочих. Конечно! Но каждый, кому известна непреодолимая апатия, лень и полное отсутствие всякой инициативы у чернокожих, знает, что они пальцем не шевельнут и с места не тронутся, если над ними не будет стоять хозяин, не будет указывать им и следить за исполнением его приказаний. И вот поэтому-то хозяин уже с рассветом выходит из дома осматривать саванны, то есть пастбища. Он видит, что один из лучших его лугов уже несколько дней заполнен сорняками, которые заглушают своими твердыми жесткими стеблями сочные кормовые травы.

Тотчас же надо снарядить людей и поджечь эту часть пастбища, а затем следить, чтобы пожар не распространился дальше, направлять его, не то вспыхнет пожаром вся саванна.

Тем временем уже явился рабочий с одной из серингер донести, что на их участке деревья истощены, что в мастерской приостановилась работа. Надо тотчас же отправляться на розыски нового участка каучуковых деревьев, быть может, на несколько дней, вооружившись компасом, бродить по лесу, жить, как дикари или лесные бродяги, а отыскав участок, спешить назад, захватить что надо и устроить на новом месте новый серингаль, снабдить его и рабочих всем необходимым и пустить дело в ход под личным наблюдением.

Едва хозяин управился с этим, как прибывает из Кайены береговое почтовое судно и привозит почту, а с ней и сведения о ценах на разные товары на всех мировых рынках. Надо во всем этом разобраться, подумать и вывести соответственно свои расчеты. Но вот уже новое дело требует его внимания и его распоряжений: на каком-то из его катеров оказался неисправным мотор. Надо осмотреть, заменить поломанные или попортившиеся части новыми, разобрав и все это сделать самому или под своим непосредственным наблюдением.

А тут ждет уже новая забота и работа: вот с одним из рабочих случился солнечный удар; необходима немедленная помощь, а оказать эту помощь может только он, хозяин: ведь ни врачей, ни больниц нет. Там другого бьет лихорадка, третьему бревном переломило руку; единственный врач – хирург и фельдшер – все тот же хозяин.

Вот группа совершенно диких индейцев явилась для торговых сделок. Их надо принять как можно радушнее: это лучшие рабочие и при том честнейшие люди. Но их трудно поселить вблизи жилья: все они прирожденные кочевники, дети вольных степей. Но Шарлю удалось удержать подле себя человек пятнадцать с их семьями; они пасут стада, так как это дело им больше по душе.

Вновь прибывшие не понимали ни одного слова ни по-португальски, ни на общепринятом языке в низовьях Амазонки, *lingua geral*, на котором изъясняются почти все индейцы. Но что из того? Сговориться при желании всегда можно. Их всего человек двенадцать, мужчин, женщин и детей, в лодке, крытой наполовину большими листьями.

Самый старый из них (по-видимому, вождь, так как в руках у него трость, знак власти, а голос и жесты повелительны) идет прямо к хозяину; тот ведет его к магазинам и складам. Но дикарь, по-видимому, ничуть не удивлен громадными запасами самых разнообразных предметов и припасов. Он молча указывает на пилу, топор, зеркало, нож, гвозди, проволоку и так далее.

Он выбирает наугад то, что ему нравится, собирает все это в кучу, относит в свою лодку и возвращается назад все той же небрежной, величавой походкой, не проронив слова.

Увидав сложенные груды каучука, он отбирает часть и указывает на нее Шарлю, считая, что это количество каучука соответствует по своей стоимости цене забранных им предметов.

На это Шарль отрицательно качает головой. Тогда индеец призадумывается на минуту; он готов уже вернуться к своей лодке и принести обратно отобранные им предметы... Но нет, он молча начинает увеличивать свою грудку каучука, прибавляя к ней пласт за пластом и глядя все время вопросительно на Шарля, как бы спрашивая его: «Ну, а этого достаточно?»

Наконец Шарль утвердительно кивнул головой.

Договор заключен. Тогда индеец оборачивается спиной к солнцу, указывает на небо и затем подымает четыре пальца.

Это означает, что через четыре лунных месяца он доставит плантатору количество каучука, равное отложенному.

Затем он достает свою трубку, смотрит на молодого хозяина серингуэро. Тот приказывает дать индейцу пачку прессованного табака. Индеец берет ее, не спеша направляется к одной из ближайших хижин, поднимает горячую головню, уносит ее к себе на лодку, ставит парус, и отплывает со всей своей родней, не проронив ни слова, не сделав ни единого жеста. Глядя на остальных, можно подумать, что они ничего не поняли, ничего не слышали. Между тем каждый из них все видел, каждый знает о заключенном соглашении. В назначенный срок, день в день, час в час, та же лодка пристает к серингалю, и те же люди будут на ней. Они перенесут в склад определенное количество каучука, не убавив и не прибавив ни одного пласта против того, что было условлено.

Тогда их вождь достает свою трубку и смотрит вопросительно на хозяина. Тот прикажет дать ему пачку табака, после чего индеец протянет хозяину сосуд, не уступающий по величине и объему кубкам, из которых пили герои Гомера. Когда его наполняют тафией, он отопьет из него вволю, затем передаст своим соплеменникам, не исключая женщин и детей. Все выпьют из этого сосуда, и когда в нем не останется больше ни капли, один из них пойдет за горячей головней, чтобы захватить ее с собой на дорогу.

И они уедут, как приехали, не сказав ни слова, не спросив ни о чем, и когда-нибудь снова вернутся сюда точно таким же манером. И так они поступают всегда, никогда не изменяя своему слову, не нарушая данного обещания.

Это относится главным образом к диким индейцам, не вкусившим еще плодов цивилизации, потому что, увы, – индейцы цивилизованные (как, например, тапуйи или кабокио), живущие в низовьях Амазонки, постоянно общаясь с белыми людьми по меньшей мере сомнительной репутации, уже утратили ту безупречную честность, которая присуща их диким соплеменникам.

Такие случайные явления и разные непредвиденные события постоянно нарушают регулярное течение жизни серингуэро, выбивая его на время из колеи, отвлекая от дела, внося перемены и оживление в его однообразную жизнь. Кроме того, ему еще нужно находить время обучать и воспитывать своих детей, чтобы из них не выросли белые дикари.

Наконец, есть еще целый ряд всяких неожиданностей, как мы это только что видели, при набеге беглых каторжников, и как это вскоре еще раз увидим; неожиданностей, всегда влекущих за собой множество волнений, опасений и трудов.

Прошло около двух с половиной месяцев с того времени, когда Шарль так удачно и благополучно сумел защитить свое жилище от негодяев, покушавшихся на его достояние. Он только что проводил безмолвный экипаж туземной лодки, на которой приезжали дикие индейцы, и мысли его почему-то вдруг перенеслись к Шоколаду и его двум товарищам, которых он не видал с самого дня переговоров с ними там, на прогалине.

Через своих людей он знал, что все трое работают усердно и что все они здоровы. Этого пока ему было достаточно, и он с удовольствием думал о приближении того момента, когда можно будет перевести их поближе к усадьбе и присоединить к многочисленному персоналу своих служащих.

Принимая во внимание прошлое этих несчастных, которые все-таки сумели устоять против развращающего действия каторги и теперь проявляли старание и усердие в работе, беспрекословно подчинившись запрету приближаться в течение назначенного им срока к жилью, Шарль думал о том, что они вполне способны стать достойными членами человеческого общества.

На его глазах уже было такое искреннее и полное возрождение одного бывшего преступника и беглого каторжника, фальшивомонетчика, Гондэ, который двадцатью годами безупречной жизни искупил свое бывшее преступление и сделался доверенным человеком его отца.

Вот почему он мог надеяться, что и обращение трех каторжников будет его победой и торжеством, а возвращение их на путь истинный будет искренним и бесповоротным.

Он не в состоянии был удержаться от недоумения и разочарования при виде высокого мужчины, тяжелой походкой приближавшегося к нему с низко опущенной головой.

Завидев Шарля, этот человек, у которого был крайне несчастный и смущенный вид, снял свою грубую соломенную шляпу, несмотря на опасность солнечного удара. Это был Шоколад.

– Накройтесь! – резко приказал Шарль. – Вы должны знать, как легко здесь схватить солнечный удар.

Затем, все так же резко и строго, он добавил:

– Что вам надо? Зачем вы пришли? Зачем явились сюда без моего разрешения?

Шоколад стоял перед ним бледный и дрожащий, смущенный и растерянный, как провинившийся ребенок, и бормотал несвязные извинения.

Видя волнение бедняги, Шарль счел нужным успокоить его, поняв, что, быть может, уважительные причины заставили того нарушить запрет.

– Ну, объясните, в чем дело, – сказал он более мягко. – Я готов вас выслушать!

Обычно, когда каторжнику предоставляется возможность говорить, то он говорит с такой необычайной словоохотливостью, с такой вычурностью и витиеватостью, точно хочет показать, что не разучился еще выражать свои мысли образно и красиво, не утратил способности говорить последовательно и ясно.

Молодой человек, которому часто приходилось сталкиваться с беглыми каторжниками или отбывшими срок наказания, отлично знал эту их особенность и потому оценил сжатость и сдержанность речи Шоколада.

– Вы изволили сказать, сударь, – начал беглец своим обычным, глухим, как бы сдавленным голосом, – что в случае серьезной опасности или заболевания кого-нибудь из нас один из троих может прийти сюда и сообщить о случившемся... Вот я и пришел!

– Что же у вас случилось? Вам грозит какая-нибудь опасность? Какая?

– Я, право, и сам не знаю; но вот уже неделя, как нас каждую ночь обкрадывают...

– Ну, ну... говорите, я слушаю!

– Воры, видите ли, приходят каждую ночь, а так как вы нашли нас тогда в такой компании, то можете думать...

– Неужели вы полагаете, что те могли уйти оттуда?... Это совершенно невозможно...

– Нет, я этого не говорю, но только у нас происходят странные вещи... Вы были столь добры, что прислали нам свиней, овец и птицу. Наш скотный двор процветал благодаря уходу Арби, нашего араба, сведущего в этом деле, и вдруг на прошлой неделе мы, встав утром, видим, что наша изгородь разрушена, и одной свиньи нет. На другой день пропала другая, через день – третья; затем пришла очередь овец, а теперь у нас осталась только одна птица!

– И вам не удалось изловить вора?

– Мы сторожили по очереди все ночи напролет, но напрасно; и, что всего хуже, мы даже нигде не могли разыскать следов. Мне уже думалось, что это дело ягуара, но в этих местах ягуаров нет, это несомненно!

– Странно! Быть может, вы просто не сумели отыскать след! Подождите, я отправлю с вами одного из моих индейцев или даже двух: для них лес не имеет тайн, и я уверен, что они найдут какой-нибудь знак.

– Ну, а если это люди, сударь?! Какие-нибудь лесные бродяги, которые умеют замечать и скрывать свой след так, что могут даже провести краснокожих? Я, видите ли, долгое время жил в лесах, вместе с индейцами, и кое-чему научился у них, но, несмотря ни на что, все-таки ничего, ничего не нашел!

– Ну так мы сделаем еще лучше! – решил Шарль. – Я пойду с вами сам и возьму с собой нескольких индейцев и нескольких негров. А вы отдохните с дороги; вас сейчас проводят в одну из хижин, накормят, а завтра, мы отправимся с рассветом.

– Если бы я осмелился, то попросил бы вас, сударь, разрешить мне сейчас же вернуться: товарищи без меня умрут от страха.

– Пусть будет так; мы все отправимся туда сейчас же! – решил Шарль.

Не теряя времени, снесли в шлюпку припасы, гамаки и оружие, созвали людей. Молодой хозяин простился с семьей, и, всегда готовый везде и все делать самому, направился в сопровождении своих людей к лодке. Этот путь, хотя и несколько длиннее, был гораздо удобнее и менее утомителен, чем по суше.

Экипаж маленького судна, состоявший всего-навсего из двух индейцев и четырех негров, что вместе с Шоколадом и Шарлем составляло восемь человек, прибыл на место ровно за час до захода солнца. Таким образом, молодой человек имел полную возможность обследовать всю местность вокруг жилья, разыскать след похитителей и принять соответствующие меры.

В сопровождении неразлучного Пиражибы он описал несколько кругов вокруг карбета, пока остальные его люди раскинули шатры и исправили поломанную изгородь, за которой поместили двух привезенных с собой свиней.

Не прошло и десяти минут, как Пиражиба вдруг остановил своего господина, указал ему на длинный след, похожий на широкую борозду, промятую в траве, и произнес одно только слово:

– Сикуриу!

– Ну, слава Богу! Это только змея! – воскликнул Шарль со вздохом облегчения. Затем, войдя в хижину и обращаясь к Шоколаду, он добавил:

– Будьте спокойны, друзья, теперь мы знаем вора! Вы хорошо сделали, что предупредили меня о ваших пропажах: ведь это чудовище, не находя более ничего себе по вкусу на вашем скотном дворе, при первом случае проглотило бы одного из вас! Судя по следу, это змея порядочных размеров. Ну, а теперь, Пиражиба, друг мой, ты знаешь, что надо делать в подобных случаях... Надо во что бы то ни стало изловить этого вора сегодня же!

– Да, господин! – отозвался индеец. Не теряя времени даром, он пошел к лодке, отыскал в ней один из тех громадных крючков, на которых удят самую крупную рыбу, и длинную и крепкую лесу такой прочности, что она легко могла выдержать вес свыше тысячи килограммов.

Насадка была уже готова – одна из двух молодых свинок, привезенных ими, которая теперь так вольготно расположилась в опустевшем загоне и, благодушно похрюкивая, с наслаждением уплетала кукурузу.

Пиражиба безжалостно прервал это приятное времяпрепровождение, связал ей ноги и, не обращая внимания на отчаянный визг, сделал на спине два параллельных продольных надреза. Затем он продел ей под кожу сквозь жировой слой острие своей сабли так, что из кожи и жировой ткани спины образовалась петля или ручка, куда можно продеть уду с крючком.

Так делают рыбаки, насаживая живца на крючок в качестве приманки.

Свинка, накричавшись вволю, наконец смолкла и лежала совсем смирно, убедившись, что никак не может избавиться от мучительного железного крючка.

Наступила ночь, но обитатели карбета не спали, в тревожном ожидании, чутко прислушиваясь к малейшему шороху.

Вдруг лежавшая все время безмолвно и неподвижно свинка отрывисто захрюкала.

– Змея тут, близко! – шепнул один из негров, – и она голодна!

– Молчи! – шепотом остановил его Шарль.

Протяжный крик отчаяния сменил отрывистое хрюканье свинки, затем послышался тихий шелест в траве и ничего больше. В продолжение целой четверти часа – ни звука, ни малейшего движения.

Змея здесь, но проглотила ли она приманку? Впрочем, вскоре раздался хруст и треск, вслед за ним оглушительный шум, как от падения подрубленного дерева, шум, от которого содрогнулись столбы и балки карбета.

– Ага... старая матка-змея – попалась! – весело воскликнул негр, ненавидевший всеми силами души всех гадов.

При этом бедняга отважился выйти из-под навеса и сделать несколько шагов вперед, и вдруг, как подкошенный, упал на землю, отчаянно вскрикнув от охватившего его ужаса. Что-то тяжелое, плотное, чего он не мог разглядеть во мраке, пронеслось над ним со свистом и быстротой циклона.

Изгородь загона разлетелась в щепки, как от налетевшего урагана, даже земля задрожала, а обломки полетели во все стороны. В воздухе запахло отвратительным запахом мускуса.

К счастью, негр отделался одним страхом. Он потихонечку, ползком, на четвереньках возвратился в карбет и, стуча зубами, пробормотал:

– Господин, бома (змея) проглотила крючок. Она крутится и извивается вокруг дерева... мы можем пойти и отцепить ее теперь!

Но Шарль, не отвечая, высек огонь и проворно зажег несколько каучуковых факелов, употребляемых в серингях и дающих ослепительно яркий свет.

Прием индейца оказался чрезвычайно удачным: действительно, гигантская змея амазонских девственных лесов извивалась и корчилась на крючке Пиражибовой удочки. Никогда еще за все двадцать пять лет своей жизни в безлюдных экваториальных пустынях молодой серингуэро не видывал чудовища таких размеров.

Колеблющийся свет факелов придавал чудовищу еще более отвратительный и ужасный вид. С присущей змеям жадностью, она проглотила молодую свинку, а вместе с ней и огромный крюк, не обратив внимания даже на близость человека. Стальной крюк глубоко вошел змее в горло и, несмотря на все ее конвульсивные усилия, ей не удалось ни проглотить, ни отгрызнуть его.

И вот громадное чудовище корчилось и извивалось, то сворачиваясь в клубок, то сгибаясь дугой. Затем вся эта груда отвратительных зеленоватых колец вдруг развернулась, и змея обвилась вокруг ствола дерева, повиснув головой вниз. Обезумев от боли, причиняемой острыми лапами крючка, рассвирепев от силы сопротивления, чудовище наконец упало на землю и поползло вокруг дерева, то вытягиваясь во всю длину, то сокращаясь.

Шарль, опасаясь, что веревка не выдержит таких усилий и порвется, решил побыстрее покончить с чудовищем. Воспользовавшись моментом, когда, немного обессилев, змея на мгновение осталась неподвижной, он дважды выстрелил ей в голову из своего превосходного английского ружья.

Смертельно раненное, но все-таки ужасное, чудовище конвульсивно извивалось еще в течение нескольких минут, – так живучи эти громадные гады, – наконец, замерло.

Когда спустя полчаса стало ясно, что змея действительно сдохла, Шарль и остальные присутствующие с трудом могли поверить своим глазам: чудовище оказалось длиной до двадцати двух метров! Судя по черным на темно-сером фоне пятнам, а главное, по ее размерам, это была анаконда, или сикуриу, которую не следует смешивать с боа, так как эта змея главным образом водяная.

Но все на свете кончается, пришел конец удивлению Шарля и его людей. Хозяин угостил всех участников этой экспедиции, а также и трех бывших каторжников обильными порциями тафии и табака, после чего все мирно улеглись в свои гамаки и проспали до утра, чтобы назавтра приняться за выделку превосходной змеиной шкуры.

Глава XI

Утро в девственном лесу. – Змеиная шкура. – Приятная неожиданность. – Работа трех товарищей. – Что араб и мартиниканец думают сделать со своими деньгами. – Возвращение на пироге. – Груз каучука. – Господин избирает сухой путь. – Семейство на пристани. – Нет ни белых, ни черных, все люди братья. – Тень. – Разочарование. – Ожидание. – Тревога. – Мучительные опасения. – Шарль не возвращается. – Поиски. – Ужас лесных бродяг. – Катастрофа. – Страшное пробуждение.

Долгой тропической ночи, наконец, пришло на смену утро.

Солнце как-то неожиданно зажгло высокие верхушки деревьев, и туман, окутывавший своим густым молочно-белым покровом поляну, мигом рассеялся.

Как обитатели хижины, так и временные гости давно уже проснулись. Однако присутствие господина на этот раз помешало обычному гаму, каким всегда сопровождается пробуждение негров. Шумливые и веселые, как взрослые дети, негры, едва спустив ноги с гамака, имеют привычку начинать день оживленными окликами, шутками, возней, толкотней, бешеными скачками и прыжками, гомерическим смехом и хохотом.

Ночь на нулевом градусе широты, длящаяся по меньшей мере десять часов, с избытком дает возможность восстановить силы, потраченные на дневной труд. Шарль же, как большинство европейцев, даже акклиматизировавшихся, спал только с полуночи и потому проснулся последним.

– Ну, ребята, – крикнул он, бодро соскочив на землю, – теперь давайте умываться! Первый, кто будет готов, получит двойную порцию!

Не трудно было предвидеть, что не оказалось ни первых, ни последних: все были готовы одновременно.

Умывание заключалось в том, что все кинулись в реку, где смешались в кучу черные и медно-красные тела. И негры, и индейцы, мокрые, со струйками воды, стекавшими по груди и по спине, со всех ног побежали получать обещанную порцию нектара из сахарного тростника.

После этого приступили к выделке змеиной шкуры.

Эта операция обычно не представляет трудностей, даже если животное больших размеров. Змею обвязывают вокруг шеи крепкой лианой и подвешивают к одному из поперечных сучьев большого дерева. Человек, вооруженный острым ножом, вонзив его в самую глотку змеи, повисает на нем и спускается, обхватив ногами туловище змеи и продолжая виснуть на ноже, который под давлением тяжести человека, разрезает по прямой линии шкуру змеи с нижней стороны от головы до хвоста. Потом человек снова взбирается на дерево, обрезают кожу вокруг головы, заворачивают ее, спускает завернутую часть вниз, и товарищам его остается только тянуть шкуру, чтобы отделить ее от мяса.

В данном случае этот способ не устраивал из-за необычайной величины и страшного веса убитого чудовища. Понадобилась бы по крайней мере особая лебедка, чтобы поднять кверху пресмыкающееся; кроме того, даже рослый человек едва ли бы мог спуститься по этому огромному туловищу, представлявшему собою толстый цилиндр.

Поэтому Шарль решил снять шкуру прямо на земле, постепенно приподнимая шестью громадным туловищем, чтобы легче было сдергивать с него кожу. Дело подвигалось медленно, но без неприятностей.

Сдернутую кожу натерли золой и скатали, в ожидании надлежащей отделки, так как зола предохраняет ее от насекомых и от гниения.

Отложив в сохранное место драгоценную добычу, молодой плантатор стал осматривать, в ожидании завтрака, участок, освоенный его новыми рабочими из беглых каторжников, и высчитывать приблизительно то количество каучука, какое он мог дать. Обычно не щедрый

на похвалы, а также и на упреки, на этот раз Шарль не мог удержаться, чтобы не выразить своего удовольствия по поводу того, что увидел здесь. Около 3000 килограммов каучука превосходного качества, чистого, совершенно однородного, отлично высушенного, отвечающего требованиям самого взыскательного и капризного покупателя, было сложено у новопоселенцев в строгом порядке на полках из досок, рядами с промежутками, дающими доступ воздуху.

Но это еще не все; трое товарищей вырыли под полками небольшие ямки, где время от времени разводили огонь, не слишком сильный, из легкого хвороста, который изгонял последние следы влажности и, так сказать, довершал первоначальную сушку.

Этот добавочный уход за изготовленным каучуком, кажущийся на первый взгляд излишним, на самом деле настолько улучшает качество каучука, что стоимость его сразу повышается на 1 франк за килограмм.

– Прекрасно, друзья мои, прекрасно! Я очень доволен, – сказал Шарль, – каждый из вас получит по добавочной тысяче франков на свою долю.

– Тысячу франков! – воскликнул араб, сияя от радости. – Тысячу франков чистыми деньгами?

– Да, чистыми деньгами, если ты этого хочешь, друг мой! Но скажи, что ты думаешь делать с этой суммой?

– Я оплачу свой проезд обратно в Алжир, на остальное куплю лошадей и мулов и буду кормить свою старую мать, жену и детей!

– Но, милейший, ты не можешь вернуться в Алжир: там тебя снова заберут и вышлют в Кайену!

– Но если я окажусь хорошим работником, вы, господин, испросите у президента республики разрешение на помилование, и тогда... мне можно будет вернуться к своим!

– Да, конечно, я охотно сделаю это! Но разве ты так хочешь покинуть меня? Подумай только, как быстро ты можешь разбогатеть здесь, тогда как там тебе придется владеть жалкое существование!

– Да, господин прав, но моя старая мать там, моя добрая жена и дети...

– Но кто же мешает тебе выписать их сюда? Они будут членами нашей семьи! Я могу написать им, когда хочешь, хоть теперь же!..

– О господин! – воскликнул бедняга. – Если так, то я останусь здесь на всю свою жизнь и всегда буду тебе верным и усердным слугой и работником!

– И будешь здесь основателем алжирской колонии!.. Ну, а ты, приятель, – обратился Шарль к мартиниканцу, который усердно, но безуспешно высчитывал что-то по пальцам.

– О, я, господин, не могу сосчитать всего этого: это для меня слишком много!

– Не беспокойся, я сосчитаю за тебя! Ты тоже хочешь вернуться на родину?

– Я не так глуп! Я останусь подле жилища господина... У нас на Мартинике нечего есть, а здесь я буду богат, богат, как настоящий помещик!

– А тебе не скучно будет жить здесь одному, без семьи?

– Я знаю в Кайене добрую кумушку негритянку, и если вы позволите, чтобы она приехала сюда, в ваше поместье, то я буду более счастлив и доволен, чем кто-либо из негров на своей родине или негров в Кайене и Мартинике!

– Решено, приятель! В следующий раз, когда мы поедем в Кайену, мы привезем твою негритянку, и я позабочусь о твоём помиловании. Ну, а теперь, детки, довольно беседовать, идемте есть, а затем мы отвезем ваш каучук в склады. Что касается вас, – обратился он к Шоколаду, – то я сообщу вам о своих намерениях, а вы выскажетесь откровенно, насколько они вам улыбаются.

– Я готов слушать вас, когда прикажете, – отозвался Шоколад своим глухим и печальным голосом.

После скромной трапезы, общей для всех, как и накануне вечером, нагруженная до краев лодка со всем своим экипажем отправилась в обратный путь. Но так как в ней для всех не хватило места, Шарль, ввиду нестерпимого зноя на реке, предпочел вернуться сухим путем в сопровождении индейца Пиражибы, своего всегдашнего неразлучного спутника. Араб и мартиниканец остались на каучуковом заводе, а Шоколад должен был сопровождать лодку и на следующий день вернуться обратно со свежим провиантом и припасами. Выгрузив здесь все это, он должен был затем доставить на склады оставшийся каучук.

Было около девяти часов утра, когда отъезжавшие на пироге и возвращавшиеся сухим путем расстались.

Лодка, хотя и сильно нагруженная и шедшая далеко не ходко, прибыла к месту раньше. Как только она показалась в виду усадьбы, о ней тотчас же дали знать в доме. Госпожа Робен, со всеми детьми, поспешила на пристань. Рядом шла Ажеда, крупная, величественная негритянка, окруженная целой гурьбой веселых и чрезвычайно шумливых и крикливых негритят. Ее супруг и счастливый родитель всех этих пышущих здоровьем негритят рослый негр Лооми был опрятно одет в просторную блузу, белые холщовые панталоны и широкополую соломенную шляпу, в зубах – большая сигарета.

Лооми – товарищ детства, так сказать, названный брат молодого плантатора, один из сыновей старого негра Ангоссо, который всю свою жизнь был верным другом и товарищем старика Робена, как в хорошие, так и в тяжелые времена его жизни. Дети Ажеды и Лооми росли вместе с господскими детьми на совершенно равных правах и по-братски делили с ними все радости и огорчения.

Трудно было представить себе что-либо более привлекательное, чем эта пестрая группа лиц. Хорошенькая супруга молодого плантатора, белая и румяная, как фарфоровая куколка, в своем изящном бледно-голубом платье, так красиво гармонировавшем с ее красотой нежной блондинки, опиралась на руку рослой негритянки, по-своему живописной и нарядной. Дружно обнявшиеся дети, белолицые и чернокожие, по-видимому, и не подозревали ни о какой разнице между собой.

Взором, полным беспредельной нежности, обе женщины, англичанка и негритянка, следили за веселым роем своих детей, не делая различия между ними, настолько сердца их были полны материнской нежности и любви к тем и другим.

Что же касается Лооми, то он был на седьмом небе от радости и гордости, когда все эти милые малютки, белые и чернокожие, резвились вокруг него, поминутно дружественно окликая его: «Папа Лооми!», – что для него звучало отраднее всякой другой ласки.

Однако темное облако омрачило настроение этой милой группы: на корме пироги не было Шарля, как все того ожидали. Его появление всегда являлось сигналом всеобщей бешеной гонки. Каждый хотел добежать первым и получить первый поцелуй возвратившегося Шарля.

– Почему же папы Шарля нет на пироге? – хором спрашивали детки.

– Почему господин не с вами? – осведомился в свою очередь Лооми у прибывших.

Но оказалось, что все обстояло благополучно: хозяин возвращался домой сухим путем с Пиражибой. Он намеревался попутно взглянуть на вновь отстроенный на месте сожженного серингаль, где теперь работали другие рабочие.

Но как ни кратковременна эта отсрочка свидания с горячо любимым мужем, отцом и господином, отсутствие его в данный момент было настоящим разочарованием для всех, и вся только что веселая компания ушла с пристани, заметно опечаленная.

Остался только Лооми – наблюдать за выгрузкой и уборкой каучука.

Он радушно встретил Шоколада, которого сам обучил ремеслу серингуэро. В ожидании хозяина поместил его в удобной хижине.

Тем временем часы бежали; вот уже два, три часа, – и все никого!

Госпожа Робен, хотя и привыкшая к частым отлучкам своего мужа, на этот раз почему-то несколько встревожилась.

Маленький Генрих, занявшийся после урока английского языка стрельбой из самострела со своими двумя обычными товарищами – маленьким Лооми и Табира, заявил, что он пойдет навстречу отцу.

– Потерпи, дружок, – отвечала ему мать, далеко не столь спокойная, как старалась казаться, – он, вероятно, скоро придет.

Но вот прошло уже четыре часа, а Шарля все не было.

Лооми, видя беспокойство своей госпожи, предложил тотчас же отправиться ему навстречу. Но молодая женщина не согласилась, так как муж, со времени появления беглых каторжников вблизи усадьбы, строжайше запретил кому бы то ни было из живущих в доме отлучаться в его отсутствие хотя бы на один час.

Несмотря на то, что эти негодяи были выселены на болотный остров, откуда не могли уйти, распоряжение не было отменено, и Лооми, скрепя сердце, подчинился ему. Но Табира с одним из товарищей мог отправиться на поиски молодого плантатора.

Оба индейца молча вооружились, один своим большим луком, другой сарбаканом, и никем не замеченные пустились в путь. Длинным, легким шагом краснокожих, сынов Амазонки, эти неутомимые ходоки быстро шли вперед.

Лучшего выбора в данном случае нельзя было и сделать: эти двое индейцев были самые опытные следопыты, самые смелые лесные охотники, для которых девственные леса не имели тайн. К тому же они всей душой и всем существом своим были привязаны к Шарлю, что, в сущности, весьма редко бывает с местными индейцами. Южноамериканские краснокожие редко привязываются к кому-либо из иноплеменников, зато, привязавшись к кому-нибудь, остаются верны до самой смерти.

После полутора часов невероятно быстрого хода, совершенно невыносимого для европейца, наши следопыты очутились вблизи первого карбета. Вдруг Табира, шедший впереди, остановился и указал товарищу на признаки, весьма очевидные, присутствия здесь посторонних людей.

Несмотря на свою обычную невозмутимость, оба индейца сильно заволновались. Быстро обменявшись несколькими отрывистыми фразами на своем родном языке, они вдруг пустились бежать лесом напрямик, предварительно изготовив свой лук и сарбакан. Что же так взволновало этих людей, столь мало впечатлительных, которых даже близость неминуемой смертельной опасности едва ли может заставить содрогнуться?!

Шарль только что отошел от второго карбета, где, естественно, не нашел ни души. В эту пору дня все люди, ночующие в нем и хранящие здесь свои запасы и припасы, а также добытый ими каучук, находились на заводе, где вырабатывали каучук, в глубине лесной чащи.

Окончив осмотр запасов, он с легким сердцем отправился дальше, по дороге на минуту приостановился, чтобы срезать длинный прут в виде тросточки.

Опираясь на эту тросточку, Шарль шел бодро и весело, время от времени перебрасываясь несколькими словами со своим спутником, Пиражиба, державшим в зубах толстенную сигару. Индеец ворчал на свою оплошность: он потерял кремь и огниво.

– Пустяки, – успокаивал его Шарль, сворачивая себе самокрутку. Он достал из кармана свой кремь и огниво, высек огонь, зажег фитиль и поднес индейцу, чтобы тот мог закурить сигару.

В этот момент Пиражиба, стоявший к нему лицом, вдруг уронил свою сигару и, отскочив далеко в сторону, громко вскрикнул с ужасом:

– Господин, берегитесь!

Молодой человек даже не успел обернуться, чтобы убедиться, откуда ему грозит опасность. Что-то просвистело над головой, почти в тот же момент он почувствовал, что его горло

сжато такой силой, что у него внезапнохватило дух. Глаза его закатились, в ушах раздался невыносимый шум, он, потеряв сознание, как подкошенный упал на землю...

Спустя некоторое время, продолжительность которого он никак не мог определить, ощущение прохлады на лице мало-помалу помогло ему очнуться.

Он медленно начал приходить в сознание. Слышал смутный говор нескольких голосов, наконец полуоткрыл глаза и увидел над собой темную листву хевеа.

Он сознавал теперь, что лежит на спине, хочет приподняться и сесть, но напрасно: он не в состоянии пошевелить ни руками, ни ногами. Что это может значить? Ну, так и есть: он крепко связан по рукам и по ногам.

Он почувствовал холодную воду на лице, и туман, застилавший ему глаза, мало-помалу стал рассеиваться.

Какая ужасная действительность представилась его глазам, буквально сразила этого смелого, неустрашимого человека!

Глаза с недоумением остановились на довольно многочисленной группе людей, стоящих полукругом около него. Он снова закрыл глаза, чтобы не видеть этих людей, но насмешливый голос, в котором слышится нечто жестокое и злобное, напоминает ему о той действительности, о которой он и сейчас еще не может вспомнить без ужаса. Этот голос говорит ему:

– Ну-с, милейший господин, на этот раз вы не столь высокомерны, как тогда, не правда ли? А теперь довольно нежностей и обмороков, – пора поговорить и о деле!

Глава XII

Колонизационные приемы англичан и американцев. – Дикие звери и разбойники. – Видимая покорность. – Планы бегства. – Многочисленные разочарования. – Последствия погружения в ил. – О счастье, могущем произойти от неудачи. – Луш является изобретателем. – Луш превращается в корзинщика. – Каторжники изготавливают каучук. – Непромокаемость. – Успех и безумная радость. – Досады и конечная удача. – На море жидкого ила. – На свободе. – Бандиты с берегов Амазонки. – Союз с мурами. – Цена лассо.

Беглые каторжники и бразильские мулаты волей-неволей должны были примириться с перспективой ссылки на одинокий, затерявшийся среди непроходимых болот остров, и, по видимому, подчинились этому приговору без особых протестов и возмущения.

Сознавая, что на этот раз сила не на их стороне, и считая себя счастливыми, что им пришлось иметь дело с французом, великодушнейшим из врагов и победителей, они отлично понимали, что им могла грозить несравненно худшая участь. Как англичане, так и американцы непременно применили бы к ним, ни мало не задумываясь, страшный суд Линча и привели бы тут же свой приговор в исполнение. А приговор этот мог быть только двойкий: перестрелять всех или перевешать, в зависимости от того, какой из этих двух способов казни являлся в данных условиях более удобным. Практичные американцы и англичане охотно подсмеиваются над тем, что они называют французской «чувствительностью», которая, как они говорят, очень мила и красива в теории, но вредна на практике.

Чрезвычайно строгие даже у себя дома ко всяческим покушениям на личность и имущество человека, – до крайности нетерпимые в этом отношении вообще, – они становятся совершенно неумолимыми, когда такие покушения совершаются в диких, нецивилизованных странах, где они одинаково обращаются как с хищным зверем, так и с человеком-хищником. Можно ли приручить тигра-людоеда после того, как он уже попробовал человеческого мяса и стал вселять ужас и страх во всем поселении? Нет, нельзя! Значит, остается только убить его.

Можно ли рассчитывать на исправление закоренелого преступника, который в стране, лишенной законов, властей и вооруженной силы, дал полную волю своим преступным инстинктам и совершенно не признает ни собственности, ни святости человеческой жизни? Нет, нельзя! Ну, так смерть и ему!

Но иные страны – иные нравы! И если француз спешит избавиться от зверя-хищника, то на жизнь подобного себе он смотрит далеко не так легко, каким бы преступным и недостойным ни был этот человек. Что же касается известных нам негодяев, то Шарль был вполне уверен, что он поставил их в такие условия, при которых они будут совершенно лишены всякой возможности творить зло.

При иных обстоятельствах он был бы вправе рассчитывать на это, но он не знал неутомимой энергии, необычайной изобретательности и удивительной настойчивости тех людей, с кем имел дело.

Едва только пироги, доставившие каторжников на одинокий остров, успели скрыться из виду, как их притворная покорность воле молодого плантатора мгновенно исчезла и уступила место яростным крикам и проклятиям по адресу этого человека, пощадившего их жизнь. Они поклялись при первом удобном случае жестоко отомстить ему за свое заточение, а в устах подобных людей это было не пустой угрозой.

Ни один из них и не думал приняться за работу. Единственно, что теперь занимало их мысли, это желание найти средства бежать и вслед за тем удовлетворить свое чувство мести.

Бежать! Вернуть себе свободу! Вот что теперь заботило их. Да и почему бы им не бежать отсюда, когда они уже бежали раз и при гораздо худших условиях?

Первоначально все их планы терпели неудачу. Сначала они долгое время бродили, как дикие звери в клетке, по острову, наконец пришли к убеждению, что с обычными и наличными средствами нет никакой возможности преодолеть препятствия, воздвигнутые самой природой.

Прежде всего попробовали построить плот, но оказалось, что на этой густой, клейкой жиже они не сдвинут его с места, это примитивное приспособление, столько раз выручавшее их из беды, здесь не могло им сослужить службу.

Тогда они задумали выдолбить из ствола толстого дерева пирогу. Но у них не было никаких подходящих для этой работы инструментов, а способ, которым для этой цели пользуются индейцы, обходящиеся часто без всяких орудий, не был им известен. Да и в сущности на что им могла пригодиться пирога? Ведь они не знали фарватера узкого извилистого канала, запруженного бесчисленными подводными камнями и мелями, о которые они неминуемо должны были разбиться и потерпеть крушение. А крушение в этом жидком, клейком иле, в этой густой тине, было верной смертью.

Наконец, старик Луш, этот многоопытный каторжник, хитрейший из хитрецов, надумал, после целого ряда неудачных планов и попыток, прибегнуть к довольно остроумному средству.

По берегам острова росла в изобилии арума, из которой жители тропиков плетут корзины для зерна, плодов и всяких иных домашних дел. Из прутьев или лыка этого растения, несравненно более гибких и упругих, чем наш камыш или ивняк, Луш сплел себе пару лыж, похожих на снеговые лыжи, какими обыкновенно пользуются жители северных и полярных стран.

«Если люди могут ходить, не проваливаясь, по снегу глубиной до двух – двух с половиной метров, благодаря такой обуви, которая представляет собой очень широкую площадь, то почему бы она не могла оказаться пригодной и для ходьбы по этой проклятой тине?» – рассуждал не без некоторого основания старый разбойник.

Но результаты этого нового опыта, казавшегося в теории превосходным, оказались плачевными на практике.

Едва Луш сделал пять-шесть шагов по тине, как отчаянно вскрикнул и разом провалился по уши. Но как человек предусмотрительный, он, прежде чем отважиться на опыт, приказал подвесить себя крепкой лианой к ближайшему большому дереву, а конец этой лианы велел товарищам держать в руках. Не будь этой лианы, которая спасла ему жизнь, старого Луша не было бы на свете.

Наполовину захлебнувшегося, облепленного илом, как крокодил, купавшийся в болоте, его вытащили, наконец, на берег.

Но странное дело – эта новая неудача привела старика в превосходное настроение. Вместо безобразной гримасы, обычной для него, нечто похожее на улыбку появилось на его старческой физиономии.

Он проворно разулся, выполоскал свою одежду и стал насвистывать мотив избитой кантальной песенки, которая была его излюбленной музыкой.

– Эй, старина, уж не напекло ли тебе солнцем голову? – не мог удержать своего удивления Геркулес при виде необычайной веселости своего старого приятеля. – Чего ты так развесялился, точно макака, охмелевшая от пальмового вина?! Ну, что тут забавного, братцы? Как по-вашему? Я ничего в толк не возьму, чему тут радоваться! Вижу только, что нам, видно, и подохнуть здесь! Волей-неволей надо будет начать изготавливать каучук и работать, как неграм, в угоду этому проклятому плантатору!..

– Совершенно верно, сын мой, – серьезно подтвердил Луш, – придется начать работать, работа даст нам свободу!

– Воля ваша, а наш старик не в своем уме... вот оно что! А между тем его «университет» был превосходно оборудован!..

– Ты славный малый, любезный верзила, но бываешь глуп, как тюлень. Впрочем, можно сказать, что это почти постоянно бывает с тобой, когда ты не спишь!

– Ну, слава Богу! Старина пробирает меня: значит, его башка в полном порядке!... Итак, ты говоришь, что нам надо начать изготавливать каучук?

– Да, племянш, хоть немного, а работать надо, если мы не хотим подохнуть здесь!

– Хм! Так разве это поможет нам выбраться отсюда?

– Да!

– И всего только сделать надрезы в коре деревьев, дать соку стечь в жестяные стаканчики, затем подсушить его на дыму?!

– Да, вот именно, а после того можешь пустить кровь плантатору и выпустить его потроха, поджечь его скорлупу и прокоптить всю его ораву, как мясо черной обезьяны!

– Черт возьми! Да неужели это правда, что ты говоришь?

– Такая же правда, как то, что меня зовут Луш! Даю тебе слово доброго каторжника!

– А ты расскажи хоть немного, как это будет?

– Нет, шалишь! Ничего вперед рассказывать не буду; придет время – увидишь сам. Я хочу приготовить вам, друзья, приятный сюрприз! Ну, сегодня попируем на славу, а завтра примемся за работу!

Сказано – сделано, и сделано на совесть!

После целого дня дикой оргии и целой ночи шумного и грубого хмеля Луш принялся весело и бодро мастерить новую пару лыж из тех же гибких прутьев арума или, вернее, из его лыка.

Товарищи еще на рассвете отправились добывать каучук. Это случилось в первый раз за все время. Вскоре остовы лыж были готовы. Тогда Луш принялся за плетение, и так велико было его искусство и проворство в работе, которой занимаются каторжники в центральных тюрьмах, что к полудню первая пара лыж была сделана. Наученный собственным опытом, старый каторжник несколько видоизменил их форму: он значительно удлинил их, одновременно убавив ширину, так что они стали похожи на игрушечные пироги. Посредине было устроено гнездо для ноги, к которой лыжа привязывалась тонкими и крепкими мочалками. Кроме того, он на этот раз так туго и плотно плел эти лыжи, что они почти не пропускали воды и, казалось, были из толстой ткани.

Довольный своей работой, Луш закрепил каждую из лыж на двух лианах на нижней ветви дерева, затем развел огонь, но не в импровизированной печке, где они готовили себе пищу, а прямо на открытом воздухе, неподалеку от того места, где были подвешены лыжи, чтобы быстрее просушить их.

Тем временем возвратились подневольные серингуэро с ведрами, полными молочно-белого сока каучуковых деревьев.

Луш все делал молча, не удостаивая никого ни одним словом. Он взял одно из ведер с каучуковым соком, осмотрел его содержимое с видом знатока и затем вылил в одну из своих лыж. Жидкость равномерно разлилась по всей лыже с внутренней ее стороны, после чего он снял лыжу с дерева и подверг ее действию дыма и огня.

Не прошло и двадцати секунд, как слой плотного, сгущенного каучука тонкой пленкой покрывал всю внутреннюю поверхность лыжи.

Оглушительный взрыв радостных криков приветствовал этот первый успех. Теперь все поняли тайный смысл слов Луша: «работа даст нам свободу!»

Насладившись своим успехом, Луш решился, наконец, объяснить своим товарищам, каким образом ему пришла в голову эта мысль: он увидел, как сквозь плетенье его лыж просачивалась илистая жидкость!

– И в самом деле! – воскликнул Красный с непритворным энтузиазмом.

– Как же мы глупы, что раньше не подумали об этом?!

– Да, а между тем, всегда так бывает, – заметил Кривой, – все чрезвычайно просто, когда до него додумаешься!

– Эй, послушай, старина, – вдруг заметил Геркулес, – почему, бы нам не изготовить точно таким же образом пирогу, где все могли бы поместиться?

– А ведь ты прав! – поддержали другие каторжники.

– А вот и нет! – возразил Луш. – Пирогу таким образом изготовить нельзя: во-первых она будет недостаточно прочна, а, во-вторых, как и чем заставите ее двигаться по этой густой, как студень, тине? Вспомните наш плот! Ведь течения здесь нет, в этой проклятой тюрьме!

– Ну продолжай, мы сгорим от нетерпения узнать, что ты думаешь делать!

– Это проще простого: обувши эти непромокаемые лыжи, человек сможет двигаться вперед, переступая шаг за шагом, как по сухому пути, не проваливаясь от своей собственной тяжести, а этого уже будет достаточно.

– Да... да! Браво, Луш! Браво! Да здравствует мудрейший из мудрецов!

– Если так, то мы спасены, и тогда берегись плантатор и все его проклятое гнездо! Мы ему припомним, что значит заточать свободных людей в такие ямы!..

– Тише, детушки, тише, не шумите прежде времени! Подождем конца, что-то он нам еще покажет! Дайте мне окончательно изготовить эту парочку лыж, и тогда посмотрим, можно ли нам в самом деле радоваться! А это будет видно после окончательной пробы!

Весь запас каучукового сока, собранного в это утро, пошел на первую пару лыж.

На другое утро, по распоряжению Луша, решено было отдыхать от вчерашних трудов и посвятить этот день окончательному выяснению, есть ли надежда уйти с этого ненавистного всем острова.

Точно так же, как в первый раз, Луш приказал привязать себя под мышки к большому дереву. Товарищи держали конец лианы, служившей спасательным канатом, а он надел лыжи и, вооружившись длинным, крепким и легким шестом, осторожно ступил на жидкую илистую поверхность озера-болота. Несколько минут неопишемого волнения сменились громким восторгом: их изобретательный товарищ стоял твердо на ногах и не проваливался, – жидкая черноватая тюря, напоминающая нефть, мазут или расплавленный асфальт, держала его.

– Крепко ли ты стоишь, старина? – окликнул его Геркулес сдавленным от тревоги голосом.

– Как на суше! – отозвался Луш. – Теперь смотрите, я пойду вперед! Это самая важная проба: если я сумею устоять на одной ноге, то значит, все благополучно!

С невероятными предосторожностями он приподнял одну ногу, занес ее вперед и передвинулся таким образом приблизительно на шестьдесят сантиметров. Осмелев немного, он занес точно так же и другую ногу и сделал еще шаг вперед. Старый негодяй так правильно соразмерил длину и ширину лыж, что в них можно было свободно шагать, не задевая одной за другую и не рискуя кувырнуться головой вниз.

Правда, идти в этих лыжах можно было лишь очень медленно, но что из того? Каторжникам некуда особенно спешить, у них в распоряжении сколько угодно времени!

Теперь Луш сбросил с себя спасательный канат и смело сделал около ста шагов вперед от берега, затем, довольный результатом испытания, весь сияя, возвратился к своим восхищенным товарищам, шумно приветствовавшим его на берегу.

– Ну, а теперь, детки, – проговорил он, – наше избавление является лишь вопросом времени. Так возьмемся же дружно за дело!..

Однако непредвиденные обстоятельства задержали их на острове больше, чем они предполагали.

Никто из них не мог так сплести лыжи, как Луш. Но как он ни спешил со своей работой, как ни усердствовал, более одной пары в день ему никак не удавалось изготовить. Остальные целиком занялись сбором и добычей каучука.

Наконец, через десять дней все было готово. Каждую пару лыж испытали, и все они оказались годными. Счастливые и довольные как люди, стоящие накануне осуществления давно затаенной мечты, беглые каторжники назначили на следующий день свое выступление в путь.

Но в эту ночь над островом разразилась одна из тех тропических гроз, о которых мы, жители умеренной зоны, не имеем и представления. В продолжение целого часа оглушительные удары грома следовали непрерывно один за другим, сопровождаемые ослепительной молнией. Более чем в двадцати разных местах ударила молния в старые гигантские деревья и раздробила их в щепки, в том числе и то большое дерево, под сенью которого хранились непромокаемые лыжи изгнанников. В несколько минут все стало добычей пламени: лыжи горели как факелы.

Пришлось начинать всю работу сначала. Терпеливые и настойчивые, привычные к неудачам и затруднениям, к долгому и томительному труду и выжиданию, каторжники принялись за работу.

Но тут опять случилась беда: Луш, переутомившись, вдруг заболел лихорадкой и вынужден был приостановить работу на две недели.

Впрочем, и эта новая задержка нисколько не обескуражила товарищей старого разбойника, а, напротив, как будто еще более усилила их энергию. За ним ухаживали, как только могли ухаживать эти люди за человеком, столь необходимым им. Благодаря этому уходу больной быстро поправился и мог снова приняться за работу.

И вот снова настал великий день! Каторжники захватили с собой все, что только можно было захватить, главным же образом – провиант. Покинули остров со всевозможными предосторожностями, хотя этот одинокий затерявшийся в болотах остров был слишком далек от всякого населенного людьми места. Как мы уже говорили раньше, это озеро-болото, эта громадная лагуна носила название Лаго-Реаль и была усеяна бесчисленными островками, выплывавшими там и сям из жидкого ила.

Беглецы шли по ней целых три дня, медленно переходя от одного островка к другому, от одного клочка твердой почвы к другому.

Но вот они, наконец, на воле, а между тем трудолюбивые и честные серингуэро, ничего не подозревавшие об этом, продолжали спокойно спать.

Побуждаемые жаждой мести, привлекаемые алчностью и завистью к тому богатству и роскоши, какими пользовался молодой француз-переселенец, бандиты охотно отмахали бы, не останавливаясь, сто километров, отделявших их от главного жилища француза. Но наученные горьким опытом и зная, что молодой плантатор, при помощи и содействии своих служащих, не так-то легко даст себя прирезать, они решили выждать благоприятного случая, а тем временем подыскивать средства для нападения.

Случай помог им в этом.

Они уже несколько дней бродили по земле, некогда занятой миссионерами, а теперь давно заброшенной. Хотя плодовые деревья, кусты и другие растения уже одичали, тем не менее они могли еще дать пищу голодным, не взыскательным на вкус людям. Беглецы решили здесь расположиться.

Вдруг совершенно неожиданно для них, на этой самой земле, окруженной со всех сторон широким кольцом девственных лесов, появилась орда бродячих индейцев, с низовьев Амазонки.

Презираемые и гонимые всеми другими племенами своих соотечественников, живущие частью охотой, частью рыбной ловлей, а по преимуществу воровством и грабежом, не желая обрабатывать хотя бы небольшой клочок земли, эти южноамериканские цыгане бродят по лесам и степям, куда их гонит случай или поиски пищи.

Трусливые и вместе с тем жестокие, они нападают на жилища и селения в тех случаях, когда могут рассчитывать на безнаказанность, грабят, убивают одиноких колонистов или

оседлых соплеменников-индейцев. Ужас и презрение, вселяемое этим племенем, настолько сильны, что само их имя является для индейцев других племен кровным оскорблением. Назвать индейца «мура» – это все равно, что нанести ему самую большую обиду.

Мура являются париями в семье краснокожих. Каждый, кто встретит на пути мура, считает себя вправе убить его, как бешеную собаку или какое-нибудь другое вредное животное, и почти никогда не отказывает себе в этом удовольствии.

И в самом деле, трудно себе представить что-нибудь более отталкивающее, чем их физиономии, которым они стараются придать самый отвратительный вид. Между прочим, у них в обычае рассекать себе ноздри и верхнюю губу и вставлять в эту щель клыки пекари, которые так и вырастают в ноздри и губу, когда рана заживет. Можно представить себе, какой вид им придают эти «украшения» в сочетании с аляповатой татуировкой черной и красной красками, которой покрыты их лицо и верхняя часть тела.

О людях можно сказать то же самое, что о хищных животных; кажется, будто те и другие узнают себе подобных по каким-то неуловимым приметам, как будто преступность и злодейство оставляют на них свое клеймо.

Как это ни странно, но эти разбойники и грабители с берегов Амазонки сразу сдружились с подонками цивилизованного общества и вступили с ними в самую тесную дружбу. Это чрезвычайно поразило бразильских мулатов, которые привыкли видеть в мура беспощадных врагов, вселяющих страх и ужас всем, кто только завидит их.

Мура было всего около сотни, и все они были вооружены луками и стрелами, а некоторые имели еще дрянные ружья, топоры, тесаки. Кроме того, почти у каждого было длинное ременное лассо, очень ловко используемое для ловли скота в саваннах.

Мулаты, придя в себя от изумления, вступили в разговоры с мура на общепринятом здесь языке, исполняя роль переводчиков для Луша, который тотчас же надумал превратить мура в грозных союзников.

Краснокожие отозвались с полной готовностью на все сделанные им предложения: настолько был высок авторитет белой расы даже в глазах этих порочных и отверженных людей. Зная их нрав и обычаи, Луш, чтобы возбудить их алчность, стал расписывать богатства молодого француза и рассказывать, как легко все это может им достаться.

Мура слушали его, развесив уши, тем более, что они издавна знали про эту богатую плантацию и громадные запасы всяких товаров у молодого серингуэро, хозяйничавшего здесь многие годы.

Уже не раз они нападали на него, но каждый раз безуспешно, благодаря беспримерному мужеству защитников, в числе которых было несколько человек мундуруку – заклятых врагов их племени.

В конце концов они пришли к убеждению, что француза нельзя одолеть, и потому окончательно отказались от всяких покушений на его спокойствие.

Но вот люди той же белой расы вступают с ними в союз против ненавистного белого серингуэро. Там был один белый, а все остальные или индейцы, или чернокожие, тогда как здесь у них было четверо белых. Под предводительством этих белых мура могли теперь считать себя непобедимыми. Решив этот вопрос, они сразу сговорились со своими союзниками, не вдаваясь в подробности плана.

Условились, что каторжники поведут их в атаку на серингаль, а добычу они поделят между собой поровну. Мура поклялись беспрекословно повиноваться своим предводителям, обещавшим им свою помощь и поддержку. Чтобы скрыть присутствие столь многочисленного отряда и в то же время действовать без промедления, новые союзники рыскали по саванне в поисках коней.

Не прошло и недели, как у всех в отряде были превосходные полудикие кони, которых, однако, эти прирожденные объездчики очень скоро укротили, с присущей индейцам жесто-

костью и бесчеловечностью. Тогда они отважились мало-помалу подходить ближе к усадьбе, соблюдая всевозможные предосторожности. Учредили у себя отряд лазутчиков и стали выжидать, с терпением и выдержкой настоящих хищников, удобного момента для нападения.

Между тем владелец плантации, довольный уничтожением хищника-змея, весело и беспечно шагал по широкой просеке, не подозревая о готовившейся против него засаде и оживленно беседуя со своим спутником – индейцем Пиражибой.

Чтобы зажечь сигару своего спутника, утерявшего кремль и огниво, Шарль на минуту остановился.

Человек двадцать мура притаились за деревьями.

Случай был слишком заманчив, чтобы его упустить, и один из них ловко пустил свое лассо, которое обхватило шею молодого переселенца с адской силой, и, не успев что-либо сообщить, он упал полузадушенный, потеряв сознание.

Глава XIII

Чтобы принудить пленника говорить. – Луч надежды. – Страшные угрозы. – Упорное молчание. – Возражение. – Поступок мулата. – Дикий конь. – Подобие охоты с помощью лассо. – пытки. – Адское кольцо. – Порвавшаяся подпруга. – Всадник на земле. – Брешь. – По саванне. – Тщетное преследование. – Новый Мазепа. – Отчаяние. – Обморок. – Переправа через реку. – Действие воды на кожаный ремень. – Бессильное бешенство. – Близость спасения. – Нож. – Молниеносная смерть.

Можно себе представить ужас и изумление Шарля, когда после продолжительного и глубокого обморока, раскрыв глаза, он увидел перед собой Луша и его товарищей.

– Ну-с! – продолжал каторжник, отбросив сосуд с водой, которую он плескал прямо в лицо серингуэро. Ну-с, сударь, или вы совсем утратили дар слова? Надо попробовать разжать ему зубы!..

Шарль молчал.

– Хм!.. Да вы упрямитесь! Хорошо, мы сейчас посмотрим, кто из нас кого переупрямит... Господин Луш знает приемы, которые могут заставить говорить даже немного, приемы совершенно безошибочные...

Тут Геркулес выступил вперед и сказал: «И я тоже знаю такое средство. Если ты представишь этого человека на несколько минут в полное мое распоряжение, то я ручаюсь, что сделаю его столь же болтливым, как целая стая попугаев!»

– Руки долой, увалень! Знаю я твои средства! Дай тебе волю, так ты его разом сплотишь прежде, чем мы добьемся от него хоть одного слова!

В продолжение этого разговора, из которого намерения разбойников совершенно прояснились, мысли с бешеной скоростью проносились в голове Шарля. Окинув все вокруг одним взглядом, он увидел, вместе с каторжниками и бразильскими мулатами, большое число мура, своих беспощадных врагов, а он был один, совершенно один. Табира не здесь, не в плену у негодяев; слабый луч надежды зародился в его душе, но весьма слабый, – увы! А все-таки, если мундуруку, ловкость, хитрость и сообразительность которого ему хорошо были известны, если он не задушен мурами, то, наверное, последовал по его следам, и тогда не подлежит сомнению, что он сделает все на свете, чтобы, при помощи смелых и мужественных защитников серингаля попытаться спасти хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.